

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

**«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДИЗАЙНА И ТЕХНОЛОГИИ»**

Международная научно-практическая конференция

**ГУМАНИТАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО
ПРОГРЕССА:
РОССИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

(25-27 апреля 2016 г.)

СБОРНИК СТАТЕЙ

ЧАСТЬ 8

Москва – 2016

УДК 008+009+159.9+330
М 82

Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции. В 8 частях. Часть 8 / Под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кащеева, В.В. Зотова, И.В. Антоненко. – М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016. – 256 с.

В сборник включены статьи участников конференции: профессорско-преподавательского и научного состава, аспирантов российских и зарубежных вузов и научно-исследовательских учреждений. Статьи отражают широкий спектр основных направлений исследований в современной гуманитарной и общественной сфере.

Ответственные редакторы:

В.С. Белгородский (Москва, Россия), О.В. Кащеев (Москва, Россия), В.В. Зотов (Москва, Россия), И.В. Антоненко (Москва, Россия).

Редакционный совет: Г.В. Акопов (Самара, Россия), А.А. Аникин (Москва, Россия), Н.Г. Артемцева (Москва, Россия), О.А. Артемьева (Иркутск, Россия), Г.А. Горбань (Запорожье, Украина), Д.Д. Дуйсенбеков (Алматы, Казахстан), О.А. Запека (Москва, Россия), А. Ишикава (Токио, Япония), И.Н. Карицкий (Москва, Россия), М.М. Кашапов (Ярославль, Россия), Л. Кевески (Битола, Македония), О.В. Ковалева (Москва, Россия), А.Ф. Корниенко (Казань, Россия), А.А. Костригин (Нижний Новгород, Россия), О.М. Краснорядцева (Томск, Россия), Т.Ю. Нечаева (Москва, Россия), М.Д. Няголова (Велико Тырново, Болгария), В.Н. Панферов (Санкт-Петербург, Россия), Е.Г. Страчкова (Москва, Россия), И.А. Сусоколова (Бремен, Германия), П.Т. Тюрин (Рига, Латвия), А.А. Федоров (Новосибирск, Россия), Н.П. Фетискин (Кострома, Россия), М.Д. Чабаркапа (Белград, Сербия), В.А. Янчук (Минск, Беларусь).

ISBN 978-5-87055-352-8
ISBN 978-5-87055-362-7

© Московский государственный университет
дизайна и технологии, 2016
© Обложка. Дизайн. Николаева Н.А., 2016
© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

<i>Мельничук А.С.</i> Особенности социальных представлений о людях, отказывающихся от коррупционного взаимодействия.....	6
<i>Меринова Михаил О.В.</i> Концепция построения организационной структуры.....	11
<i>Мидзуками Т.</i> Характеристика миграции японцев в Австралию.....	16
<i>Микляева А.В.</i> Феномен «зрелость личности – инфантилизм личности» через призму методологии социального конструкционизма.....	21
<i>Миронова Т.И., Фетискин Д.Н.</i> Социально-психологические формы проявления правового нигилизма.....	26
<i>Москаленко О.В.</i> Высшее образование как одно из важнейших гуманитарных оснований социального прогресса современной России.	31
<i>Надежкин И.Н., Исаева И.Э.</i> Модель положительного образа государственного служащего Российской Федерации.....	36
<i>Огума С.</i> Современное состояние человеческих отношений на рабочем месте.....	41
<i>Палт Е.А.</i> Особенности делового общения менеджеров в международной компании.....	46
<i>Панферов В.Н.</i> Психологический конструкт социальной перцепции.	51
<i>Петрович Н., Чабаркана М.Д.</i> Социально-психологические ценности, имеющие отношение к социальному активизму.....	57
<i>Полякова И.В.</i> Психологические особенности восприятия социального прогресса.....	64
<i>Попова Л.В., Смбалян С.А.</i> Исследование социальных представлений об Армении как объекте туризма.....	69
<i>Ракитина О.В.</i> К вопросу о видах профессиональной деятельности психолога.....	73
<i>Рамендик Д.М.</i> Достижение успеха в деловой и личной жизни: психологические особенности мужчин и женщин.....	79
<i>Речкалова К.Р.</i> Социальная программа как инструмент мотивации персонала.....	84
<i>Романов И.В.</i> Изучение особенностей сетевой информационной среды, как источника порождения новых психологических знаний...	88
<i>Салахова В.Б.</i> Особенности смысловых систем осужденных, получающих высшее профессиональное образование.....	93
<i>Селезнева Е.В.</i> Внутренние регуляторы отношений между субъектом и объектом управления.....	99
<i>Семенов Д.В., Елианский С.П.</i> Социально-деструктивное поведение в современном российском обществе.....	105

Сизова Л.А., Белик В.В. Ресурсы и динамика профессионального становления медицинских работников (врачей и медицинских сестер).....	109
Синицына Л.В. К вопросу изучения феномена «социальная психология проступка в деятельности сотрудников органов внутренних дел».....	113
Скрипкина Т.П. Доверие в системе «учитель–ученик» – стержневой элемент личностного развития школьника.....	120
Сладкова О.Б. Информационный инструментарий изучения социодинамики культуры.....	126
Степанова Г.С. Анализ особенностей этнокультурного самоопределения русских в ретроспективном контексте.....	131
Стойилькович С., Стоянович А., Джигич Г. Эмпатия преподавателей, работающих на различных уровнях образования в Сербии.....	135
Темирева К.А. Рассмотрение этнической толерантности через призму преемственности использования в современной одежде элементов различных культурных составляющих.....	141
Тимохович А.Н., Филенко С.С. Вовлеченность студентов вузов в научно-исследовательскую деятельность: проблемы и пути решения.....	147
Тодорович Е., Янкович И., Арнаудова В. Различия семейных отношений у студентов Скопье и Ниша.....	152
Толочек В.А. Пространство и ресурсы интересубъектных взаимодействий: исторические изменения.....	159
Тучина О.Р. Исторический опыт и национальная идентичность личности.....	164
Улугова Ш.М. Факторы, действующие на социально-психологическую адаптацию женщин в условиях рыночной экономики.....	169
Усманова М.Н., Рахманова Д.Б. Межкультурные различия при составлении тестов.....	173
Ушакова В.Д. Исследование взаимосвязи между организационной лояльностью и психологическим климатом в группе.....	179
Ушнев С.В., Онзимба Ленюно Ж.Б., Аймаутова Н.Е. Индивидуально-психологические особенности и ценностные ориентации молодежи разных профессиональных типов.....	183
Фадеева Т.Ю. Взаимосвязь надежды и копинг-стратегий личности... ..	188
Фетискин Н.П. Девиации креативно-одаренных детей.....	192
Филонова О.В., Ионцева М.В. Социальная перцепция, общение, самовосприятие.....	197
Флоровский С.Ю. Личностная детерминация управленческого взаимодействия руководителей в организации (к проблеме социально-психологических особенностей российского менеджмента).....	202

Чернышов М.Ю. Социальные проблемы и синдром экстенсивной инвалидизации.....	208
Чернышов М.Ю. Скреповый принцип интеграции в аспекте психологии и физиологии.....	214
Чумакова В.А. Психологические особенности восприятия и понимания текстовой информации в условиях электронного обучения.....	219
Шепелева С.В., Фетискин Н.П. Антропологические основания девиантного поведения.....	223
Шмелева Е.А., Кисляков П.А. Инновационный потенциал личности: психология формирования в вузе.....	228
Шпитонков С.В. Управление карьерой профессионала: ресурсы корпоративного обучения.....	234
Яновский М.И. Герой-супермен как форма ницшеанского сверхчеловека.....	239
Янчук В.А. Принцип диалогического интердетерминизма как метаоснование углубления понимания социально-психологической феноменологии.....	244
Яценко Е.Ф. Половые различия в представлении о счастье у российской молодежи.....	250

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛЮДЯХ, ОТКАЗЫВАЮЩИХСЯ ОТ КОРРУПЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Мельничук А.С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва

В статье представлены результаты эмпирического исследования представлений о людях, отказывающихся от получения и дачи взятки. Показано, что общими чертами, приписываемыми таким людям, являются развитое моральное сознание, высокая нормативность, способность противостоять коррупционному давлению, самоуважение, склонность анализировать ситуацию и учитывать последствия поступков.

Ключевые слова: коррупция, социальные представления, отказ от дачи взятки, отказ от получения взятки.

THE PECULIARITIES OF SOCIAL THOUGHTS ABOUT PEOPLE REFUSING FROM CORRUPTION INTERACTION

Melnichuk A.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and the Public Administration,
Moscow

The article presents the results of empirical research of thoughts about people who refuse to give and to get a bribe. It is shown that the common traits of such people are the developed moral consciousness, high normativity, the ability to resist corruption pressure, self-respect, a tendency to analyze the situation and to consider the consequences of actions.

Keywords: corruption, social representations, refusal to give a bribe, refusal to get a bribe.

Среди проблем, с которыми сталкивается современное российское общество, одной из самых значимых является коррупция. Она проявляется на самых разных уровнях социума и негативно влияет на все его сферы. В силу своей многогранности феномен коррупции может рассматриваться с точки зрения многих отраслей науки (права, экономики, политологии и т.д.), однако полноценно его понять можно только с привлечением психологического знания. Так для выявления истоков и механизмов коррупци-

онного поведения важно социально-психологическое рассмотрение коррупции, в частности – анализ существующих в обществе представлений о различных аспектах данного явления.

В работах психологов и социологов затрагиваются существующие в обыденном сознании представления о сущности, формах и локализации коррупции, возможности ее преодоления, участниках (Антонюк, Алавидзе, 2000; Латов, 2008; Леонтьева, 2010; Сатаров, 2008; Чеснокова, 2009 и др.). Однако крайне редко в фокусе внимания оказываются образы людей, отказывающихся вступать в коррупционные отношения.

С одной стороны, изучение приписываемых им черт позволяет получить информацию о факторах, способных, по мнению граждан, блокировать коррупционное поведение. С другой стороны, важно выявить, в какой мере образ «анतिकоррупционера» носит черты позитивного социального эталона (особенно в условиях как объективно широкого распространения коррупции, так и существующих в массовом сознании представлений о ее тотальности). При этом мы разделяем положение о том, что высказываемые мнения во многом выступают проекцией ориентаций самих участников опроса (Коррупция в системе образования..., 2008).

Исходя из этого, нами было проведено исследование, в котором приняли участие 145 респондентов - 72 студента в возрасте от 18 до 22 лет и 73 «взрослых» в возрасте от 23 лет и старше (в сборе данных принимала участие И.Э. Исаева). Респондентов просили указать черты, которые характерны для «человека, отказывающегося от предлагаемой взятки», и «человека, отказывающегося давать взятку (которую у него вымогают)».

Контент-анализ показал, что ведущей чертой отказавшегося от предлагаемой взятки человека выступает развитое моральное сознание (126 высказываний или 47% от их общего числа), представленное в терминах честности, порядочности, справедливости наличия совести. С данной группой в содержательном плане можно соотнести небольшую группу ответов (9 высказываний, 3,4%), в которых отказа от взятки связывается с наличием патриотической мотивации и «желанием изменить мир к лучшему».

Вторая по величине группа качеств может быть обозначена как «нормативность» (52 высказывания или 19,4%). В первую очередь респонденты называли принципиальность, ответственность, законопослушность. Первый и второй блоки качеств содержательно близки (высокая нравственность предполагает следование моральным принципам), однако отметим, что отказ от вступления в коррупционное взаимодействие может быть обусловлен не столько глубинными нравственными мотивами, сколько убеждением человека в том, что «установленные правила нельзя нарушать».

В третью группу (20 высказываний, 7,5%) вошли качества, отражающие особенности саморегуляции личности (воля, наличие «характера», уверенность, хладнокровие и т.д.), позволяющие человеку противо-

стоять давлению коррупционной ситуации. С одной стороны, это собственно воздействие со стороны взяткодателя, убеждающего «взять» (один из респондентов использовал в своем ответе формулировку «умение сказать «нет»). С другой стороны, речь может идти о внутриличностном противостоянии «искушению».

Смысловую основу для такого противостояния способно создавать самосознание личности. Такие его составляющие как, гордость, самоуважение, нежелание унижаться и т.д. образуют группу качеств, которые мы назвали «чувство собственного достоинства» (25 высказываний, 9,3%). Помимо непосредственно связанных с самосознанием черт мы сочли возможным включить в данную группу высказывания, в которых человеку приписываются, с одной стороны, высокий уровень образования и компетентности (во многом детерминирующие «профессиональную честь»), а с другой - стремление к независимости, самодостаточность. Последние качества весьма важны в контексте того, что дача взятки часто рассматривается гражданами как своеобразный способ получения власти над должностным лицом (Римский, 2008, с. 63).

В представлениях респондентов отказ от получения взятки может быть обусловлен присущим человеку страхом наказания (15 высказываний, 5,6%). Аналогичной по «весу» (14 высказываний, 5,2%) стала группа качеств, включившая ум, расчетливость, осмотрительность, склонность рассматривать отдаленные последствия действий. Таким образом, по мнению респондентов блокатором коррупционных поступков выступает склонность просчитывать ситуацию и думать о будущем (включая собственную карьеру и семью). Представляется, что эти особенности способны как обуславливать отмеченную выше боязнь санкций, так и формировать представление о «нерентабельности» коррупции в качестве средства повышения благосостояния.

Среди ответов присутствует группа высказываний, которые связывают отказ от взятки с факторами материального плана. Несмотря на единичный характер, такие формулировки задают весьма разные «вектора» осмысления оснований устойчивости к коррупционным искушениям - бескорыстие человека (2 высказывания), высокий уровень его материального достатка, делающем взятку бессмысленной (1 высказывание) и слишком малый размер взятки (2 высказывания). Отметим, что первый вариант присутствует только у студентов, а два других – только у «взрослых» респондентов. Также следует сказать о двух высказываниях, в которых отказывающемуся от предлагаемой взятки приписывается «недостаток ума» (глупость и психическое расстройство).

Рассматривая представления о людях, отказывающихся давать требуемую у них взятку, отметим, что структура и иерархия характеристик такого человека в значительной мере аналогичны выделенным при описании людей, отказывающихся взятку «принимать». Так наиболее весомым эле-

ментом образа рассматриваемого человека стало развитое моральное сознание (62 высказывания, 28,4% общего числа). Внутри данной группы выделились две подгруппы черт – связанные с честностью, порядочностью, правдолюбием, стремлением «жить по совести» (40 высказываний, 18,3%) и отражающих стремление к справедливости и желание ее отстаивать (22 высказывания, 10%).

Вторым по значимости блоком качеств также стала высокая нормативность, описываемая в терминах принципиальности, правосознания, ориентации на законность (57 высказываний, 26,1% от общего числа). На третьем месте в иерархии (как и при описании отказывающегося от взятки) находятся характеристики, связанные с силой характер, волей, уверенностью в себе, т.е. обеспечивающими способность противостоять коррупционному давлению (30 высказываний, 13,8%).

Отметим, что четвертый блок характеристик (21 высказывание, 9,6%) в представлениях о первом из рассмотренных противников коррупции отсутствует. Его можно обозначить как «социальная смелость» (помимо собственно смелости респонденты указывали бесстрашие, мужество, храбрость). Пятая группа черт (16 высказываний, 7,3%) отражает чувство собственного достоинства (честь, самоуважение, гордость и т.д.). Как и в первом случае, мы включили в состав данного блока высказывания, связанные с профессиональным менталитетом (например, любовь к своему делу, желание «постоять» за него). Шестая группа характеристик (14 высказываний, 6,4%) включает такие характеристики как «ум» «рассудительность», «расчетливость» и, как и при анализе особенностей ранее рассмотренного «персонажа» обозначена нами как «склонность просчитывать ситуацию и думать о будущем».

Следующие блоки характеристик имеют небольшой объем, но достаточно важны для понимания атрибуции антикоррупционного поведения. Во-первых, респонденты видят его причину в низкой «платежеспособности» человека, когда размер взятки чрезмерен (4 высказывания) или в «жадности» (3 высказывания). Во-вторых, важным фактором противостояния коррупционному давлению выступает грамотность в правовых вопросах, дающая возможность решить проблему «по закону» (6 высказываний). В-третьих, вовлечению в коррупцию препятствует страх наказания (4 высказывания). В-четвертых, отказ платить взятку в 2 высказываниях характеризуется как глупость, из-за которой человек не достигнет значимой цели.

Полученные результаты позволяют говорить об идентичности качеств, отличающих в сознании респондентов две рассмотренные категории противников коррупционных отношений. При этом представляется достаточно позитивными, что своеобразным «ядром антикоррупционности» оказались именно нравственные качества и законопослушность (а не, например, боязнь наказания или стремление «сэкономить деньги»).

Наше исследование подтвердило результаты некоторых ранее проведенных исследований. В частности это тезис о том, что значимыми факторами антикоррупционной устойчивости выступают самоуважение и самодостаточность (Ванновская, 2011, с. 133-134), а также то, что в представлениях о не берущих взятки людях одним из весомых компонентов выступает их следование правилам (Коррупция в системе образования. Некоторые предварительные результаты..., 2008).

Обратим внимание на то, что в представлениях многих респондентов отказывающийся давать взятку человек отличается смелостью. Атрибуция данного качества по нашему мнению обусловлена тем, что взятка в российском обществе часто воспринимается (в особенности - молодежью) как вполне приемлемый способ решения повседневных проблем (Мельничук, 2014). Соответственно, реализующий свои нравственно-правовые установки человек, осознанно идет на риск недостижения прагматичных целей (что, действительно, требует определенного мужества).

Исходя из этого, одним из направлений борьбы с коррупцией должно стать обеспечение психологической «защищенности» людей, снижающей «цену» проявления гражданских качеств. Средством этого может стать как облегчение административных процедур, так и формирование правовой компетентности граждан (которая в функциональном плане позволяет успешно «противостоять» давлению коррупционеров, а в психологическом плане - повышает ощущение антикоррупционной самоэффективности).

Литература

Антонюк Е.В., Алавидзе Т.Л. Социальные представления о коррупции. М.: Институт экономики переходного периода, 2000.

Ванновская О.В. Обоснование концепции коррупционного поведения госслужащих // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2011. – №3. – С.130-135.

Коррупция в системе образования. Некоторые предварительные результаты (социологический и психологический анализ). URL: http://psychology.az/project_corr.php

Латов Ю.В. Глас народа о проблемах коррупции: закономерное и парадоксальное // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. – №2. – С.123-138.

Леонтьева Э.О. Восприятие коррупции в стереотипах массового сознания россиян // Полития. 2010. – №1. – С.45-51.

Мельничук А.С. Социальные представления студентов как фактор коррупционного и антикоррупционного поведения // Эффективное государственное и муниципальное управление как фактор социально-экономического развития России: сб. статей междунар. научно-практич. конф. МИГСУ РАНХиГС / под общ. ред. Г.Ю. Ивлевой. Москва: Проспект, 2014. – С.347-353.

Римский В.Л. Коррупция во взаимодействиях российских граждан с представителями органов власти // *Общественные науки и современность.* 2008. №5. С.59-67.

Сатаров Г.А. Установки респондентов и коррупция // *Общественные науки и современность.* 2008.– №5. – С.48-58.

Чеснокова С.Ю. Представления россиян о коррупции (на примере Санкт-Петербурга) // *Социология власти.* 2009. – №2.– С.193-198.

КОНЦЕПЦИЯ ПОСТРОЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ

Меринова Михаил О.В.

Глостер, Великобритания

В статье рассматриваются принципы построения организационной структуры организации. Установлена тесная связь между организационной структурой и структурой управления. Эффективное взаимодействие организационной структуры и структуры управления ведет к достижению общих целей и задач организации. Обосновывается необходимость видения организации как открытой системы.

Ключевые слова: организационная структура, структура управления, линейные и функциональные связи, управленческий процесс, открытая система.

ORGANIZATIONAL STRUCTURE FORMING-UP CONCEPT

Merinova Michael O.V.

Gloucester, Great Britain

The concept of organizational structure of the entity is considered in the article. The close links between the organizational structure and management structure has been established. The effective co-operation of the organizational structure and management structure leads up to the achievement of the goals and objectives of the entity. The necessity of seeing the entity as an open-end system is taken into account.

Keywords: organizational structure, management structure, linear and functional links, management process, open-end system.

Для построения организационной структуры современной организации применяются подходы, основанные на видении организации как сложной организационной совокупности функционирующей в условиях еще более сложной внешней среды. Сложность современной организации обусловлена, прежде всего, тем, что она (организация) существует сразу в нескольких плоскостях:

1) является многогранным социальным инструментом и человеческой общностью. Именно этим она и отличается от организаций, изучаемых классической теорией управления, в основе которых лежат такие понятия, как единоначалие, скалярная цепочка (сверху вниз), полномочия и ответственность, централизация власти и т.д. Она более напоминает живой организм, постоянно изменяющийся и адаптирующий под внешние условия;

2) функционирует в условиях целеполагания и управления. Именно цели являются движущей силой внутренних ресурсов. Кроме того, цели являются направляющей силой организации. Они указывают путь и направление движения. Цель – не догма, так как, со временем пересматривается. С этой точки зрения, цели не обязательно должны быть достижимы, но если они достижимы, то это тоже не плохо. Главное, чтобы глобальные цели отражали цели элементов системы (вплоть до каждого сотрудника). Умение ставить цели является определяющим для организации (Морган, 2008).

Внутренняя среда организаций многогранна. Организации с самого зарождения строятся как системы многомерные, состоящие из элементов разной природы системы неравенства, сотрудничества и борьбы интересов. Противоречия в организации проявляются между такими факторами, как личное и безличное, индивидуальное и общее, планомерное и спонтанное (Антоненко, 2015; Антоненко, Карицкий, 2007).

Целеполагание предполагает наличие целей и задач, а управление предполагает целевые функции, управляющее воздействие и организационный порядок. Наибольшего эффекта можно достичь, когда достижение общей системной цели полностью соответствует достижению индивидуальных целей работников. При таком подходе организация выступает как среда обмена между целым и его элементами. В ней для этого образуются «точки интеграции», в которых сопрягаются интересы индивидов и задачи организации, например посредством обмена труда на вознаграждение (Морган, 2008).

Организация создается вокруг целей. Но самих целей достичь можно, только выстроив иерархию. Организационная инженерия имеет свои особенности. Проектирование организаций ограничено неизбежностью приспособления любого готового проекта к качествам того реального человеческого материала, который заполнит затем заданные позиции и связи. Это значит, что, в противоположность техническому проектированию, чем менее проект организации конкретен, тем он в каком-то смысле надежнее.

Проблема выбора стратегии и модели организационной структуры достаточно сложна. Дж. Робертс развивает «идею соответствия» между определенными стратегиями и моделями организационной структуры. Такое соответствие, по его мнению, обеспечивает хорошие результаты деятельности, чего не удастся другим вариантам стратегии и структуры. Су-

ществуют узнаваемые, понятные и прогнозируемые взаимосвязи между характеристиками внешней среды и вариантами выбора стратегии и организационной структуры, которые помогают определить, какие сочетания будут успешными, а какие – нет. После выявления таких взаимосвязей часто оказывается, что среди возможных переменных количество согласованных шаблонов ограничено (Гуськов, 2011).

Проблема выбора модели (шаблона) заключается в идентификации и отборе тех возможностей, которые хорошо сочетаются, но во многих отношениях имеют особые направления выбора. Проблема намного легче поддается обработке, если мы понимаем, какие факторы обеспечивают взаимосвязь между важными элементами.

Между организационной структурой и структурой управления существует тесная связь: структура организации отражает принятое в ней разделение работ между подразделениями, группами и людьми, а структура управления создает механизмы координации и контроля, обеспечивающие эффективное функционирование для достижения общих целей и задач организации. Как правило, мероприятия по проектированию или изменению состава самой организации вызывают необходимость соответствующих перемен в структуре управления. Структура управления представляет собой упорядоченную совокупность связей между звеньями и работниками, занятыми решением управленческих задач. В ней выделяются такие понятия, как элементы, связи, уровни.

Элементы – это службы, группы и работники, выполняющие те или иные функции управления в соответствии с принятым разделением управленческих задач, функций и работ. Отношения между элементами поддерживаются благодаря связям, которые принято подразделять на горизонтальные и вертикальные. Горизонтальные связи носят характер согласования и являются, как правило, одноуровневыми. Вертикальные связи – это связи подчинения, и необходимость возникает в них при иерархичности управления, то есть, при наличии нескольких уровней управления.

Связи могут носить линейный и функциональный характер. Линейные связи отражают движение управленческих решений и информации между линейными руководителями, то есть, лицами, полностью отвечающими за деятельность организации или ее основных структур подразделений. Функциональные связи имеют место по линии движения информации и управленческих решений по функциям управления. Все виды связей поддерживают необходимое единство и координацию действий отдельных звеньев структуры, а это обеспечивает непрерывность управленческого процесса (Морган, 2008).

Организации подобно организмам открыты для своей внешней среды и, если хотят выжить, должны устанавливать соответствующие ей отношения. Организации обязаны эволюционировать. Способность системы развиваться зависит от способности двигаться к более сложным формам диф-

ференциации и интеграции и большего разнообразия в системе. Видение организации как открытой системы концентрируется на нескольких ключевых вопросах:

Подчеркнутое внимание к окружающей среде, в которой живут организации. Классики менеджмента почти не затрагивали этот вопрос и относились к организации как к закрытой системе. Сегодня видение меняется и во многом интерес к корпоративной стратегии – следствие осознания того, что организации должны чутко прислушиваться к происходящему во внешней среде.

Организация – система взаимосвязанных подсистем. Организация содержит группы и индивидуумов, которые в свою очередь принадлежат к более крупным подразделениям. Такой подход помогает найти способы управлять отношениями между критическими подсистемами и окружающей средой.

Достижение слаженности работы различных систем. Организацию как организм можно представить в виде набора взаимодействующих подсистем. Эти подсистемы можно определить многими способами (рис.).

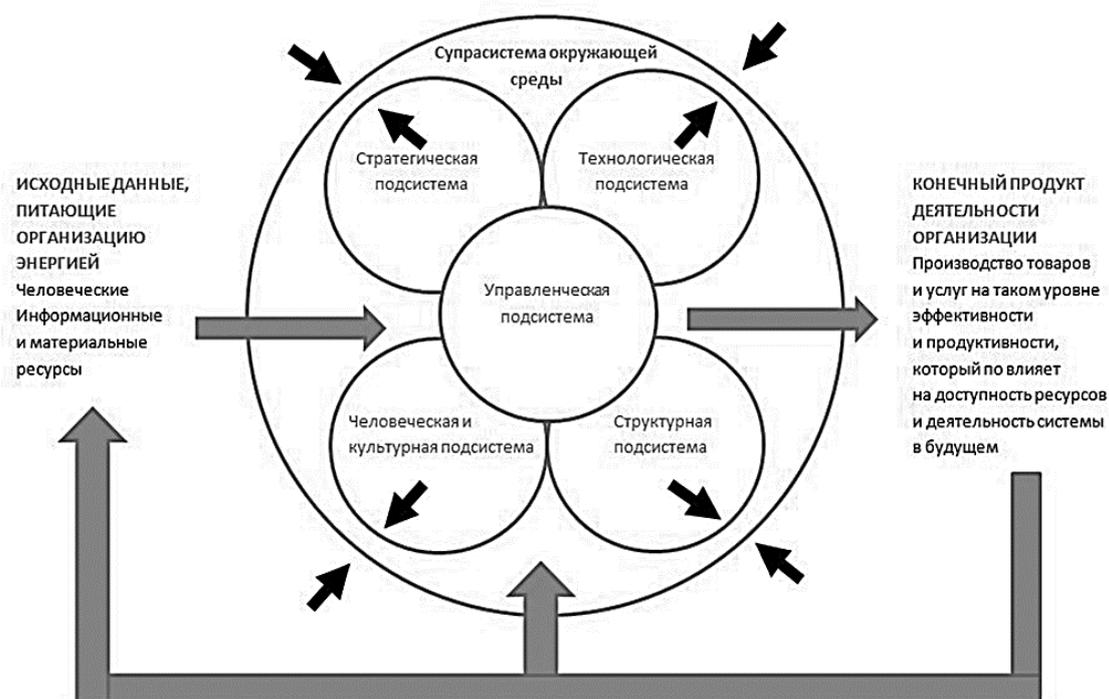

Рисунок. Система окружающей среды

В рамках организационной структуры протекает управленческий процесс (движение информации и принятие управленческих решений) между участниками которого распределены функции и задачи управления, а, следовательно, права и ответственность за их выполнение. В соответствии с этим построение организационной структуры управления требует:

группировки всех видов работ по функциям, обязанностям или задачам;

формирования соответствующих отделов, рабочих групп и определения индивидуальных исполнителей;

установления полномочий по принятию решений и отношений между отделами, рабочими группами и индивидами по поводу выполнения ими функций, обязанностей и задач;

формирования каналов коммуникаций и механизмов, обеспечивающих координацию и передачу решений по вертикали и горизонтали.

В связи с этим необходимо рассмотреть определения нескольких важных понятий, имеющих непосредственное отношение к организационной структуре управления: «полномочия», «ответственность», «делегирование», «власть», «координация», «формализация», и пр. Полномочия – это ограниченное право использовать ресурсы организации и направлять усилия подчиненных на выполнение определенных задач. Их определяют так же, как делегированное или присущее данной должности право использовать ресурсы организации.

Ответственность – это обязанность выполнять задачи и отвечать за их решение. Полномочия и ответственность связаны между собой: полномочия без ответственности создают условия для неограниченной власти и разнузданности, а передача ответственности без предоставления необходимых полномочий – это характеристика безграмотного и безответственного отношения лица к собственным обязанностям.

Делегирование – это передача задач и полномочий лицу, которое принимает на себя ответственность за их выполнение. Власть – это право влиять на поведение других людей и принуждать их действовать в определенном направлении.

Структуру управления характеризуют с помощью таких понятий, как сложность, уровни формализации и централизации, механизмы координации (Кибанов, 2007). Количество и состав отделов, групп, высококвалифицированных специалистов и уровней иерархии могут меняться при существенных изменениях, как в структуре самой организации, так и в отношениях с внешней средой.

Поэтому, например, увеличение ассортимента выпускаемой продукции может привести к пересмотру разделения работ среди управленческого персонала и формированию в составе отделений новых служб, ориентированных на продуктовую, географическую или потребительскую специализацию. Одновременно это может повлиять и на другие параметры структуры управления, например на уровень централизации принятия решений, механизмы координации, сложность.

Формализация характеризует масштабы использования правил и регулировочных механизмов для управления поведением людей. Другими словами, формализация характеризует уровень стандартизации работ внутри организации. Стандарты ограничивают возможности выбора исполнителей, указывая им что, когда и как надо делать. Работа должна вы-

полняться в соответствии с требованиями, инструкциями, правилами, описанием процедур и операций по всем процессам, протекающим в организации. Их значение при снижении уровня формализации падает, и исполнителям предоставляется большая свобода выбора и возможностей принятия собственных решений. Координация базируется на использовании механизмов интеграции разделенных ресурсов и действий. Интеграция осуществляется как по горизонтали, «закрепляя» элементы структуры одного уровня, так и по вертикали, распространяя систему прав сверху вниз.

Внутренняя среда организации разнообразна, внешняя среда отличается непредсказуемостью и изменчивостью, а сама модель организации, ее структура, все более напоминает живой организм со своими способностями и особенностями. И чем более этот организм будет настроен на удовлетворение своих внутренних потребностей за счет использования во внешней среде своих же возможностей, тем более сильной и устойчивой к переменам будет сама организация.

Литература

Антоненко И.В. Сущность доверия как социально-психологического явления // Вестник Университета Российской академии образования. 2015. – №3. – С.34-43.

Антоненко И.В., Карицкий И.Н. Типы подчиненных // Вестник университета (Государственный университет управления). Выпуск: Социология и управление персоналом. 2007. – № 12 (38). – С.16-18.

Кибанов А.Я. Управление персоналом организации. М: ИНФРА-М, 2007.

Морган Г. Образы организаций. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008.

Гуськов Ю.В. Стратегический менеджмент. М.: ИНФРА-М, 2011.

ХАРАКТЕРИСТИКА МИГРАЦИИ ЯПОНЦЕВ В АВСТРАЛИЮ

Мидзуками Т.

Университет Риккьо, Токио, Япония

В статье дается характеристика японскому миграционному населению в Австралии. Главными характеристиками являются: высокий рост количества миграций, большая доля женщин среди мигрантов и размещение в больших городах. Описывается жизнь мигрантов, создание ими различных учреждений, заключение межнациональных браков. Используются статистические данные.

Ключевые слова: миграция, Япония, Австралия, характеристики, статистика, диаспора.

THE CHARACTERISTICS OF JAPANESE MIGRATION TO AUSTRALIA

Mizukami T.
Rikkyo University, Tokyo, Japan

The article describes the Japanese population migration in Australia. The main characteristics are a high increase in the number of migrations, a large proportion of women among migrants and accommodation in the big cities. The author describes the lives of migrants, the establishment of various institutions, the conclusion of international marriages. Statistical data is used.

Keywords: migration, Japan, Australia, features, statistics, Diaspora.

1. Introduction

The objective of this paper is to present of the characteristics of Japanese emigration and Japanese communities overseas. The particular focus is on Japanese people visiting Australia, and relevant literatures including the Japanese government's census data are reviewed.

2. Analyses of Japanese Population in Overseas and Australia

According to the Japanese government survey conducted by the Ministry of Foreign Affairs, over the past two decades the Japanese population overseas has constantly increased and it reached over 1 million in the mid-2000s (2005). In 2014, the number of Japanese population in foreign lands was almost 1,290,000. In terms of the numbers of Japanese population by country, the United States of America had the largest with a total of 414,247 persons (32%), followed by China's 133,902 (10%) (see Table 1). Australia is third largest accounting for nearly 6.6 percent of entire Japanese population in foreign lands. From Japan's statistics, Australia is one of the major destinations.

Table 1. Top five countries of the number of Japanese in 2014

Country/ Region	Number of Japanese Nationals
United States of America	414,247
China	131,534
Australia	85083
England	67258
Thai land	64285

Source: Gaimudaijin kanbo ryoji ijubu (Consular and Migration Division, Consular and Migration Affairs Department). 2016.

Australian Statistics

When we identify aspects of the Japanese population in Australia by referring to Australian demographic data, the size is quite small. According to the latest Australian Census of 2011, the total of the Japan-born population was just over 35,000. There have been some differentiation in categorisation between the

number of Japanese government survey and that of Australian Census. The Japanese government conducts a survey on Japanese nationals who live in foreign countries on a permanent and a long-term temporary basis every year. Japanese regulations oblige Japanese nationals who stay in foreign countries for three months or more to register with nominated Japanese government agencies, usually the local Japanese Embassy or Consulate General. The subjects identified by the survey cover Japanese nationals, and thus people of Japanese origin who took out foreign citizenship by their naturalisation are excluded. Additionally, the long-term temporary residents mean who stay in foreign countries for three months or more. But the Australian Census deals with Japan-born people who live in Australia for twelve months or more.

Thus, when we exclude Japanese short-time visitors in Australia, Japan-born persons were only 0.16 percent of the entire Australian population (21,507,719). In fact, Japanese population cannot be regarded as a major ethnic group in terms of the number and population ratio. However, they have formed a quite visible community with its businesses and Japanese organisations in some metropolitan areas. There are indeed distinct characteristics of Japanese residency in Australia:

The major characteristics of the increasing Japanese population in Australia are as follows:

- a) Dramatic increase in permanent residents in last quarter of the century;
- b) Females have been predominant in migration; and
- c) There is a concentration in large cities, such as state capitals, with relatively high proportion of education related people (rather than business expatriates), when compared to some other metropolises.

3. Dramatic Increase in Population

According to Japan's government survey, the Japanese population has persistently been expanded. In the ten years period of 1990s (1990 - 2000), the number expanded to more than double from 15,000 to 38,000. Then, next 10 years, in 2010, the number increased nearly double again to over 70,000 (see Table 2).

Table 2. Number of long-term temporary residents and permanent residents in 1990-2010

Category/ Year	Long-term Residents			Permanent Residents			Total
	Male	Female	Total	Male	Female	Total	
1990	5,031	4,755	9,786	2,056	3,312	5,368	15,154
1995	6,303	6,908	13,211	4,100	6,618	10,718	23,929
2000	9,073	12,541	21,614	6,194	10,619	16,813	38,427
2005	10,216	17,439	27,655	9,189	16,126	25,315	52,970
2010	11,400	19,912	31,312	14,241	25,303	39,544	70,856
2014	13,093	23,401	36,494	17,685	30,904	48,589	85,083

Source: Gaimudaijin kanbo ryoji ijubu (Consular and Migration Division, Consular and Migration Affairs Department). 1991-2011. As for the 2014 figures, the data is from the Japanese government's website.

In the 1990s and 2000s

The discernible tendency is for the number of Japanese arriving as permanent residents to increase year by year. From 1990 to 1995, the number almost doubled from just over 5,000 (5,368) to 10,718, and it then had almost tripled to 16,813 by the end of the decade. Indeed, since the beginning of the 1990s to date, the number of permanent residents has increased every year. In a recent five-year period (i.e. 2005 to 2010), the number has been raised by nearly 56 percent from 25,315 to 39,544, and in ten-year period, it increased to 92 percent (48,589 in 2014). The first characteristic of Japanese population in Australia is obviously its constant augmentation, particularly for those designated as permanent residents.

4. Female Dominated Population

Then, let me focus on another feature of Japanese people in Australia as a predominantly female population and to refer here to the Australian Census. The Census data deals with residents who stay in Australian for 12 months or more, so the number is much smaller than those of Japanese government surveys.

Australian census data show that, in the post-Second World War period, the numbers of the Japan-born population have constantly increased. In the early 1970s, males outnumbered their female counterparts owing to the expansion of business-connected expatriates (See Table 3).

Table 3. Numbers of Japan-born people by sex

Year/Sex	Male	%	Female	%	Total
1971	2,633	53,4	2,296	46,6	4,929
1981	3,862	47,9	4,198	52,1	8,060
*1991	7,918	42,8	10,566	57,2	18,484
*2001	9,324	36,6	16,147	63,4	25,471
2011	11,232	31,7	24,146	68,3	35,378

Source: ABS (2011) and 1971-2001 figure is quoted from Mizukami (2007).

However, since the early 1980s, we can note that the proportion of males has gradually declined. In the ten years between the early 1980s, and early 1990s, the Japanese population dramatically expanded to over double from less than 9,000 to over 18,000. At the same time, the female population has increased more rapidly, and from the latest Census of 2011, nearly 70 per cent of the Japanese population was female.

5. Establishment of Japanese Organisations

In the post war period, especially after the expansion of Japan's business development overseas, when the numbers of Japanese people who clustered in foreign cities reached a sufficient density, it became possible for these expatriates to create their own institutions. These included Japanese clubs (societies) and schools. As for establishing their own schools in foreign lands, initiatives are generally taken by organisations overseas, namely the Japanese Chambers of Commerce and Industries and various Japanese clubs. Most contemporary Japa-

nese schools overseas have been established at the initiative of Japanese Chambers of Commerce and Industries and Japanese clubs, both of which are principally organised by Japanese expatriates, with the vast majority of these belonging to corporations. In fact, Japanese business expatriates have played a vital role in establishing and administering Japanese clubs, Chambers of Commerce and Industries, and Japanese schools. These trends are confirmed by data of all major Australian metropolises.

In Australia, in 1957, Japanese residents established their own club in Sydney and in 1958 they formed the Japan Chamber of Commerce and Industry Sydney Inc. In response to the increase of the local Japanese population, a full-time Japanese school was established in 1969. The Japan Chamber of Commerce and Industry, Melbourne Inc. was founded in 1963. This organisation coincided with the Japanese Society of Melbourne Inc., which was formed in July 1965 by expatriate Japanese people and presently they share the same office in central Melbourne. The above two organisations were a driving force for founding Japanese schools in Melbourne, and started a Japanese school for supplementing Japanese elementary school students in 1968. It was the Japanese sojourners, rather than settlers, who took the initiative to establish their own clubs as well as weekend and full-time schools. However, in response to the swell of permanent residents, some other organisations for permanent settlers appeared in the 1980s. For example, the Japan Club of Victoria (JCV) was established by several Japanese immigrants on 11 December 1982 and opened a clubhouse in Canterbury in 1993. In terms of their regular contact and interest in the country of origine, they are, to a large extent, transnational in nature.

6. Increase in Permanent Residents and International Marriages

The post-war Japanese visitors to Australia since the late 1950s, by and large, have come for business-related purposes, and many of these are quite visible as wealthy urbanites/suburbanites in major metropolitan areas. In Australia, from the 1960s to the mid-1990s, these corporate families have been the major Japanese population. However, following the growth of Japanese residency with large numbers of permanent residents, settlement patterns have become diverse.

In the decade spanning the mid-1990s and mid-2000s, the proportion of children of inter-marriage couples has constantly increased, and we can expect that this category will further increase in successive years. There is one typical example of the increase in inter-marriages in Saturday supplementary school. In the middle of the 1990s, over two-thirds of the students in Melbourne International School of Japanese, were from sojourning Japanese families with the exception of international class students. The rest were from diverse backgrounds. However, due to the increase in inter-marriages, the proportion of students from Japanese sojourner-families declined to almost one-third: 114 out of a total of 324 students (Mizukami, 2007).

7. Conclusion

As Japanese migration has increased in foreign metropolises, the variety of Japanese associations and groups has also developed. In terms of business expatriate families, these trends can persist, despite the fact that Japanese business people, including Japanese school teachers, will generally go home after a few years. When some members return home after completing their overseas assignment, new members come from Japan to take their places. However, at the same time, the diversity among the Japanese community has grown due to the different types of visitors and permanent settlers, including increasing numbers of "international" married couples. Under the impact of globalisation, such Japanese communities are in transition. In Australia, although there is significant return migration, in some respects its community has shifted from one formed by transients to that of permanents. After the turn of the Century, newcomers from Japan has continually increased with a variety of backgrounds due to domestic changes, and some second generation from the 1980s migrants have already participated as members of the host society. The diverse nature of such an "overseas" community can diverse even further. Japanese Clubs or Chamber of Commerce Industries have been somewhat changing, but their symbolic statuses of ethnic community have still continued.

References

Australian Bureau of Statistics (ABS) 1971-2011. Census: Population and Housing. ABS.

Gaimudaijin kanbo ryoji ijubu (Consular and Migration Division, Consular and Migration Affairs Department). 1991-2016. Kaigai zairyu hojinsu chosa tokei (A Report on the Number of Japanese Overseas). Tokyo: Okurasho.

Mizukami T. Integration of Japanese Residents into Australian Society: Immigrants and Sojourners in Brisbane. Melbourne: The Japanese Studies Centre. 1993.

Mizukami T. The Sojourner Community: Japanese migration and residency in Australia. Leiden: Brill. 2007.

ФЕНОМЕН «ЗРЕЛОСТЬ ЛИЧНОСТИ – ИНФАНТИЛИЗМ ЛИЧНОСТИ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА

Микляева А.В.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург

Анализ феномена «зрелость личности – инфантилизм личности» показывает, что к его изучению применима методология социальной психологии. В этом случае «зрелость личности – инфантилизм личности» понимается как функция системы социальных отношений, в которые вклю-

чена личность. Такая трактовка позволяет определять «зрелость личности – инфантилизм личности» как социальный конструкт, посредством которого закрепляются представления о нормативных моделях социализованности личности.

Ключевые слова: зрелость личности, инфантилизм личности, социальный конструкт, социальный конструкционизм.

THE PHENOMENON OF "MATURITY OF PERSONALITY – THE INFANTILISM OF PERSONALITY" THROUGH THE PRISM OF THE SOCIAL-CONSTRUCTIONIST METHODOLOGY

Miklyaeva A. V.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg

The analysis of the phenomenon of "maturity of personality – the infantilism of personality" shows that its study applies to the social psychological methodology. In this case, the "maturity of personality – the infantilism of personality" is understood as function of social relations system, including personality. This interpretation allows determining the "maturity of personality – the infantilism of personality" as social construct by which the ideas of the normative models of socialization personality are fixed.

Keywords: maturity, personality, infantilism of personality, social construct, social constructionism.

Современный этап развития психологического знания, характеризующийся определенным методологическим плюрализмом, позволяет дать новую трактовку многим феноменам, изучавшихся ранее с методологических позиций строго определенных предметной областью разделов психологии. К числу таких феноменов, в частности, относятся «зрелость личности» и «инфантилизм личности» – явления, которые чаще всего соотносятся с предметными областями психологии личности и возрастной психологии. Нисколько не умаляя значения исследований зрелости и инфантилизма личности с применением методологических принципов данных разделов психологии, в этой статье мы попытаемся продемонстрировать еще один потенциальный ракурс их изучения, возможности которого обусловлены актуальными тенденциями развития социальной психологии, в частности, распространением в современной социальной психологии методологии социального конструкционизма.

Категория «зрелость», будучи весьма распространенной в современной психологии, является неоднозначной. В самом общем виде можно говорить о том, что с помощью этой категории может обозначаться один из этапов возрастного развития человека (взрослость) или же констатироваться созревание человека в аспектах его индивидуальных свойств, свойств лич-

ности или свойств индивидуальности. В этой связи неудивительна дифференциация зрелости как констатирующей категории на различные виды (или уровни, если воспользоваться распространенным в отечественной психологии структурно-иерархическим подходом к описанию индивидуальности). При этом единого «перечня» аспектов/уровней зрелости в психологической литературе на сегодняшний день нет: как минимум, можно говорить о психофизиологической, психической, психологической, социально-психологической и социальной зрелости личности (см., например, Журавлев, 2007; Паттурина, 2006; Реан, 2000; Сухобская, 2002 и др.). Вопрос о том, какой из перечисленных аспектов/уровней зрелости могут быть охарактеризован как «зрелость личности», в современной психологии остается дискуссионным. Широко распространены как работы, в которых категория «зрелость личности» отождествляется с одним из перечисленных аспектов или же, напротив, выделяется как абсолютно самостоятельный феномен. Однако анализ критериев зрелости личности, предложенных в последних работах, показывает их пересечение с критериями психологической, социально-психологической, социальной и, реже, психической зрелости, что, на наш взгляд не позволяет выделять «зрелость личности» в качестве самостоятельного аспекта/уровня зрелости. Опираясь на социально-психологическую трактовку понятия «личность», можно предполагать, что «зрелость личности» - это категория, которая объединяет психологический, социально-психологический и социальный аспекты/уровни, причем первый из них характеризует интрапсихические детерминанты зрелости, а остальные – ее проявления в социальной активности человека.

Феномен зрелости личности традиционно противопоставляется феномену личностного инфантилизма, поскольку вне контекста этого противопоставления он не имеет самостоятельного содержания. Инфантилизм личности выражается в различных проявлениях незрелости личности на фоне нормативного психического и физиологического функционирования человека. В целом, в качестве критериев сравнения личностной зрелости и инфантилизма на основе теоретического анализа можно выделить такие оппозиции, как активность-пассивность, инициативность-безынициативность, ответственность-безответственность, стремление к саморазвитию - стагнация, способность к конструктивному просоциальному взаимодействию с социальной средой - нарушения социально-психологической адаптации личности.

Зрелость личности не является ее единожды достигаемым, результирующим свойством. Существеннейшими характеристиками зрелости личности являются ее процессуальность, динамичность и принципиальная незавершенность (Реан, 2000; Русалов, 2006; Сергиенко, 2007; Солдатова, Шляпникова, 2010 и др.). Процесс становления личностной зрелости чаще всего рассматривается в связи с процессом взросления (не зря, как уже упоминалось выше, зрелость иногда рассматривается как синоним взрос-

лости, а «зрелая личность» как синоним «взрослого человека»). Взросление личности чаще всего становится предметом изучения в психологии развития, и значительно реже – других отраслей психологической науки. Тем не менее, эта проблема имеет выраженную социально-психологическую составляющую, поскольку нормативное взросление традиционно рассматривается как механизм становления социальной адаптированной личности.

Рассмотрение взросления как социализации личности, направленного извне вхождения личности в социальное пространство, характерно для психологии и смежных с ней наук уже на протяжении нескольких веков. Однако современной науке появился новый взгляд на соотношение взросления и социализации. Он заключается в понимании взросления как анти-социализации, личностной трансформации и индивидуализации социальных норм и ценностных ориентаций (Савков, 1999). Взросление предполагает необходимость преодоления идентификационного разрыва между образом «Я» и образом «взрослого («зрелого»)» человека, выступающим в качестве идентификационного эталона (Хасан, Тюменева, 1995), а также овладение системой социальных ролей, характерных для «взрослого» («зрелого») человека, и ее активную реализацию в собственном поведении (Кон, 1988, 1999). Результаты многочисленных исследований показывают, что содержание этого эталонного образа обусловлено не универсальными закономерностями онтогенетического развития человека, а имеет выраженную культурно-историческую специфику (Леви-Брюль, 1995; Мид, 1988 и др.). На этом основании можно говорить о том, что «зрелость личности» (как и ее обратная характеристика – инфантилизм) не являются продуктами психического онтогенеза человека, а могут быть рассмотрены как социальные конструкты, имеющие, помимо прочего, выраженное оценочное значение и выступающие «меркой» для характеристики достигнутого человеком уровня психологического, социально-психологического и социального развития в контексте актуальных требований к нему, предъявляемых культурно-историческим контекстом его становления.

Конструкты «зрелой личности» и «инфантилизма личности», на наш взгляд, интегрируют в себе широкий спектр социальных представлений, касающихся содержания возрастных ролей (прежде всего, роли взрослого), гендерных ролей, социально-экономических ролей, политических ролей и др. Это соответствует, в частности, взглядам Б.Г. Ананьева, который указывал на существование различных аспектов зрелости личности (нравственная, гражданская, организационная, семейная зрелость), и, следовательно, вариативности ее критериев, связанных с освоением и надлежащим исполнением разнообразных социальных ролей (Ананьев, 1968). Критерием «качества» исполнения человеком тех или иных социальных ролей выступает соответствие его поведения в той или иной роли социальным нормам и ожиданиям, существующим в обществе (Neugarten, 1968).

Таким образом, характеристики «зрелость личности – инфантилизм личности» могут рассматриваться не только в аспекте их критериев и механизмов формирования, что характерно соответственно для психологии личности и возрастной психологии, но и в аспекте отражения в их содержании системы социальных отношений, в которые включена личность. В целом, идея активного конструирования социальной общностью собственной специфичности, предложенная социальными конструкционистами (Джерджен, 2003), оказывается эвристичной для объяснения широкого спектра интерсоциальных и интеркультуральных различий социальных представлений о «зрелой личности и «инфантильной личности», и исследование феномена «зрелость личности – инфантилизм личности» с позиций современного социально-психологического знания, таким образом, может существенно расширить представления о его содержании и механизмах формирования.

Литература

- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.
- Джерджен К.Дж.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: БГУ, 2003.
- Журавлев А.Л.* Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. - №2. - С.44-54.
- Кон И.С.* Ребенок и общество. М.: Наука, 1988.
- Кон И.С.* Социологическая психология. М.-Воронеж: МОДЭК, 1999.
- Леви-Брюль Д.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-пресс, 1995.
- Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
- Паттурина Н.П.* Проблема зрелости в современной психологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. - № 17. - С. 113-126.
- Реан А.А.* Психологические проблемы акмеологии. Акмеология личности // Психологический журнал. 2000. - № 3.
- Русалов В.М.* Психологическая зрелость: единая или множественная характеристика? // Психологический журнал. 2006. - № 5. - С. 83-92.
- Савков С.Н.* Взросление в постнеклассическом социальном пространстве (социально-философский анализ). Хабаровск: ХГТУ, 1999.
- Сергиенко Е.А.* Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости в психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2007. - С.13-28.
- Солдатова Е.Л., Шляпникова И.А.* Эго-идентичность как системообразующий фактор формирования личностной зрелости // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». 2010. - № 27 (203). - С.66-75.
- Сухобская Г.С.* Понятие «зрелость социально-психологического развития человека» в контексте андрагогики // Новые знания. 2002. - №4. - С.17-20.

Хасан Б.И., Тюменева Ю.А. Противоречие двух периодизаций детского развития и попытка установления взаимосвязи между ними // Бюллетень клуба конфликтологов. Вып.4. Красноярск: КГУ, 1995.

Neugarten B. Adult personality: toward a psychology of the life cycle // Middle Age and Aging / Edited by Bernice Neugarten. Chicago: The University of Chicago Press, 1968. - P.137-147.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Миронова Т.И., Фетискин Д.Н.

Костромской государственный университет имени Н.А.Некрасова, Россия

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 15-06-10868/15*

В статье представлен опыт систематизации и классификации социально-психологических форм правового нигилизма. В этой связи авторами показана несостоятельность недифференцированного подхода к проявлениям правового нигилизма и предложена поликритериальная дифференциация форм правового нигилизма. В качестве референтных критериев классификации форм правового нигилизма выделены их дихотомические проявления активности-пассивности, спонтанности-устойчивости, осознанности-деструктивности. К числу крайних деструктивных форм правового нигилизма отнесены коррупция и терроризм.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правовые нормы и ценности, активные, пассивные, осознанные, неосознанные, конструктивные и деструктивные формы правового нигилизма.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL MANIFESTATIONS OF LEGAL NIHILISM

Mironova T.I., Fetiskin D.N.

Nekrasov Kostroma State University, Russia

The article presents the experience of systematization and classification of social and psychological forms of legal nihilism. In this regard, the authors have shown the inadequacy of the undifferentiated approach to the manifestation of legal nihilism, and the polycriterial differentiation of forms of legal nihilism is proposed. The dichotomic manifestations of activity-passivity, spontaneity-stability, awareness-disruptiveness are revealed as the reference criteria for the classification of forms of legal nihilism. Among the extreme destructive forms of legal nihilism the author highlighted the corruption and terrorism.

Keywords: legal nihilism, legal norms and values, active, passive, conscious, unconscious, constructive and destructive forms of legal nihilism.

Анализ литературных данных, связанных с выделением форм правового нигилизма (ПН), указывает на отсутствие логики в обосновании различных взглядов на их выделение. Кроме того, неразработанность критериальных основ ПН создает путаницу в дифференциации его форм и видов.

Общеизвестно, что формы того или иного явления ориентированы на раскрытие того, каким образом оно находит свое внешнее выражение. Виды или типологическая дифференциация форм ПН, как правило, отражают их обобщенную классификацию. Примером такого алогизма может служить неадекватная типологизация форм ПН, выделенная некоторыми авторами, которые в качестве форм проявления ПН приводят перечень его видов: инфантильный, фрустрационный, мстительный, регрессивный, возмещающий и др. (Гуляхин, 2003). Нам представляется, что данный подход к созданию такой типологизации форм ПН руководствовался основами обыденных, а не систематизированных представлений. По нашему мнению, данная типология форм ПН включает проявления когнитивных, эмоциональных, поведенческих и психозащитных личностных форм.

В ряде работ не дифференцируются формы умышленного и пассивного ПН. Так, следуя (Попов, 2002), если человек просто не уважает или игнорирует закон – это нигилизм, а если он при этом его еще и сознательно нарушает – это не нигилизм, а нечто другое. На наш взгляд, в первом случае мы имеем дело с пассивной формой ПН, а во втором – с активной.

Обобщение специальной литературы показало, что выделение форм ПН должно опираться на степень, характер, интенсивность нигилистического отношения к праву. К этому критериальному ряду при дифференциации форм ПН, кроме активности – пассивности, на наш взгляд, следует отнести дихотомическую выраженность их осознанности – неосознанности и деструктивности – конструктивности.

Касаясь вопроса о классификации форм правового отрицания, отметим, что чаще всего выделяют активные и пассивные его проявления. К первым можно отнести преимущественно такие формы, как неверие в потенциальные и реальные возможности права, отрицание его как ценности, умаление роли этого института в обществе, в жизни людей.

Такую оценку данного явления можно выразить термином «скепсис», который в переводе с греческого означает «критически-недоверчивое отношение к чему-либо, сомнение, разочарование или безразличие». К активным формам ПН относятся и действия, направленные на отторжение правовых предписаний, ко вторым – бездействия, показывающие пренебрежение к нормам закона.

По мнению некоторых авторов, «пассивная форма выражается в неверии в возможности права, в непризнании его позитивной роли в общест-

ве (славянофилы). Активная форма характеризуется враждебным отношением к законам, пропагандой своего мировоззрения среди других граждан (анархизм)». Различают также стойкий и спонтанный правовой нигилизм (Матузов, 1998).

Примером проявления пассивного правового нигилизма может быть неисполнение законов и иных юридических предписаний при отсутствии их прямого нарушения. Иначе говоря, такое бездействие субъекта прямо не противоречит нормам права, в то же время, свидетельствуя об их неприятии, отторжении, что также выступает деструктивным фактором.

Отношение власти к активным формам нигилизма настолько серьезно, что «государственная власть в одиночку с ней справиться не в состоянии» (Попов, 2003). Характеризуя формы ПН, данные авторы указывают на необходимость различения «неправовых взглядов и неправовых действий». За мысли, как известно, ответственность наступить не может, ибо любая, даже самая вредная идея не опасна до тех пор, пока она не найдет практического воплощения. А вот активные деяния, порождаемые такими мыслями и содержащие признаки правонарушений, могут и должны влечь за собой установленные санкции. Таким образом, активные формы, в отличие от пассивных, – это все правонарушения и преступления, сознательное неисполнение законов и иных нормативных актов, враждебное отношение ко всяким юридическим нормам и предписаниям – проявления насилия, экстремизма, терроризма, ксенофобии, религиозной и национальной розни и т.д. Оказывая пагубное воздействие на каждого отдельного человека, правовой нигилизм, особенно в его крайних формах, как отмечает (Зрячкин, 2007) негативно влияет на общество и, в конечном итоге, препятствует становлению дееспособного, эффективного государства, проведению демократических реформ. Его распространению способствуют отрицание различных духовных и нравственных ценностей, абсолютизация индивидуального начала и отвержение общепринятых норм поведения.

Указанные формы ПН чаще всего отличаются своей крайностью. Пассивная форма ПН выражается в безразличии, нежелании участвовать в решении общезначимых задач. Пассивные формы ПН ассоциируются с инфантильным юридическим инфантилизмом. Инфантильные формы нигилизма, естественно, распространены в основном среди подростков и школьников. По мнению (Петручак, 2008) (2007), инфантильный субъект либо не знает о существовании тех или иных норм, считая конкретный случай безразличным для права, либо искаженно представляет себе содержание этих норм, пределы их исполнения и практику применения. Возможно, лицо просто не умеет учитывать требования законодательных положений в конкретной юридически значимой ситуации. Особенностью же инфантилизма является то, что он включает в себя неполное усвоение правовых норм, ценностей и образцов поведения в сфере действия законов. Но

именно такая неполнота при благоприятных условиях способствует формированию нигилистических установок и стереотипов.

Активные формы ПН в большей степени отражают особенности юридического нигилизма. В трактовке (Матузова, 1998), юридические формы инфантилизма представляют собой первую, наименее опасную деформацию правосознания, заключающуюся в недостаточной сформированности юридических знаний, установок, представлений, имеющих пробелов в этих знаниях. Данные формы «связаны с недостаточностью жизненного опыта и знаний основ законодательства, человек не может полноценно ориентироваться в правовой действительности» (Петручак, 2008). Юридические формы инфантилизма, как и формы юридического нигилизма, содержат элементы критики прав. В первом случае объектом критики выступают конкретные положения законодательства, в то время как нигилизм отторгает право в целом, независимо от его достоинств и недостатков. Наконец, критика права исключает ухудшение социальной обстановки, а юридический нигилизм способствует этому в полной мере.

Правовой же нигилизм не связан с какими-либо доказательствами. Это голое отрицание или игнорирование правовых ценностей. Критика права чаще всего конструктивна и содержит в себе практически реализуемые предложения и рекомендации относительно конкретных путей совершенствования правовых институтов. У правового же нигилизма какая-либо позитивная программа отсутствует.

Кроме форм правового нигилизма, различающихся по степени активности – пассивности, очевидно, допустима и дифференциация его форм по степени осознанности и неосознанности. К осознанным формам необходимо отнести следующие: прямые преднамеренные нарушения действующих законов и иных нормативно-правовых актов; повсеместное массовое несоблюдение и неисполнение юридических предписаний; издание противоречивых, параллельных или даже взаимоисключающих правовых актов; подмена законности политической, идеологической или прагматической целесообразностью; конфронтация представительных и исполнительных структур власти на всех уровнях; нарушение прав и свобод человека; национально-правовой нигилизм; доктринальная разновидность правового нигилизма, проистекающая из некоторых старых и новых теоретических постулатов, связанных с той или иной трактовкой правовых ценностей.

В современных условиях его культивируют такие социальные проявления, как вседозволенность, свобода без границ, падение нравственности, ксенофобия, экстремизм, терроризм и др. Отражением данных форм правового нигилизма являются также сознательно допускаемые административные, гражданские, дисциплинарные и иные проступки.

Можно допустить определенную правоту отдельных авторов в отношении неосторожных форм, таких как халатность, небрежность, легкомыслие, и др., которые, с одной стороны, трудно отнести к формам

правового нигилизма, а с другой - подобные ситуации прописаны в законе, субъект о них должен знать и вести себя соответственно (Попов, 2003). По мнению Безносова (2004), рациональные формы правового нигилизма достаточно многолики, изошрены и способны быстро мимикрировать, видоизменяться, приспосабливаться к обстановке. Что же касается неосознанных форм правового нигилизма, то к ним можно отнести элементы антиправовой культуры, а также противоправные формы поведения, совершаемые в аффективных состояниях и лицами с патологическими отклонениями сознания.

Дифференциация форм правового нигилизма, на наш взгляд, допустима и по критерию степени деструктивности – конструктивности. Среди крайне деструктивных форм правового нигилизма следует выделить преступность, терроризм, коррупцию, экстремизм, ксенофобию и др. Преступность - самая опасная форма нигилистического отрицания права, законов, причем наиболее распространенная.

Преступность, по утверждению (Матузова, 2004), – мощный источник и в то же время крайняя форма проявления нигилизма. Из этого огромного бастиона и рассадника зла берут свое начало многие другие социальные катаклизмы. Поэтому мы солидарны с теми авторами, которые исходят из тезиса: «Злостный, корыстный уголовный криминал – наиболее грубый и опасный вид активного правового нигилизма (Попов, 2003). К числу крайне деструктивных форм правового нигилизма следует отнести коррупцию и терроризм. Коррупция обладает двойственной природой: с одной стороны, в Уголовном кодексе такой состав преступления, как коррупция, не предусмотрен. С другой же, многие противозаконные, преступные деяния облеченных полномочиями субъектов относятся именно к коррупции. Лидерами же в данной сфере нарушений закона становятся, как ни странно, правоохранительные органы.

Терроризм относится к интернациональной форме правового нигилизма, являясь крайней формой нигилистического проявления. Он существует с тех пор, как на исторической сцене появился сам нигилизм.

Серьезную опасность представляет и такая форма правового нигилизма, как экстремизм и ксенофобия. Так, по «данным социологических опросов, численность приверженцев ксенофобных лозунгов достигает 60 процентов. Среди наций и народов, вызывающих раздражение, фигурируют чеченцы (14,5%), азербайджанцы (5,1%), армяне (4,1%), кавказцы в целом (6%) (Попов, 2003). Говоря о конструктивной форме правового нигилизма, необходимо с одной стороны отметить абсурдность выделения такой формы, а с другой – ее неизученность как в юридической, так и гуманитарной литературе в целом. Однако сопротивление противоправным нормам, криминогенной направленности отдельных корпоративных групп, оппозиционность по отношению к антигосударственным акциям можно рассматривать как конструктивный нигилизм. К данным формам правового

го нигилизма, вероятно, относятся позитивные направления новаторского подхода к правовому нигилизму (Безносков, 2004; Зрячкин, 2007).

Литература

Безносков Д.С. Отношение к праву как проявление правового сознания курсантов вуза МВД РФ. Дисс... канд. психол. наук. СПб, 2004.

Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеал // Общая теория права и государства. М., 1998.

Мертон Р. Социальная структура и аномия. М., 1966.

Месилов М.А. Правовой нигилизм. М., 2006.

Петручак Л.А. Правовой нигилизм: причины и особенности в современной России // Право и государство: теория и практика. 2008. - №10. - С.10-13.

Попов В.В. Правопонимание и правовой нигилизм в российском обществе. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОДНО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ГУМАНИТАРНЫХ ОСНОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Москаленко О.В.

**Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва**

В статье приведены результаты социально-психологического анализа системы высшего образования, выявлены проблемы особенностей главных субъектов системы высшего образования – администрации, преподавателей и студентов вузов; характеристик отношений между субъектами системы высшего образования как акторами и мотиваторами процесса обучения в высшей школе.

Ключевые слова: вуз, преподаватель, студенты, компетенция, психодидактика, дидактический прием.

THE HIGHER EDUCATION AS ONE OF THE MOST IMPORTANT HUMANITARIAN FOUNDATION OF THE SOCIAL PROGRESS OF MODERN RUSSIA

Moskalenko O.V.

**The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation, Moscow**

The article shows results of social-psychological analysis of the higher education system, problems of peculiarities of main subjects of the higher education system – administration, teachers and students, characteristics of the re-

lation between subjects of higher education system as actors and motivators of education process in the high school are identified.

Keywords: university, a teacher, students, competence, psychodidactics, didactical method.

Одним из важнейших гуманитарных оснований социального прогресса в современной России выступает содержание и качество высшего образования, процесс подготовки конкурентоспособных и высокоэффективных специалистов. Предполагается, что эти специалисты должны быть значимы не только как мастера в своей профессиональной области, но и как специалисты, подготовленные с позиций современных достижений науки и производства XXI века и получившие высшее образование уже в новых условиях развития российского общества, а, следовательно, это уже не только профессионалы, но и более развитые представители социума в различных отраслях научного знания в - экономике, политологии, праве, психологии и др.

На самом деле система высшего образования, как и вся система образования и даже социум, обладает значительными противоречиями. Но данные противоречия представляются нам как движущие силы развития всей системы высшего образования. Разрешение выявленных противоречий может привести к переходу высшего образования на новый, более качественный, уровень развития, преодолевая стагнацию и негативность.

Проанализируем систему высшего образования с позиций социально-психологического подхода и рассмотрим следующие аспекты:

особенности главных субъектов системы высшего образования – администрация, преподаватели и студенты вузов;

характеристика отношений между субъектами системы высшего образования как акторами и мотиваторами процесса обучения в высшей школе и специфика компетенций студентов.

Рассмотрим особенности субъектов системы высшего образования – администрации, преподавателей и студентов вузов (при этом, мы понимаем, что субъектов данной системы значительно больше - как внешних по отношению к вузу: Министерство образования и науки РФ, различные государственные и общественные структуры, сам социум как главный заказчик, работодатели, так и внутренних: учебно-методический, научно-технический, обслуживающий персонал вуза и др.).

Характеризуя администрацию вузов на всех уровнях (кафедра, деканат факультета, ректорат) укажем на главную проблему этого субъекта процесса высшего образования. Наблюдая за административным составом государственных и коммерческих вузов на всех уровнях, можно прийти к выводу о разработке почти каждым сотрудником-администратором своей собственной системы профессиональной деятельности как «изобретения велосипеда», который давно уже изобретен. Речь идет, прежде всего, о

том, что при отборе данной группы специалистов во всей системе высшего образования не изучаются не только профессиональные качества данного специалиста как администратора, но и не ведется профессиональная подготовка и тем более, повышение квалификации и переподготовка их. Как правило, во главу угла ставятся личностные качества сотрудника. Сегодня не разработаны профессиограммы, психограммы, трудограммы данных специалистов. Недостаток описания профессиональной деятельности более высоких администраторов вуза восполнена исследователями под руководством С.Д. Резника и В.М. Филиппова в рамках разработки серии учебников «Менеджмент в высшей школе» (например, Управление высшим учебным заведением, 2011). Не претендуя на всесторонний анализ в рамках данной статьи этой серии, важно обратить внимание на рассмотрение социально-психологического и профессиографического анализа профессиональной деятельности сотрудников-администраторов вуза всех уровней вуза.

Недостаток профессионализма характерен и преподавателям, которых можно про дифференцировать следующим образом. К первой группе относятся преподаватели, которые прошли путь от лучших студентов и аспирантов до доцентов и профессоров. Главная характеристика этих преподавателей – перенос акцента обучения студентов в сторону знаний. У них, как правило, ощущается нехватка практики. Ко второй группе, можно отнести преподавателей, совмещающих процесс преподавания с практической деятельностью. Обычно им не хватает времени на более кропотливый и обширный анализ теоретических источников, но при наличии богатой практики их занятия более практико-ориентированы и считаются студентами как более привлекательные. К третьей группе преподавателей вузов можно отнести тех, которые до работы в вузе, имели опыт деятельности либо в практической сфере (бизнес, государственная служба и др.), либо в управлении, либо в иных сферах. Их способ познания и деятельности (в том числе, мышления, преподавания), как правило, опосредован их предыдущей практической деятельностью. Они испытывают проблемы в преподавании - нехватка методических и технологических знаний преподавания дисциплин. Более того, заметим, что многие преподаватели высшей школы, получившие специальные знания в той или иной области знания, не подготовлены в методическом плане, им не знакомы технологии преподавания, культура преподавательского труда, педагогическое мастерство и профессионализм преподавателя высшей школы (Москаленко, 2015б).

Сравнительный анализ современного и советского высшего образования демонстрирует интересные аспекты (Архангельский, 1980). Изменилось содержание образования, однако при таком его революционном росте формы организации учебного процесса остаются традиционными. Это: лекция и семинар, практическое занятие и лабораторная работа. Некоторые преподаватели насыщают их более новыми способами: на

практических занятиях - диспут, обсуждение кейс-стадий, ролевая игра, выступление с помощью презентаций, на лекциях - представляя информация в виде обзора, через раскрытие проблемы, допущение заранее запланированных ошибок, как организация диалога с помощью другого преподавателя или полилога в форме пресс-конференции и др.

Актуально изучить следующие проблемы психодидактики высшей школы (Москаленко, 2015г). Во-первых, одной из особенностью преподавательского труда выступают субъект-субъектные отношения преподавателя и студентов, которые выступают акторами и интересантами этого процесса, его созидателями и мотиваторами. Процесс созидания выступает мощнейшим мотивационным стимулом как для самого студента и его однокурсников в плане личностно-профессионального познания, так и для преподавателя в плане саморазвития. Данная совместная деятельность сплотит преподавателей со студентами, научит студентов работать творчески. Можно доказать, что в этой деятельности смогут развиваться все составляющие аспекты качественной подготовки кадров: когнитивный, практико-ориентированный, мотивирующий, научно-творческий, креативный, субъектно-образовательный и субъектно-развивающий (Москаленко, 2015в).

Данная проблема связана с личностными особенностями преподавателя и отношениями «преподаватель-студент» (Москаленко, 2015д). Часто студенты и преподаватели не могут эффективно выстроить свои субъект-субъектные отношения в процессе обучения и преподавания в вузе. Масштабным исследованием может стать изучение этого круга проблем - как эффективно построить процесс преподавания, при этом ни унижая ни преподавателя, ни студентов, признавая их в качестве равноправных партнеров этого процесса. Студенты могут помочь преподавателю в методическом оснащении процесса преподавания: создание презентаций как к лекционному материалу, так и к семинарским, лабораторным и другим занятиям, как формы отчета самообразовательной самостоятельной работы студентов; разработка различных форм групповой деятельности (конференции, дискуссии, деловые и ролевые игры, кейс-стади (case-study) и др.); использование средств мировой и российской культуры и истории (книги, художественные фильмы и др.); создание тестового материала по дисциплинам; проведение исследований не только по темам курсовых и выпускных квалификационных работ, но и микро-исследования современной практики для «привязки» теоретического материала к практике будущей профессиональной деятельности, особенно для старшекурсников и магистрантов и др. (Москаленко, 2015). Это может помочь опосредованно решить такую сложную задачу как понимание роли знаний в построении будущей карьеры студентов (Москаленко, 2014).

Также можно выделить проблему использования различных дидактических приемов в процессе вузовского обучения: работа с текстами (О.В. Москаленко); дидактические игры (Т.Н. Бухмина, А.К. Аксенова, А.В.

Бондаренко, Л.В. Бочкарева, А.А. Смоленцева), для развития личности студентов - приемы развития логического мышления студентов; для применения современных технологий в процесс обучение - приемы мультимедийной дидактики; для контроля за самостоятельной работой студентов - дидактические приемы совершенствования самостоятельной контролируемой работы студентов; для повышения эффективности вузовского обучения - приемы укрупнения дидактических единиц как фактора систематизации учебного материала и знаний студентов (Москаленко, 2015а).

При анализе особенностей субъектов системы высшей школы отметим проблему компетенций студентов. Как преподаватели вузов, так и все общество – родители, сами студенты, работодатели как заказчики на подготовку трудовых ресурсов, понимают, что в XXI веке информационная модель вузовского образования не может помочь в подготовке современного конкурентоспособного специалиста. Во многих странах образование переходит на компетентностную модель. Поэтому важно определить компетенции выпускника вуза в XXI веке.

Во-первых, высокопрофессиональный специалист должен обладать достаточным уровнем профессиональных знаний, умений и навыков – когнитивной компетенцией. Также специалист должен обладать аналитико-синтетической компетенцией – быть способным и готовым провести анализ как вычленение необходимых явлений, фактов и их свойств по заданным направлениям, так и образование новых – объединение как интеграция существующих в новые, их сравнение, абстрагирование от несущественного для решения задачи и конкретизация необходимого. Это возможно при понимании развития мышления студента как решения задач (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, А.М. Матюшкин, И.С. Якиманская). Следующая компетенция – это поисковая компетенция, которая позволит выпускнику ориентироваться в информационном пространстве в общих аспектах, и в профессиональном в частности. Еще одной из важных компетенций, которой должен обладать выпускник вуза – это проектная компетенция, которая вместе с аналитико-синтетической и поисковой позволит конструировать свой собственный оригинальный профессиональный продукт.

Таким образом, предложенная система компетенций выпускника вуза поможет ему подготовиться и стать высокопрофессиональным и конкурентоспособным специалистом. Рассмотренные проблемы процесса обучения в высшей школе с позиций социальной психологии говорят как о многообразии подходов к их решению, так и многозадачности данного процесса.

Перспективы решения этих задач могут быть рассмотрены как важнейшие аспекты развития высшей школы и субъектов процесса обучения в ней.

Литература

Архангельский С.И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы. М.: Высшая школа, 1980.

Москаленко О.В. Роль новых коммуникативно-информационных технологий в деятельности преподавателя вуза // Акмеология. 2014. - №1-2. - (специальный выпуск). - С.163-164.

Москаленко О.В. Потенциал презентаций в преподавании учебных дисциплин в высшей школе: плюсы и минусы // Акмеология, 2015. - №1. - С.34-38.

Москаленко О.В. Потенциал некоторых психодидактических приемов в преподавании учебных дисциплин в высшей школе // Акмеология. 2015а. - №2. - С. 32-40.

Москаленко О.В. Актуальные проблемы развития психодидактики высшей школы // Профессиональная коммуникация и мультикомпетентность. Сб. науч. тр., посвящ. 15-летию кафедры английского языка №5 МГИМО / ред. Л.К. Раицкая. М.: МГИМО, 2015б. - С.97-104.

Москаленко О.В. Преподаватель высшей школы: сравнительный самоанализ со своими студентами // Акмеология. 2015в. - №3. - С.121-122.

Москаленко О.В. Перспективы вузовской науки с позиций психодидактики высшей школы // Известия ВГПУ. 2015. - №1 (266). - С.233-237.

Москаленко О.В. Вузовские преподаватели психологии как существенный потенциал для решения психодидактических проблем высшей школы // Вестник ТГУ. №1. Социально-гуманитарные науки. 2015д. - №1 (24). - С.137-145.

Управление высшим учебным заведением / под ред. С.Д. Резника, В.М. Филиппова. М.: ИНФРА-М, 2011.

МОДЕЛЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Надежкин И.Н., Исаева И.Э.

Российский университет дружбы народов, Москва

Объектом исследования является социальная группа, выполняющая профессиональные обязанности в сфере государственной службы. Предметом – положительный образ государственного служащего и пути его формирования. Цель доклада: представить эмпирическое исследование, проведенное для решения поставленных задач. Задачи предполагают: предложение и обоснование программы эмпирического исследования и его интерпретацию, на основе данных эмпирического исследования формирование модели положительного образа государственного служащего. Эмпирическое исследование в рамках темы позволяет представить положительный образ государственного служащего как системный объект, спо-

способный к изменениям, т.е. обладающий свойствами и который, в процессе изменений, производит обмен свойствами, развивается и формирует новое качество.

Ключевые слова: государственный служащий, модель, образ, представление, опрос.

THE MODEL OF THE POSITIVE IMAGE OF THE CIVIL SERVANT'S IN THE RUSSIAN FEDERATION

Nadezhkin I.N., Isaeva I.E.

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

The object of study is a social group that performs professional duties in the public service. The subject is a positive image of the civil servant and the way of its formation. The purpose of the report is to present empirical research conducted to solve problems. Tasks include the proposal and justification of the program of empirical research and its interpretation, the formation of a positive image of the civil servant on the basis of empirical research. Empirical research within the theme allows you to present a positive image of the civil servant as a system object which is able to change, that is, possesses the properties and performs the exchange of properties, develops and creates new quality in the process of change.

Keywords: civil servant, model, image, view, poll.

Образ является результатом отражения объективного явления, которое является самостоятельным и отличающимся. (Сушков, 1990, с.367) В толковых словарях русского языка слово «образ» определяется как облик, вид, подобие, наглядное представление о ком-нибудь или чем-нибудь, обобщенное художественное отражение действительности, тип, характер, воплощенный в художественном произведении (Ушаков, 2016). Образ можно определить, как результат психического отражения (представления) того или иного объективного явления, в процессе этого отражения возможны преобразования исходной информации. Следовательно, образ не обязательно представляет собой точную копию отображаемого объекта. Процесс создания образа может быть активным и целенаправленным (искусство). Этот процесс может включать процедуры анализа и это позволяет отразить типичное в объекте и синтеза, благодаря которому образ обладает характеристиками индивидуального явления (Перельгина, 2002, с.12).

Представление есть часть индивидуальных сознаний соответствующей социальной группы, а для социальной группы, как части социальной общности присуще наличие общественного сознания, как социально-регуляционного механизма. В данной теме объективным явлением является государственный служащий Российской Федерации, образ которого

формируют граждане Российской Федерации в результате восприятия явлений, связанных с практикой государственной службы транслирующей цели и задачи государственного управления (Исаева, 2004, с.194).

В данном случае важно, что предметом исследования, в рамках которого проводится представляемое эмпирический анализ является положительный образ государственного служащего, в котором заинтересовано государство и его структуры, а формируют этот образ граждане и сам государственный служащий. Пути формирования положительного образа предполагается обозначить с помощью проведения эмпирического исследования (Надежкин, 2016, с.133). Эмпирическое исследование использует метод опроса путем проведения анкетирования двух социальных групп – граждан и студентов, обучающихся по специальности государственное и муниципальное управление, профессиональная деятельность которых будет осуществляться в системе государственной службы.

В процессе проведения исследования последовательно решались несколько задач: подготовка инструментария для проведения исследования; осуществление опроса респондентов; обработка полученных данных с применением методов математической статистики; интерпретация полученных распределений показателей и зависимостей между ними.

Анализ проблемы формирования позитивного образа государственного служащего показал отсутствие стандартизованных средств получения данных, что обусловило необходимость разработки авторского инструментария. В качестве основного метода был выбран опрос в форме анкетирования, традиционно применяемый в социально-психологических исследованиях и позволяющий за короткое время собрать мнения достаточно большого количества респондентов. В целях обеспечения полноты сбора информации основу анкеты составили вопросы с предложенными вариантами ответов, среди которых респондент мог выбрать те варианты, которые считал для себя приемлемыми в необходимом количестве. Данные вопросы позволяют получить более формализованные данные, что имеет значение для составления предполагаемых по окончанию исследования рекомендаций.

В исследовании приняли участие 60 респондентов-граждан и 60 респондентов - будущих государственных служащих. В их число вошли:

сотрудники учреждений Росатома, аспиранты РАНХиГС, предприниматели города Москвы, пенсионеры города Москвы, граждане Украины, Китая, Турции, а также жители города Лангепаса (ХМАО-ЮГРА), (в тексте граждане).

студенты РУДН ФГСН кафедры государственного и муниципального управления, обучающиеся на первом курсе, (в тексте г/служащие).

Репрезентативная выборка респондентов позволяет выявить представления об образе государственного служащего Российской Федерации,

что позволяет представить конкретные рекомендации по окончании исследования данной темы и найти им практическое применение.

Анкета для граждан состоит из двух блоков.

Первый блок анкеты посвящен анализу мнений о государственных служащих с точки зрения их профессионализма, транслируемого при обращении граждан в государственные учреждения, мнениям граждан о процессе взаимодействия с государственным служащим и результате данного взаимодействия, о качествах профессионала в сфере государственной службы. Кроме того, в этом блоке есть вопрос о формальном обозначении государственного служащего при помощи униформы или ее элементов и необходимости этого обозначения.

Второй блок анкеты для граждан отражает мнения граждан о государственном служащем как представителе государства, который является необходимым связующим звеном между государством и гражданами, о необходимости его деятельности для граждан, об авторитете государства, который формируется, в том числе, в процессе профессиональной деятельности государственного служащего. Этот блок анкеты выявляет представления граждан о мотивах деятельности государственного служащего.

Анкета для будущих государственных служащих состоит из двух блоков.

Первый блок анкеты призван выявить представления будущих государственных служащих о государственной службе как профессиональной деятельности, профессиональных качествах государственного служащего и результатах их использования в повседневной деятельности государственного служащего, об их отношении к формальным деталям осуществления государственной службы, таким как униформа или ее элементы.

Второй блок анкеты для будущих государственных служащих, предположительно, выявляет мотивы, которые являются причиной выбора государственной службы как сферы профессиональной реализации. Анкета выявляет представления студентов об авторитете государства и его связи с государственной службой как видом профессиональной деятельности, а также о наиболее востребованных, по их мнению, проявлениях профессионализма в данной сфере деятельности.

Анализ ответов на вопросы анкет проводится в том числе и методом сравнения результатов выбора респондентов, соответственно по вопросам анкеты граждан и анкеты для будущих государственных служащих. Это сравнение возможно провести поскольку вопросы анкет совпадают по количеству вопросов и количеству предложенных вариантов ответов, имеют общее смысловое содержание и отвечают одной цели – выявлению образа государственного служащего Российской Федерации.

В результате проведенного анализа выявлены следующие статистические данные по количеству респондентов, давших определенный ответ на каждый из вариантов анкеты и процентное соотношение по выявлен-

ным результатам исследования, а также на основе сравнения подведены итоги анализа первого вопроса анкет для граждан и для государственных служащих

Итоги первого вопроса первого блока анкет для граждан и будущих государственных служащих.

В сравнении - и граждане и г/служащие одинаково ранжировали ответы, при этом ответ "специалист, профессионально исполняющий свои обязанности по замещению государственной должности" - 56,67% - граждане, 60% - г/служащие - набрал большинство предпочтений, а ответ "специалист, который связывает граждан и государство" набрал половину респондентов 35% - граждане, 50% - г/служащие, разница в третьем ответе "специалист, который нашел свое призвание и реализуется в нем" незначительна 1,67% в пользу граждан (рис.).

Рисунок. Итого опроса: 1 – граждане, 2 – студенты ГМУ

Итак, первый вопрос дал возможность начать описание образа государственного служащего – это специалист, профессионально исполняющий свои обязанности по замещению государственной должности. Данное определение соответствует смыслу и содержанию ФЗ «О системе государственной службы в Российской Федерации» и позволяет начать формирование образа государственного служащего с конкретного определения включающего понятия государство, специалист, профессионал, замещение и должность.

Литература

Исаева И.Э. Услуги государства гражданину как база социокультурных трансформаций общества // Закономерности и перспективы трансформации

общества. Материалы V Международной Кондратьевской конференции / под редакцией Ю.В. Яковца. Том 3. Москва, МФК, 2004. - С.189-196.

Надежкин И.Н. Пути формирования положительного образа государственного служащего Российской Федерации // Вестник научных конференций. 2016. № 1-5 (5). Наука и образование в XXI веке: по материалам международной научно-практической конференции. Ч. 5. Тамбов: ЮКОМ КОНСАЛТИНГ, 2016. - С.132-134.

Перельгина Е.Б. Психология имиджа. М.: Аспект Пресс, 2002/

Сушков И.Р. Психология взаимоотношений. - М., Академический проект, ИП РАН, Екатеринбург; Деловая книга, 1990

Ушаков Д.Н. Толковый словарь. 2016. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Огума С.

Научно-исследовательский совет по вопросам труда, Токио, Япония

Данная работа освещает современное состояние отношений на работе в Японии. Мы опрашивали японских респондентов, работающих на условиях регулярной занятости, относительно отношений, сформировавшихся на работе. Мы отметили некоторые другие факторы, которые могут воздействовать на отношения, складывающиеся на рабочем месте, в частности, особенности работы и доступ к Интернету как инструменту коммуникации. Эти факторы можно рассматривать как особенности постиндустриального общества.

Ключевые слова: доверие, социальный капитал, постиндустриальное общество, человеческие отношения на рабочем месте.

THE CURRENT SITUATION OF WORKPLACE RELATIONSHIPS

Oguma S.

Labour Research Council, Tokyo, Japan

This paper aims to illustrate the current situation of workplace relationships in Japan. We surveyed Japanese regular employees regarding their workplace relationships. There are some factors which could affect their workplace relationship, such as characteristics of work, and the access to the Internet as a communication tool. These factors could be considered as a feature of the post-industrial society.

Keywords: trust, social capital, post industrial society, workplace relationships.

Social capital has been one of the controversial concepts which has been discussed between sociologists. Social capital accompanies norms of reciprocity. And, norms of reciprocity could be one of the important factors of generalized trust. According to R. Putnam (2000) who has been referred to the situation of the American society, the public participations to the social activities have been declined after the 1960's. Similarly, the weakening of social relationships has been pointed out as a serious problem in Japan in these past 10 years. The issue of the weakening of social relationships has been one of the important subjects which discussed beyond the border.

In this paper, I will focus on the situation of workplace relationships through the result of the questionnaire survey for Japanese employees which was conducted in 2011-2012. From the result, I will refer to the considerable feature of workplace relationships under the context of the post-industrial society.

1. Workplace relationships under the restructuring of employment system

Workplace relationships used to be very close in Japan: Companies looked after the employees for their lifetime and the employees used to demonstrate their devotion and loyalty to the company. There was a strong sense of trust between employers and employees.

However, due to the globalization and intensified international economic competitions, it has become very common for Japanese companies to restructure the traditional employment systems. For example, the lifetime employment system and the seniority wage system have been reviewed at lots of companies in order to improve the productivity and efficiency.

These changes have hugely damaged the traditional trustful relationships between an employer and the employees. The sense of belonging at workplace has become weak and Japanese employees are stressed with their unstable employment conditions.

Therefore, it was said that workplace relationships have been weakened in recent years. The long-term tendency has already been shown by the result of the questionnaire survey which was conducted by the NHK Broadcasting Culture Research Institute. This survey which was named "Consciousness of Japanese People" was carried out for every 5 years from 1973. Each questionnaire includes the question about the ideal type of workplace relationships such as "What kind of relationships do you want to have with your colleagues?" In 1973, 59.4% of respondents selected the choice of "I wish to talk about my personal problems and help each other at work and also in private." (Type1). More than half of people desired to have intimate workplace relationships. On the other hand, the choice of "I wish to have a talk or a leisure at work and also in private" (Type2) was 26.4%, and the choice of "No personal interaction outside of workplace with their superiors or colleagues" (Type3) was only 11.3%. However, the ratio of the choice of Type1 has fallen in the recent past. According to the latest survey which was conducted in 2013, the ratio of Type1 was only 36.4%, meanwhile the ratio of Type2 was 35.3%, and the ratio of Type3 was 26.2%. From the result of this survey, it could be said that workplace relationships have been weakened.

However, this result shows the ideal workplace relationship. It is necessarily the same as the actual workplace relationships. On the other hand, the survey which was conducted by Labour Research Council in 2011-2012 included questions about both ideal and actual type of workplace relationships.

2. Explanation about data used

Before going into main subject, I would like to explain the features of the questionnaire survey which this presentation is based on. The title of the survey was “Survey about Relationship”. This survey was conducted by Labour Research Council in 2011-2012. The questionnaires were handed out through the trade unions and collected 6744 samples for this survey. Almost all of these samples are datum of regular employees including both employees of private enterprise and public servants. Actually, this survey included questions about relationship outside of the workplace, such as relationship with their neighbors, but I will take up only questions related to the workplace.

3. The ideal and the actual relationships in workplace

To begin with, I would like to indicate about the ideal relationship in the workplace. There are roughly there different types similar to the choices which have been asked by the NHK Broadcasting Culture Research Institute.

The first one is the most intimate relationship. The descriptor for this option was “I want to talk about personal problems and help each other at work and also in private.”(Type1). The second type also includes relationship outside of workplace, while the relationship is less intimate than Type1. The descriptor for this option was “I want to have a meal or a leisure time together.”(Type2). The third type is that “I don’t want to interact with colleagues outside of work.”(Type3). That is to say, the ratio which combined Type1 and Type2 make up the ratio of employees who want to have personal relationship with their superior or colleagues outside of work.

Table 1. The ideal and the actual relationships in workplace

		(% , N=6744)			
		Type1	Type2	Type3	DK.NA
	Ideal Relations	29.1	36.4	25.3	9.2
	Actual Relations	14.4	35.6	47.1	2.9
Type1:	I want to (can) talk about personal troubles and help each other.				
Type2:	I want (used) to have a meal or a leisure time together.				
Type3:	I want (used) to have a relation within the limits of work.				

Source: Labour Research Council “Survey about Relationship”

The result is that Type1 is 29.1%, Type2 is 36.4%, and Type3 is 25.3%. (Table1) This distribution is similar to the result of survey which was conducted by the NHK Broadcasting Culture Research Institute.

Next, I would show respondents’ actual relationships with their colleagues at their workplace. We prepared choices similar to the question about ideal relationships. First type is a most intimate workplace relationship. The descriptor for this type is “I can talk about my personal problems and help each other at work and also in private.”(Type1). The second type also includes relationship outside of work but

the relationship is less intimate than type1. The descriptor for this option is “I often have a meal or a leisure time together” (Type2). The third type is simple that there is no socialization outside of work. The descriptor for this option is “No personal interaction outside of workplace with colleagues”(Type3). In short, the percentage which combined Type1 and Type2 is the ratio of employees who have personal relationships outside of work.

The result is that Type1 is 14.4%, Type2 is 35.6%, and Type3 is 47.1%. There is a huge gap between their ideal workplace relationships and their actual ones.

4. The actual relationships in the workplace and generalized trust

Trust is one of the important factors of human relationship. Now, I would like to discuss the influence of trust upon workplace relationships.

Firstly, I would like to talk about employees’ sense of trust towards other people. We asked if they feel other people are trustworthy. The descriptor in the questionnaire was “Do you agree with the following statement; Generally, I feel other people are trustworthy”. In the result, 54% of respondents agreed with this statement and 11% of the respondents disagreed. Roughly half of the respondents agreed with this statement across the generations. Next, I would like to show the influence of trust upon the actual workplace relationships.

Obviously, many of Type1 or Type2 employees feel others are more trustworthy than Type3 employees. Therefore, we could say that the sense of trust towards others influences the state of relations in the workplace to some extent. However, we can’t determine that sense of trust is only one crucial factor which influences workplace relationships. Simultaneously, we also have to consider the influence of the characteristics of work. Table2 shows the conditions of work according to the state of actual relations in the workplace.

Table 2. Character of work and the workplace (multiple answer)

		(% , N=6744)									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	NA
	Total	37.2	17.3	17.7	21.6	20.6	50.7	38.7	15.7	11.3	0.9
Actual relation with Colleagues in the same workplace	I can talk about personal troubles and help each other.	47.5	17.4	17.1	24.5	21.0	56.4	52.4	21.7	6.4	0.1
	I used to have a meal or a leisure time together.	40.1	19.2	18.4	24.6	20.8	52.3	41.7	16.4	8.9	0.5
	I used to have a relation within the limits of work.	32.5	16.4	17.5	19.1	20.6	48.9	32.9	13.4	14.1	0.2
	1= There are many times to work in a group.										
	2= Changes in perdsommel are rare.										
	3= The development of technology or know-how is limited.										
	4= Many persons contemporary with me are working.										
	5= The overtime work is not much.										
	6= A vacation is acquirable as desired.										
	7= Usually, communication in the workplace is taken by conversation, without using e-mail.										
	8= I rarely feel mental stress in the workplace.										

Source: Labour Research Council “Survey about Relationship”

The notable point revealed in the following working conditions; “1) Work done by a team frequently.” and “7) Usually, communication in the workplace is conducted by conversation, without using e-mail”.

With regard to relationship with superiors, among those Type1 employees (They can talk about personal troubles and help each other at work and in private), 47% of them were applicable to “1) Work done by a team frequently.” and 52% of them were applicable to “7) Usually, communication in the workplace is conducted by conversation, without using e-mail”.

On the other hand, among Type3 employees (They don’t want to interact with their superior outside of work.), the former is applicable to 36% of them and the latter is applicable to also 36%. It is considered that individual work and frequent use of e-mail in the workplace contributed to the weakening of relationship in a workplace.

5. Conclusion

Finally, I would like to summarize main point of this research.

1. The state of workplace relationship is varied and there are many employees, who have no interactions outside of work, but wish to develop personal relationship.

2. The sense of trust influences the state of relationship in the workplace to some extent. However, I can’t say that sense of trust is the only definite influence to relationships in the workplace.

3. Individual work and frequent use of e-mail as a tool of communication in workplace may weaken workplace relationship. However, employees, especially white-collar employees, cannot avoid the technology in order to ensure efficiency at workplace and survive the globalized business scenes. State of workplace relationships is also related to trust.

Obviously, relationships in workplace are only a part of our whole relationships. We can also have many other relationships with relatives or neighbors. However, in the case of full-time workers, they spend long time in their workplace.

Needless to say, we would better to recognize the difference in workplace relationships between Japan and Russia. We can refer the international survey which was conducted by M. Sasaki(2014) in 2013. In this survey, there is a question about “Who do you trust in your daily life?”(Multiple Answer) In the result, the ratio of respondents who select “colleagues of workplace” is the almost same as Japan (32.1%) and Russia (26.1%). So, this is considered that there is no extreme difference between Japan and Russia.

The expansion of individual working style or utilization of information technology in workplace could be considered as a feature of the post-industrial society. In the post-industrial society, information and knowledge will be more important element in workplace. On one side, we need trustful relationships with our colleagues to exchange information and knowledge. On the other side, we need individualization in workplace to improve the efficiency of work. In the

post-industrial society, we need trustful relationships in workplace; meanwhile, workplace relationships will be weakened by a change of working style.

It is certain that trust and workplace relationship in the post-industrial society will be one of the very fascinating themes for further research.

References

Oguma S. Civil Association and Socio-Cultural Activities in Local Community, “Globalization and Transformation of Local Community”, A. Ishikawa, M. Sasaki, L. Fal’tan (Eds). Tokyo, Chuo University Publishing house, 2016.

Oguma S. A Consideration on the Relationship of the Regular Worker, “Journal of the Faculty of Letters. Sociology and Socio Informatics No.24”, Tokyo, the Faculty of Letters Chuo University, 2014, 115-126.

Oguma S. Trustful relationship at work: the present state of Japanese organization, “Trust in society, business and organization”, N.I. Dryakhlov, A. Ishikawa, A.B. Kupreychenko, M. Sasaki, Zh.T. Toshchenko, V.D. Shadrikov (Eds). Moscow, Cogito-Centre- IP RAS Publishing house, 2013.

Oguma S. Some outcomes of the International Joint Research (2) Focussing on Working Life, “Corporate Culture under the progression of globalization”, A. Ishikawa, M. Sasaki, T. Shiraishi, N. I. Dryakhlov (Eds). Tokyo, Chuo University Publishing house, 2012.

Oguma S. A study of the convenience store's manager as a new type of self-employed worker: focusing on their social mobility and working life, “The Bulletin of Graduate Studies No.37 Literature”, Tokyo, Graduate School of Chuo University, 2008, 37-45.

Putnam R.D. Bowling Alone: Collapse and Revival of American Community. New York, Simon & Schuster, 2000.

Sasaki M. (Eds). A Research of Internatinal Comparison about Trust. Tokyo, Chuo University Publishing house, 2014.

The Structure of Consciousness of Japanese People. Tokyo: The NHK Broadcasting Culture Research Institute; NHK Publishing house, 2015.

The White Paper on the National Lifestyle Fiscal Year 2007. Tokyo: Cabinet Offise, Government of Japan, 2007.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ МЕНЕДЖЕРОВ В МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМПАНИИ

Палт Е.А.

Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова, Москва

В статье обсуждаются параметры стилей делового общения. Представлены предварительные результаты исследования стилей в крупной международной компании. Описываются параметры стилей делового общения субъекта, а также представления субъекта о субъективно удобных стилях его партнеров – руководителя и подчиненного.

Ключевые слова: стили делового общения, функции, стратегии, приемы общения, ресурсы, асимметрия взаимодействия, триада, корпоративная культура.

PECULIARITIES OF THE COMMUNICATION OF BUSINESS MANAGERS IN AN INTERNATIONAL COMPANY

Palt E.A.

Plekhanov Russian Economic University, Moscow

The article is devoted to the parameters of the styles of business communication. Preliminary results of the research of styles in a large international company are presented. The parameters of the styles of business communication, as well as subjectively comfortable styles of the partners – boss and worker are described.

Keywords: styles of business communication, functions, strategies, communication techniques, resources, asymmetry of the interaction, the triad and corporate culture.

Изучение особенностей общения специалистов социэкономических профессий представляет в настоящее время большой интерес, поскольку в обществе возрастает доля подобных профессий (Толочек, 2010), в профессиях других типов повышается роль общения в карьерном и профессиональном становлении (Бобкова, 2015; Глушач, 2015; Есина, 2014; Манухина, 2014). Изучение стилей делового общения (СДО) профессионалов становится определенной моделью, которая позволяет получить полную характеристику социально-психологического и организационного контекста профессионального становления субъекта. По мнению В.А.Толочека, стили делового общения рассматриваются как паттерны приемов, биологически или социально обусловленных (Толочек, 2013, с.211).

При этом СДО (Нарциссова, 2011; Корецкая, 2014; Толочек 2010; Толочек 2011; Толочек 2013; Толочек 2015): имеют общую структурно-функциональную организацию (включающие субъективно-удобные условия, структуру – устойчивые паттерны профессионально обусловленных действий и операций); в социэкономических профессиях могут классифицироваться аналогично со стилями деятельности, поскольку в основе СДО лежат общие для различных стилей основания; СДО осуществляется субъектом на основе знаний о своих индивидуальных особенностях и на прошлом опыте, спонтанно сформированные СДО могут ограничивать деятельность субъекта, поскольку не будут оптимальными для определенных задач. Обобщая основные характеристики понятия СДО, можно выделить следующие аспекты:

1. Понятие СДО, в отличие от понятий видов и средств общения является переходом от обобщающих научных схем к конкретным типологиям и стратегиям общения. Стиль делового общения становится инструментальным оформлением индивидуальности человека (Толочек 2010). В теоретическом отношении понятие СДО стоит рассматривать как модель отображения эволюции профессионального становления субъекта, что, по мнению В.А.Толочка, можно считать приоритетной и актуальной проблемой дисциплины (Толочек, 2011; Толочек, 2015).

2. Стиль делового общения не образуется стихийно, но оказывается продуктом творческого поиска самого работника, рационализирующего свою деятельность с учетом социально-профессиональных требований и собственных возможностей, иначе говоря, ресурсов.

3. Понятие СДО, реализуясь в частных типологиях стилей педагогического общения или управления, становится более близким к практике, и потому востребованным в системе управления.

Целью нашего эмпирического исследования «Динамика стилей делового общения в социономических профессиях» стало изучение динамики СДО в контексте биологических и социально-психологических особенностей субъектов. Исследование выполняется под руководством профессора В.А.Толочка. Для диагностики особенностей (параметров) стилей делового общения была выбрана методика диагностики СДО В.А.Толочка.

Исследование проводилось в крупной международной компании FMCG сектора в Москве. Сбор первичной информации проводился в течение 2 часов одного дня в специально отведенном помещении (зале для переговоров) для минимизации факторов, мешающих опросу. Исследование проводилось в доброжелательной обстановке при поддержке руководства подразделения.

В обследовании приняли участие 62 сотрудника отдела продаж компании, мужчины в возрасте от 21 до 47. Средний стаж работы респондентов – 10 лет, средний стаж работы в компании – 3,2 года. При анализе данных стиля делового общения самого субъекта максимальное значение приходится на параметр «Коммуникация» ($M=7,89$) и «Сотрудничество» ($M=7,94$). Также в этих параметрах наблюдается наименее низкие значения стандартного отклонения, что характеризует наличие общего видения СДО у испытуемых. Наименьшие показатели выявлены в параметрах «Уход» ($M=3,71$) и «Угрозы» ($M=4,47$), при наибольшем стандартном отклонении. Также высокие средние показатели связаны с параметрами «активность» ($M=7,21$) и информация ($M=7,16$).

Эти данные подтверждают, что в деятельности сотрудников продающего подразделения коммуникация, общение становится основным профессиональным средством, при этом большинство испытуемых придерживаются стратегии сотрудничества, партнерства в достижении профессиональных задач. По существу, стратегия ухода и угроз является про-

тивоположной стратегией, что является непринятым и, возможно, недопустимым в данной организации. Большой разброс оценок в параметрах угроз и ухода, возможно связан с большим возрастным и должностным разрывом между испытуемыми. Партнерское общение, стратегия сотрудничества зафиксированы в том числе в названии должности некоторых сотрудников – партнер по развитию бизнеса. Большое влияние оказывает и корпоративная культура данной американской транснациональной компании. В данных организациях с одной стороны, сотрудник рассматривается как партнер, с другой стороны, контрагенты компании также рассматриваются как партнеры в деятельности компании.

Таким образом, испытуемые выделяют СДО вышестоящего руководителя как вполне определенный структурированный стиль, которому также свойственно партнерские отношения, переговоры на равных на близкой дистанции без угроз, давления и соперничества. Более высокие показатели стандартного отклонения при анализе идеального образа руководителя и подчиненного по сравнению с данными по самооценке можно объяснить тем, что свои особенности лучше осознаются и чаще рефлексировуются по сравнению с образом других участников профессиональной деятельности – руководителя и подчиненного. В образе руководителя много идеалистического: «руководитель не уходит от разговора, всегда общается на равных, оказывает помощь и поддержку». С другой стороны, этот образ складывается из практики работы в данной компании, поскольку руководитель тесно общается с подчиненным по вопросам производственных задач и личностного развития; лично (а не с помощью отдела по работе с персоналом) ставит планы, и формирует индивидуальные планы развития, осуществляет контроль и развитие сотрудников в процессе реальных переговоров в формате двойных визитов.

Испытуемые для описания субъективно-удобного стиля деловых отношений подчиненного выделяют коммуникативную функцию общения в качестве основной ($M=7,39$), стратегию сотрудничества, и в меньшей степени эмоциональную взаимосвязь и управление взаимными позициями. Также высоко оценивается сотрудничество как стратегия поведения и такие средства общения как аргументация, содействие, просьба, поощрение, использование четких параметров общения и письменное общение. По этим параметрам также снижены данные стандартного отклонения. Параметры «Аргументация» и «Документация» по данным СДО подчиненного немного выше, чем данные СДО руководителя, в том числе из-за необходимости управления и влияния на подчиненного. Таким образом, можно говорить о выделении единого для этой группы идеального образа подчиненного (его стиля СДО), который можно охарактеризовать как более детальный, чем образ руководителя, поскольку выделяется больше средств влияния (просьба, письменное общение, поощрения).

Самые высокие значения связи обнаруживаются в стратегиях поведения в конфликте: по всей видимости, корпоративная культура компании более жестко регламентирует именно эти сферы взаимодействия, поэтому наблюдается такое единство во взглядах на конкретные стратегии переговоров. В описании подчиненного субъект подчеркивает единство в функциях и механизмах управления – постановки задачи и аргументации, что также может свидетельствовать о хорошем знании теории управления.

Показатели динамики стилей оказались наименее связанными между собой среди сотрудников организации. Вероятно, эти показатели больше зависят (экстремальность общения, темп, время) от индивидуальных, личностных особенностей.

На основе этих данных можно предположить, что в сознании субъекта присутствуют образы субъективно удобного руководителя и подчиненного. При этом, образ подчиненного имеет большее сходство с образом самого субъекта, в том числе с точки зрения описания функций общения и его средств, по сравнению с образом субъективно-удобного руководителя. Тем не менее, наблюдается и общее сходство между описаниями стилей подчиненного и руководителя, что говорит о наличии образа триады «Руководитель-Субъект-Подчиненный», который является для субъекта, по-видимому, регулирующим.

Таким образом, в сознании субъекта присутствуют образы субъективно удобного руководителя и подчиненного, образ триады «Руководитель-Субъект-Подчиненный». Во-вторых – присутствует асимметрия восприятия стиля партнеров, занимающих разные позиции в управленческой иерархии (Толочек, 2010; Толочек, 2010; Толочек, 2015): наблюдаются более высокие показатели связи личностных характеристик СДО и характеристик подчиненного по сравнению со взаимосвязями между стилями самого субъекта и его руководителя. В-третьих, наблюдается зависимость стилей делового общения от профессионального поста, стажа и должностной позиции (это потом проверится в исследовании). В-четвертых, стили делового общения, определяются не только личностными характеристиками, но и организационными; в данном случае особенностями корпоративной культуры организации. В-пятых, стиль делового общения выступает внутренним ресурсом субъекта, позволяя гибко адаптироваться к новым условиям среды.

Проблема стиля, как отмечает В.А.Толочек, это не только и не столько вопрос специфичности и особенностей индивидуальной деятельности отдельных людей, а механизм эффективной интеграции их активности в совместной деятельности, способ оптимального согласования индивидуальностей партнеров, и в конечном счете, интеграции индивидуальности человека с условиями среды и жизнедеятельности.

Литература

Бобкова М.В., Палт Е.А. Особенности общения сотрудников в организациях с различным типом корпоративной культуры // Системогенез учебной

и профессиональной деятельности материалы VII Международной научно-практической конференции. Ярославль, 2015. - С.28-30.

Глушач Н.Н. Креативный потенциал предприятия как актуальная научная проблема // Инновационные методы и модели в экономической психологии, эргономике, производственном менеджменте. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. БГТУ, 2015. - С.53-58.

Есина С.В. Обучение персонала в период изменений // В мире научных открытий. Социально-гуманитарные наук. 2014. - №11.6 (59). - С.2235-2242.

Корецкая И.А., Куприна О.А., Манухина С.Ю. Функциональные состояния как показатель эффективности деятельности // Вестник ГУУ. 2014. №9. - С.264-266.

Манухина С.Ю. Прикладной анализ роли непрерывного образования в формировании современного кадрового рынка и самоопределении молодежи // Вестник ГУУ. 2014. - №20. - С.196-200.

Нарциссова С.Ю. Когнитивно-стилевые аспекты аргументации // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. - №2. - С.180-187.

Толочек В.А. Адаптация субъекта к социальной среде: парадоксы, парадигмы, психологические механизмы // Мир психологии. 2006. - №4. - С.131-146.

Толочек В.А. Современная психология труда. СПб.: Питер, 2010.

Толочек В.А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: ИП РАН, 2013.

Толочек В.А. Сопряженная профессиональная карьера субъекта: контексты и измерения // Человек. Сообщество. Управление. 2011. - № 2. - С.48-61.

Толочек В.А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: ИП РАН, 2015.

Толочек В.А., Жданова С.Ю., Иоголевич Н.И., Палей В.И. Асимметрия восприятия профессионально важных качеств взаимодействующих партнеров (на примере образовательного процесса в высшей школе) // Проблемы социальной психологии личности: Межвуз. сб. научн. тр. Вып..8. Саратов: Изд-во Сарат.ун-та, 2010. - С.113-123.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ

Панферов В.Н.

**Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена,
Санкт-Петербург**

В статье излагается интегральная модель психологического познания человека. Она представлена матрицей объективации социальной перцепции. Психологические формы объективации дифференцируются по гносеологической формуле семиотики и уровням психологического познания.

ния. По этим основаниям рассматривается трансформация психологического содержания психического процесса в социальной перцепции.

Ключевые слова: социальная перцепция, психологическое познание, идентификация, ассоциация, интерпретация, отражение, отображение, выражение, оценка.

PSYCHOLOGICAL CONSTRUCT OF THE SOCIAL PERCEPTION

Panferov V.N.

Russian State Herzen Pedagogical University, Saint-Petersburg

The article presents an integrated model of human psychological knowledge. It is represented by a matrix of objectification of social perception. Psychological objectification forms are differential by the epistemological formula of semiotics and levels of psychological knowledge. For these reasons, we consider the transformation of the psychological content of the mental process of social perception.

Keywords: social perception, psychological knowledge, identification, association, interpretation, reflection, display, expression, evaluation.

Социальная перцепция – это процесс психологического познания человека человеком в различных ситуациях социального взаимодействия. Предметом психологического познания являются свойства психической организации человека, проявляющиеся в совместной жизнедеятельности людей в виде социально-психологических качеств личности. В этом процессе партнеры социального взаимодействия выступают в качестве субъектов психологической деятельности и объектов психологического познания (Бодалев, 1965).

Такое совмещение ролей в корне меняет парадигму научного познания психической реальности. Психология человека в этой новой парадигме становится интегральным выражением качественного проявления психической организации человека как потенциала личности. Это новое понятие о предмете психологической науки дополняет гносеологическую формулу субъект-объектного отражения формами проявления психики «субъект-субъектного» происхождения в социальной перцепции. Они представляют психологическую реальность, функционирующую в социальном взаимодействии людей в качестве фактора их успешности. Психология человека как психологическая реальность является особым предметом психологической деятельности партнеров совместной жизнедеятельности. Это вносит существенные дополнения в понимание целостного конструкта психического процесса как психологической деятельности.

В этой деятельности происходит познание психологической сущности партнеров социального взаимодействия по их внешним проявлениям в

общении и совместной деятельности. Формы внешнего проявления выполняют функцию знаков скрытой внутренней психологической сущности субъектов совместной жизнедеятельности. С их помощью кодируется и декодируется эта сущность по законам семиотической трансформации познавательных процессов психической деятельности (Глотова, 1990). Знак в этой трансформации является формой внешнего проявления внутреннего психологического содержания партнеров, которое распознается и транслируется в процессах общения с использованием средств информационной коммуникации (Панферов, 2015).

На эту трансформацию указывает структура психических процессов, представленная в трудах Л.М.Веккера (1964), где познавательные процессы психической деятельности рассматривались как информационные точки зрения кибернетики. В результате была представлена модель информационной трансформации психофизических воздействий свойств объекта на органы чувств. Суть ее в том, что при физическом контакте объекта с органами чувств человека в зоне рецепторного взаимодействия возникает «психическое изображение», которое, по определению Веккера, является «кодом» объекта воздействия. «Психическое изображение» как «код» объекта в данном случае выполняет информационную функцию знака, сигнализирующего об особых свойствах объекта и его целостности. Эти свойства осознаются за счет нервно-психической деятельности мозга.

Знак заключает в себе значения смыслового содержания, к раскрытию которого стремятся субъекты психологического познания. Эти значения хранятся памятью человека в виде произвольно и непроизвольно возникающих ассоциаций, которые пробуждаются ощущениями разных модальностей во внутреннем плане психической деятельности (Ананьев, 1961). Ассоциации наполняют образы-представления людей друг о друге психологическим содержанием.

Психологический контент характеризует особенности взаимных образов-представлений людей друг о друге. В них обнаруживаются ассоциации смысла человеческих взаимоотношений, обозначенных психологическими качествами партнеров. Например, если о воспринимаемом человеке сказано, что он «любящий отец семейства», то – это знак возможно проявляемых, а, следовательно, и ожидаемых отношений (Панферов, 2015).

Образы-представления партнеров социального взаимодействия являются продуктами их психологической деятельности в процессах социальной перцепции. Объективация этих образов-представлений людей друг о друге происходит средствами вербализации и визуализации. Вербальной формой объективации их являются высказывания людей друг о друге. В этих высказываниях происходит социально-психологическая интерпретация личности (СПИЛ) с позиции партнерских интересов общения и совместной деятельности (Панферов, 2015).

Таким образом, психологическое познание человека человеком разворачивается по семиотической формуле «знак – значение – смысл – отношение» как психологическая деятельность субъектов социального взаимодействия. Философские и методологические предпосылки этой формулы можно обнаружить в трудах Л.О. Резникова (1964) и В.Ф. Петренко (1988).

Психологическое познание человека включает: отражение физического облика, поведения и деятельности партнеров социального взаимодействия; отображение ассоциаций, возникших с этими проявлениями партнеров; выражение своего впечатления о партнере в виде социально-психологической интерпретации личности (СПИЛ); оценку субъективной значимости партнеров при их выборе для совместной жизнедеятельности. Если эти процессы рассматривать по семиотической формуле социальной перцепции, то мы получим категориальную матрицу психологической деятельности субъектов психологического познания. Эта матрица содержит основные формы объективации психологической деятельности человека.

Матрица объективации психологического познания человека

	Знак	Значение	Смысл	Отношение
Отражение	идентификация	узнавание	категоризация	свой/ чужой
Отображение	псих. образ	ассоциация	апперцепция	приятие/отвержение
Выражение	представление	понимание	интерпретация	полезный/вредный
Оценка	эмоция	чувство	суждение	селекция

Эта матрица обладает эвристическим потенциалом для объяснения закономерностей психологической деятельности человека при его взаимодействии с миром вещей, людей и самим собой. Из нее следует вывод о семиотической природе психической и психологической деятельности. Это означает, что объективация идеальной психологической реальности происходит в знаковых формах. Знак символически материализует значения идеальной реальности, вынашиваемые человеком во внутреннем плане сознания. Гносеологические отношения между знаком и значениями такие же, как между словом и понятиями. В этом смысле любой знак в психической деятельности выполняет языковую функцию. Однако если у вербальных знаков значения закреплены более жестко этимологическими нормами словесных языков, то у визуальных, тактильных и кинестетических знаков значения более вариативны. Смысловая многозначность невербальных знаков открывает перед пользователями более широкие возможности в передаче неизъяснимых впечатлений от объектов взаимодействия.

Однако определение смысла таких значений чрезвычайно субъективируется, что создает коллизию разночтений и когнитивного диссонанса. Этот рок преследует научное познание вербальными средствами, так как затрудняет адекватную идентификацию стимула (слова-знака) по смыслу. С другой стороны, такая вариативность важна для проявления индивиду-

альных вариаций смысла, бессознательно интериоризированного субъектами социального взаимодействия. Этот опыт приобретенных значений актуализируется в ассоциациях с воспринимаемым объектом (предметом или человеком).

В процессах психического отражения устанавливается тождество знака с объектом на основании воспринятого кода, выполняющего функцию признака объекта. Признак – это интерпретируемый знак объекта, позволяющий его идентифицировать с некоторой известной по прошлому опыту категорией предметов. В этом процессе присутствуют шаблоны и стереотипы категоризации объекта при узнавании. При восприятии человека узнавание сопровождается отношением к нему как своему или чужому. Внешний облик партнеров в этом процессе выполняет функцию знака психологических значений. В этом смысле он функционирует как объективированная идеальная психологическая реальность. В его ощущаемых признаках прочитывается информация о психологическом потенциале партнеров по законам ассоциации этих признаков с прошлым перцептивным опытом субъектов взаимодействия. Начинается этот процесс с идентификации партнеров по физическому облику, что приводит к узнаванию целостности по некоторым признакам объекта. Это может сопровождаться ошибками в адекватности узнавания. Но, несмотря на это происходит последующая категоризация объекта восприятия, что придает ему смысловое значение, производное от апперцепции субъектов отражения. В результате психическое отражение превращается в психологическое отображение в форме психического образа.

В процессе психологического отображения происходит синтез признаков объекта в его целостный психический образ, являющийся идеальной реальностью внутреннего плана сознания субъекта как «вещи в себе и для себя». Субъект участвует в его конструировании на неосознаваемом базисе апперцепции, непроизвольно обнаруживая тем самым свой мотивационный опыт социального взаимодействия. В психологическом познании человека человеком это может быть выражено в выделении конкретного человека из ряда других через идентификацию с конкретным «прототипом», напоминание о котором возникло из ассоциации по сходству признаков внешнего облика. Например: «Похожа на мою маму ...». Появление таких образов воспринимаемого человека провоцирует отношение приятия или отвержения этого человека. Это становится знаком соответствующего психологического контекста по ассоциации с образом мамы в данном примере. Осмысление ассоциации приводит к трансформации психического образа в представление о психологическом конструкте личности, который осознается в форме СПИЛ.

В процессе психологического выражения своего впечатления о личности воспринимаемого человека происходит интерпретация его социально-психологической сущности по законам психологической проекции на

основе реализации апперцепции социального взаимодействия. Психический образ как знак воспринимаемого человека предопределяет содержательную валентность психологических качеств, которыми познаваемый человек наделяется. Если субъект познания испытывает потребность в материнской заботе, то он наделяет похожего человека соответствующими качествами. Например: «Похожа на мою маму – добрая и заботливая женщина».

Психический образ (похожа на мою маму) в этом процессе выполняет функцию знака по отношению к психологическому контенту представления (добрая и заботливая женщина). В представлении о воспринимаемом человеке заключено понимание его партнерских качеств, востребованных в социальном взаимодействии. Это понимание выражается в социально-психологической интерпретации личности партнеров социального взаимодействия. В ней фиксируются отношения полезности-вредности партнеров для совместной жизнедеятельности, психологическое сближение или удаление друг от друга.

Проясненный алгоритм СПИЛ по внешнему облику человека открыл своеобразие онтологической структуры личности. Оно заключено в синтезе психического образа и представления в едином конструкте «образа-представления», где образ становится знаком психологического контента личности, а содержательное представление о ней является ассоциативно замкнутой апперцепцией социального взаимодействия в общении.

Выяснилось, что в первую очередь в СПИЛ, воспринимающие друг друга люди, реализуют ассоциацию с социально-групповой принадлежностью человека по полу, возрасту, профессии, национальности. В этом заключен ответ на главный вопрос психологического познания – кто этот человек? Такая идентификация по внешности предопределяет психологические значения, которыми может быть наделен партнер социального взаимодействия. Это важно знать людям друг о друге для адекватной регуляции своих взаимных отношений в совместной жизнедеятельности. Далее психологический контент СПИЛ охватывает род занятий, способности, характер и человеческие отношения (Панферов, 2015).

Явный прагматизм СПИЛ сопровождается аксеологической рефлексией человеческих отношений. Она проявляется в оценочной деятельности, которая проистекает из аффективного компонента психического процесса. Внешний облик как знак эстетического отношения является побудителем первичной произвольной эмоции, соответствующей неясной психофизиологической реакции субъектов друг на друга. Они предопределяют значения осознаваемых и выраженных в суждениях чувств. Прагматическое назначение этих процессов состоит в селекции партнеров для решения актуальных задач совместной жизнедеятельности. При этом важно помнить, что оценочная деятельность как рефлектирующее сознание проистекает из глубин мотивационных психических образований, где велика вероятность бессознательных откликов людей друг на друга.

Этот психологический конструкт социальной перцепции позволяет интегрировать ее достижения с общепсихологическими теориями психического процесса, и, тем самым, очертить психологические механизмы интегрального синтеза в исследованиях социальных представлений как психологических явлений общественного сознания.

Литература

- Ананьев Б.Г.* Теория ощущений. Л.: ЛГУ, 1961.
Бодалев А.А. Восприятие человека человеком. Л.: ЛГУ, 1965.
Веккер Л.М. Восприятие и основы его моделирования. Л.: ЛГУ, 1964.
Глотова Г.А. Человек и знак. Свердловск: изд-во Уральского университета. 1990.
Панферов В.Н. Интегральный синтез психологии человека в науке, в образовании, в социальном взаимодействии. СПб: РГПУ им. А.И.Герцена, 2015.
Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988.
Резников Л.О. Гносеологические вопросы семиотики. Л.: ЛГУ, 1964.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К СОЦИАЛЬНОМУ АКТИВИЗМУ

Петрович Н., Чабаркана М.Д.
Белградский университет, Сербия

В данной работе представлены эмпирические результаты из Сербии и Боснии, полученные в рамках одного большого международного исследования, в которое были включены более 40 стран. 120 респондентов оценивали свою позицию по шкале из семи пунктов, с использованием 10 пар соответствующих социально-политических ценностей, таких как свобода - безопасность, равенство - богатство, стабильность - демократия, верховенство большинства - права меньшинств, изоляционизм - соглашения и союзы. Набор переменных, которые рассматриваются в качестве предсказателей, помимо всего прочего включает: ориентацию на социальное доминирование, социальные и персональные аномии, удовлетворенность жизнью, индивидуальную ответственность, сопереживание, восприятие справедливости политической системы и социальной справедливости, а также социально-демографические переменные, такие как возраст, пол, образование и социально-экономический статус. В следующей статье будут представлены и обсуждены описательные результаты и результаты регрессионного анализа, то есть, каким образом и в какой степени некоторые черты характера определяют социальные и политические ценности и каковы различия в этих значениях между субъектами из Сербии и Боснии и Герцеговины.

Ключевые слова: ценности, черты характера, социо-демографические переменные, общественно-политическая деятельность.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL VALUES RELEVANT FOR SOCIAL ACTIVIZM

Petrovič N., Čabarkapa M.D.
University of Belgrad, Srbija

In this paper, empirical results from Serbia and Bosnia will be presented, from a larger international study done in over 40 countries. The sample of 120 respondents estimated their position on seven point scales defined by 10 confronting pairs of socio-political relevant values such as: freedom – security, equality – wealth, stability – democracy, majority rule - minority rights, isolationism- treaties and alliances. A set of more personal, socio-psychological variables has been administered too: counter dominance orientation, social and personal anomia, life satisfaction, self responsibility, empathy, perception of fairness of political system and social justice, among others, and also socio-demographic variables like age, gender, education and socio-economic status. In the presentation and the following article there will be presented and discussed results of regression analyses, i.e. in what way and to what degree deeper personality variables determine more proximal political values, and what are difference in those values between subjects from Serbia and Bosnia and Herzegovina.

Keywords: values, personal variables, socio-demographic variables, socio-political activism.

На протяжении всей истории цивилизации, человеческое общество было динамичным и изменялось, причем не только из-за природных условий или стихийных бедствий, миграций, или влияния великих лидеров, но в значительной степени под влиянием желаний многих людей, которые создали это общество, и стремились к новому. Сегодня, в эпоху обширных эмпирических исследований на всех континентах, и во многих культурах, стало ясным, что социальные движения, действия и акции, хотя они являются частью исторических, экономических и других крупных социальных факторов, частично являются результатом манипуляции заинтересованной элиты. Конечно, отчасти они вызваны и психологическими источниками энергии: потребностями широкого круга людей, их целями и ценностями, которые направляют поведение отдельных лиц, целых народов или религиозных групп.

Человек, как физическое лицо, часто находится в положении Давида, которому необходимо сражаться с Голиафом исторической обусловленности, но Давид все же победил Голиафа, и, как говорит Махатма Ганди, хотя

изначально это казалось невозможным. В истории, по сути, так и происходит. Его страна Индия может стать примером борьбы против мощного колониализма, в меньшей степени с помощью оружия, а больше решимостью людей. Даже сегодня во всем мире люди во многих организациях борются за другой мир, и многие из них не в центре внимания средств массовой информации. Они, независимо от очевидной бесперспективности, продолжают свои усилия, чтобы приспособить окружающий мир себе и своим потребностям.

Одной из психологических сил, которые определяют поведение людей по достижению желаемых целей, являются ценности, которые люди устанавливают и защищают. Ценности имеют очень важную роль в жизни обычных людей, в том числе и в их общественно-политической деятельности. Ценности по определению имеют центральное место в сознании людей, и следовательно, имеют функцию директивы в человеческом поведении.

Так, на пример, что те для которых материальные ценности важнее всего - ищут подходящие возможности для приобретения имущества, а те, для которых гедонизм важнее всего – стремятся расслабиться, как можно больше, и так далее. Если мы знаем какие ценности у людей, то весьма вероятно, что мы будем предвидеть и их действия. Милтон Рокич (Rokeach, 1973) определил ценности как «вечное убеждение, что это конкретная модель поведения или конечное состояние существования, лично или социально предпочитается», и подчеркнул, что «трудно представить себе проблему, которая для социальных исследователей может быть интересной, и которая не глубоко определена человеческими ценностями». Другой известный исследователь, Шалом Шварц (Schwartz, 1992) видел ценности как «концепции или убеждения, в погоне желательных конечных состояний или поведения, которые выходят за рамки конкретной ситуации, определяют поведения и события, а также определяют порядок их относительной важности.»

В своей модели, значение плюрализма в идеологической аргументации, Филипп Тетлок (Tetlock, 2000) писал, что «в основе всех систем политических убеждений лежат окончательные или конечные ценности ... которые могут принимать различные формы, такие как экономическая эффективность, социальное равенство, индивидуальная свобода, борьба с преступностью, национальная безопасность или расовая чистота».

Независимо от того, как определяется, это очевидно, что понятие ценности относится к верованиям, мнениям и взглядам, которые выражают личную жизненную позицию, или желаемое состояние общих социальных отношений и объектов, которые люди предпочитают, или пытаются построить, укрепить и поддерживать в качестве стабильного ориентира и поддержки для личного и социального взаимодействия.

Метод.

В данном исследовании будут представлены результаты, относящиеся к Сербии и Боснии и Герцеговине, полученные в рамках более широких эмпирических исследований, которые включали более 40 стран с разных континентов. Выборка состояла из 120 участников, 60 из каждой страны, которые находятся на семибалльной шкале оценивали свой уровень согласия с десятью парами социально-политически значимыми ценностями, которые рассматриваются как противоречащие друг другу (принятие одного члена пары исключает другой член).

Набор переменных, которые рассматриваются в качестве предсказателей, и которые можно рассматривать как предварительно индивидуальные переменные, помимо всего прочего включает: ориентацию на социальное доминирование, социальные и персональные аномии, удовлетворенность жизнью, индивидуальную ответственность, сопереживание, восприятие справедливости политической системы и социальной справедливости.

Две отдельные страны бывшей Югославии, имеют очень турбулентную недавнюю историю, с рядом проблем на различных уровнях: политическом, экономическом, переходном ... Очень важно для ускорения социального развития широкое внедрение положительных ценностей, необходимых для граждан, чтобы инициировать или настаивать на внесении необходимых изменений в обществе (Petrović, Selimović, de Rivera, 2010). Изменения в обществе зависят от системы ценностей большинства граждан, по крайней мере, до некоторой степени. Таким образом, основная цель данного исследования состояла в том, чтобы определить в какой степени личные свойства опрошенных, влияют на социально-политическое значение ценностей.

Результаты исследования.

Позиция респондентов из Сербии и Боснии и Герцеговине на десять исследуемых ценностей является существенной, поскольку она четко выражает нынешнее состояние социально-политических позиций среди населения этих стран. Это показано с помощью среднего (M) и стандартного отклонения (CO) в качестве меры распределения результатов на 10 протестированных шкалах ценностей.

Диапазон значений составляет от 1 (сильная приверженность к первому компоненту в паре) через нейтральное положение (уровень 4) до 7 (сильная приверженность к другому компоненту в паре).

В табл. 1 представлены интересные и значимые результаты. При интерпретации полученных результатов следует иметь в виду две вещи: во-первых, что оценка выше 4 означает, что участники склонны к правой ценности; а во-вторых, что существуют значительные различия между сербами и мусульманами, которые составляют выборку.

Респонденты из обеих стран отвергают изоляционизма, в то время как сербы также отвергли союз с НАТО, и не так привязаны к вступлению в ЕС.

Таблица 1. Политические ценности в Сербии и Боснии и Герцеговины

Ценностные пары		Совокупно		Сербия		Босния	
		М	СО	М	СО	М	СО
1	Не сообщаться с другими странами - Со- глашения и союзы с другими странами	6,24	1,84	5,97	1,83	6,50	1,84
2	Независимость / автономия - Отношения с сообществом (семья, соседи ...)	5,81	2,36	5,80	2,18	5,82	2,54
3	Авторитет мужчин - Права женщин	5,76	2,05	5,47	1,93	6,05	2,14
4	Соблюдение международного права – На- циональное определение по собственному	5,45	2,39	5,27	2,08	5,60	2,65
5	Свобода - Безопасность	5,18	2,56	4,75	2,40	5,60	2,65
6	Руководство большинства - Права мень- шинства	5,11	2,26	4,15	2,15	6,05	1,96
7	Равенство - Богатство	4,45	2,61	3,80	2,13	5,10	2,87
8	Военная нейтральность - Союз с НАТО	4,32	2,80	2,41	1,75	6,20	2,33
9	Стабильность - Демократия	4,27	2,64	3,61	2,24	4,92	2,85
10	Присоединение к ЕС - Пребывание за пределами ЕС	3,66	2,56	4,58	2,60	2,77	2,19

Также интересно, что все респонденты, хотя они в основном молодые люди, которые живут в более индивидуалистических обществах, предпочитают своего рода коллективизм.

Что касается различий, боснийские респонденты предпочитают богатство, даже если это поставит под угрозу равенство, потом они больше предпочитают демократию, свободу и права меньшинств, чем респонденты из Сербии.

Психологические характеристики как факторы социальных и политических взглядов.

Как у нас есть большое количество психологических предикторов, для которых мы предполагаем, что влияют на этих 10 пар ценностей, для более наглядного представления мы решили выставить результаты через регрессионный анализ, где все социально-демографические и психологические переменные являются прогностическими факторами, а в роли критерия является каждый из этих 10 пар ценностей.

Отдельно будет показаны те значения, на которые влияет большинство других протестированных переменных.

Таблица 2. Безопасность - Свобода

R	R2	скоррект. R2	Прогнозирование				
			R2	F	df1	df2	значение
0,576	0,332	0,166	0,332	2,007	22	89	0,012

Как видно из таблицы 2, все предсказатели объясняют 33% дисперсии этого измерения. Значительные индивидуальные предикторы: ориентация социального доминирования ($B = - 0,451$; $t = - 2,337$; $p = 0,022$), социальная аномия ($B = 0,417$; $t = 2,626$; $p = 0,010$), а также уровень образования ($B = - 0,691$; $t = - 2,213$; $p = 0,029$). Таким образом, положительное отношение к социальному равенству и большему восприятию аномии в обществе предсказывает стремление к безопасности, в то время как более образованные респонденты, как правило, стремятся к свободе.

Таблица 3. Стабильность - Демократия

R	R2	скоррект. R2	Прогнозирование				
			R2	F	df1	df2	значение
0,594	0,353	0,193	0,353	2,208	22	89	0,005

Все предсказатели объясняют 35% размерности дисперсии на шкале ценности устойчивост-демократия. Существенными предсказателями являются: восприятие безопасности в мире ($B = 0,292$; $t = 2,479$; $p = 0,015$), восприятие риска в мире ($B = - 0,219$; $t = - 0,2490$; $p = 0,015$), либерализм ($B = 0,498$; $t = 2,021$; $p = 0,046$) и социально-экономический статус респондентов ($B = 0,685$; $t = 2,146$; $p = 0,035$). Позитивное отношение к демократии можно предсказать на основе восприятия безопасности против опасности в мире, и на основе приверженности либеральным ценностям. Люди лучшего социально-экономического статуса также предварительно выбирают демократию наоборот устойчивости.

Таблица 4. Равенство - Богатство

R	R2	скоррект. R2	Прогнозирование				
			R2	F	df1	df2	значение
0,621	0,385	0,233	0,385	2,535	22	89	0,001

Предсказатели объясняют 23% измерений дисперсии шкалы равенства-богатства. Значительными предсказателями являются: внешняя несправедливость ($B = - 0,181$; $t = -2,079$; $p = 0,041$), готовность к примирению ($B = - 0,354$; $t = -2,645$; $p = 0,010$), возраст респондентов ($B = 0,051$; $t = 2,535$; $p = 0,013$), а также уровень образования ($B = - 0,691$; $t = -2,261$; $p = 0,026$). Те респонденты, которые воспринимают мир как несправедливое место, которые готовы к примирению, и которые являются более образованными, предпочитают больше равенства между людьми. Также, в то время, как с возрастом люди более склонны к богатству.

Таблица 5. Права большинства - Права меньшинств

R	R2	скоррект. R2	Прогнозирование				
			R2	F	df1	df2	значение
0,579a	0,335	0,171	0,335	2,038	22	89	0,010

Предсказатели, взятые вместе, ответственны за 33,5% дисперсии этого измерения. Значительные предсказатели: ориентация социального доминирования ($B = -0,528$; $t = -3,037$; $p = 0,003$) и удовлетворенность жизнью ($B = 0,254$; $t = 2,418$; $p = 0,018$). Первый предсказатель направлен к предпочтению правления большинства, а другой к правам меньшинств.

Другие ценности, которые мы исследовали, в меньшей степени могут быть объяснены с помощью предсказателей, включенных в данном опросе, так что их здесь не будем специально объяснять.

Заключение

Эта работа показывает значимость психологических переменных в объяснении социально и политически соответствующих ценностей. Это убедительное подтверждение о том, что личность и индивидуальные различия между людьми, играют значительную роль в формировании, поддержании и выражении политических ценностей и идеологий, и, соответственно, политического поведения. Тем не менее, связь между чертами личности и политической ориентации, по существу, определена социальным контекстом. Таким образом, оценка этих психологических характеристик имеет важное значение, но если мы делаем это в отрыве от социально-исторического контекста, мы можем потерять значительную часть всей картины. На данный момент указывают и уровни объяснения дисперсии зависимой переменной, как получено в нашем исследовании (R2).

Необходимы более сложные аналитические исследования, которые включают личностные характеристики и контекстуальные переменные, которые будут давать больше объективное и полное объяснение роли личности в прогнозировании политического активизма. Хотя Аристотель (350 г. до н.э. / 1988), возможно, был прав, говоря, что разные люди мотивированы, чтобы формировать различные формы правления, это также верно, что широкий социальный контекст глубоко влияет на то, какие виды государственного правления люди, как правило, будут учитывать и принимать во внимание (Sibley, Osborne & Duckitt, 2012).

Referenses

Aristotle. *The politics*. New York, NY: Cambridge University Press, 1988.

Petrović N., Selimović, A. & de Rivera, J. Kultura mira – procena emocionalne klime u Bosni i Hercegovini i Srbiji. XVI Empirijska istraživanja u psihologiji, Filozofski fakultet, Univerzitet u Beogradu, 2010.

Rokeach M. The nature of human values. New York: The Free Press, 1973.

Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (Ed.) Advances in experimental social psychology. New York: Academic Press, 1992.

Sibley C.G., Osborne D., & Duckitt J. Personality and political orientation: Metaanalysis and test of a threat-constraint model // Journal of Research in Personality. 2012. - vol. 46. - p. 664-677.

Tetlock P. Coping with trade-offs: Psychological constraints and political implications // A. Lupia, M. McCubbins, and S. Popkin (eds.) Elements of Reason: Cognition, Choice, and the Bounds of Rationality. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

Полякова И.В.

Смоленский государственный университет, Россия

Статья посвящена теоретическому анализу психологических особенностей восприятия социального прогресса. Под ключевой детерминантой социального прогресса понимается улучшение состояния общества. Социальный прогресс исследуется с позиции деятельностного подхода, в ходе которого усиливается значение жизненного опыта на сознательную регуляцию человеком своего поведения и деятельности, который ограничивает инстинктивное реагирование и развивает сознательный контроль поведения, трансформируя его в социально приемлемое. Освоение социальных паттернов рассматривается на примере восприятия заданных образцов с последующим их воспроизведением испытуемыми.

Ключевые слова: социальный прогресс, гуманитарные основания, сознание, восприятие, психоэмоциональное возбуждение.

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF PERCEPTION OF SOCIAL PROGRESS

Polyakova I.V.

Smolensk state University, Russia

The article is devoted to the theoretical analysis of psychological peculiarities of perception of social progress. A key determinant of social progress means the improvement of society. Social progress is examined from the position of the activity approach, which increases the value of life experiences on a conscious regulation of man's behavior and activity that limits an instinctive re-

sponse and develops conscious control of behavior, transforming it into a socially acceptable. Development of social patterns is illustrated with the example of perception of given samples and their subsequent playback of the subjects.

Keywords: social progress, humanitarian reason, consciousness, perception, psycho-emotional arousal.

Социальный прогресс традиционно понимается как вид движения общества, способствующий улучшению состояния общества. Улучшение состояния общества трактуется по-разному. Например, в него вкладывается уменьшение совокупных страданий членов общества; последовательное восхождение к более сложным формам общественной жизни, разрешение противоречий, свойственных предыдущим этапам социального развития и т.д. (Социология, 2006). Механизм социального прогресса описывают в рамках психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, он представляет собой процесс появления и последующей реализации/удовлетворения новых потребностей в культурно-историческом сообществе людей (Капитонов, 2005).

Жизненные циклы потребностей, независимо от их модальностей, проходят одни и те же стадии: зарождение нужды, трансформация нужды в потребность, формирование предмета потребности, потребление или использование предмета потребности, удовлетворение потребности и ее затухание (исчезновение нужды), активизация нужды, активизация старых потребностей (Демьянова, 2014, с.212). По мнению автора, жизненный цикл потребности предопределяет специфику предмета потребности, формирует интересы и направленность, и определяет развитие любой системы (там же, с.213). Иными словами, предмет потребности и особенности его актуализации (потребления) обуславливают друг друга.

Таким образом, возникновение новых потребностей – процесс закономерный, циклический, самовоспроизводящийся. Он связан, во-первых, с познавательными потребностями человека, как бы по определению требующими систематического стимулирования работы сознания. Во-вторых, вхождение в культуру, существование в обществе представляет собой и процесс, и результат стимулирования. Другими словами, имеем две поддерживающие друг друга системы: с одной стороны механизм восприятия-ориентирования, настроенный на реализацию потребности, с другой стороны, непрерывно воздействующий на него культурно-исторический контент как система социального ожидания.

В.И. Корниенко (2007) определяет гуманитарный прогресс как процесс актуализации проявлений человеческой природы (опыт самореализации и самоограничения). Гуманитарные основания социального прогресса ограничивают инстинктивное реагирование и развивают сознательный контроль поведения и деятельности, трансформируя ее в социально приемлемый. Поведение человека складывается под влиянием индивидуально-

го опыта, изменяется под влиянием обучения, эмоционально закрепляется как должное, социально востребованное под влиянием сознательных мыслей, чувств и действий. Однако, экстремальные, неожиданные, кризисные ситуации могут трансформировать эти действия в инстинктивное реагирование, причем, чем выше уровень социализации индивида, тем более его поведение и деятельность регламентированы мотивами, целями, ценностями (Березина, 2013, с.19).

Гуманитарные основания обеспечиваются гуманитарным интеллектом, гуманитарным знанием, гуманитарными ценностями, гуманитарным потенциалом, «... лишь при условии развития и достижения достаточного уровня общечеловеческого гуманитарного сознания возможна нейтрализация или минимизация опасности распространения антигуманных тенденций в современном мире» (Корниенко, 2007, с.56). Вместе с тем, гуманитарные, равно как и антигуманные, тенденции создаются человеком, то есть имеют культурный характер. Возможность укрепления гуманитарных оснований социального прогресса связана с развитием устойчивости сознания личности.

Одной из детерминант, определяющих устойчивость сознания, является константность сознания, ее понимают как относительную не изменчивость, устойчивость и преемственность сознания, определяемую памятью (Чуфаровский, 1997, с.30). Вместе с тем, в характеристике константности сознания можно выделить не только содержание, но и форму. Под последней можно понимать некие операционно-технические паттерны, схемы, модели, механизмы отражения и обработки социального контента. Поскольку индивидуально-типологические особенности людей являются одновременно и общими, и уникальными, эти паттерны, имея врожденный характер, развиваются по мере приобретения социального опыта.

Значительную роль в структурировании опыта играют культурные установки и убеждения. Р.М. Шамионовым (2015) установлено, что убеждения определяют эмоциональное и психологическое благополучие. Однако, автор отмечает, что особенности этого влияния на личность различаются в зависимости, например, от культурного окружения (проживание в сельской местности или в городе). «Влияние культурного контекста на психологическое благополучие больше у сельчан, чем у жителей города, а влияние на эмоциональное благополучие не определено. ... в городе выражено влияние вертикального индивидуализма, ... в селе значимыми предикторами являются горизонтальный индивидуализм и коллективизм. ... убеждения и культурный контекст в большей степени объясняют вариации психологического благополучия жителей села, чем города» (Шамионов, 2015, с.109). Иными словами, гуманитарные основания социального прогресса, способствующие улучшению жизни в обществе, связаны с включенностью в социально-территориальную общность; ее качественные па-

раметры и их восприятие человеком оказывают существенное влияние на психоэмоциональное благополучие личности.

Социально-территориальные условия жизни влияют не только на содержательные, но и динамические, операционально-технические особенности осознания и принятия социального прогресса. В связи с тем, что категория социального сознания имеет глобальный характер, рассмотрим проявление операционально-технических особенностей адаптации человека к социальным требованиям на примере функционирования перцептивных процессов как одного из когнитивных процессов, включенных в организацию сознания. Социальный прогресс регламентирует формирование и актуализацию индивидуального сознания посредством демонстрации общественно одобряемых образцов поведения. Представителям культурно-исторического сообщества людей необходимо их сознательно или бессознательно тиражировать для того, чтобы успешно приспособиться к социокультурному окружению. В противном случае, включаются рычаги общественного санкционирования.

Психологические особенности тиражирования или воспроизведения культурного опыта исследовались нами в ходе экспериментов, в процессе которых испытуемым предлагалось воспроизвести заданный экспериментатором образец. Исследование проводилось в 2014 году. В нем на разных его этапах приняли участие девятнадцать студентов старших курсов психолого-педагогического факультета Смоленского государственного университета. Цель работы заключалась в изучении особенностей восприятия испытуемыми заданного образца. Предметом исследования была ошибка параметров воспроизведения этого образца. Реципиентам предлагали осуществить усилие в полтора килограмма, путем нажатия на клавишу прибора, ориентируясь на отметку на экране вольтметра, запомнить его и воспроизвести, не глядя на экран. Время восприятия не регламентировалось, каждый испытуемый работал с образцом столько, сколько ему было нужно. Результаты сравнивали с образцом.

Измерение ошибки воспроизведения осуществлялось с помощью специально изготовленного для эксперимента прибора, позволяющего фиксировать силу усилия правой или левой рук (а также двумя руками одновременно) в момент нажатия на клавиши прибора на вольтметрах. При воспроизведении образца одновременно двумя руками вклад в усилие правой и левой рук отображался на разных вольтметрах, таким образом мы получили возможность изучить психологические особенности межполушарной асимметрии в обеспечении перцептивного результата, поскольку сила усилий разными руками была не одинаковой. Идея компаративно соотнести результаты ошибок восприятия образца, допущенные правой и левой рукой, а также обоими руками одновременно, объяснялась необходимостью выяснения психологических особенностей влияния эмоциональной сферы на результаты деятельности человека. И, если говорить о социаль-

ном прогрессе как явлении, улучшающем существование сообщества, то он, бесспорно, включает в себя психоэмоциональную составляющую.

В связи с этим, мы осуществляли измерения испытуемых в состоянии спокойного бодрствования и в состоянии психоэмоционального возбуждения (после интенсивной физической нагрузки). Результаты, которые мы получили, повторялись во всех группах испытуемых. В состоянии спокойного бодрствования воспроизведение образца ведущей рукой было точнее, а в состоянии возбуждения точность восприятия как когнитивной функции ухудшалась. Ошибка левой руки, наоборот, уменьшалась в состоянии возбуждения (Полякова, 2013; Полякова, 2015). Ошибка ведущей руки при одновременном воспроизведении заданного образца обеими руками значительно превышала ошибку, допущенную при его воспроизведении отдельно правой рукой, причем, испытуемые в обоих случаях не осознавали результаты своей работы и оценивали их как корректные и одинаковые.

Полученные результаты позволяют предположить, что процесс восприятия социокультурного контекста осуществляется с его искажениями. Состояние психоэмоционального напряжения усиливают искажения, которые человеком в полной мере не осознаются. Социальный прогресс, улучшающий условия жизни человека, это процесс, который эмоционально им переживается, поэтому искажается и объективно оцениваться не может.

Литература

Березина Т.Н. Обонятельное воздействие на насекомых (на примере запаха страха) // *ВВ: Психология и психотехника.* 2013. - № 8. - С.1-20.

Демьянова М.В. Жизненный цикл экономической потребности // *Теория и практика общественного развития.* 2014. - № 4. - С. 211-213.

Капитонов Э.А. Социология XX века. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.

Корниенко В.И. Гуманитарный прогресс человеческого общества // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2007. - №17. - С. 49-57.

Полякова И.В. Взаимосвязи психологических особенностей личности и формирования навыков // *Вестник Волгоградского университета.* Серия 11. 2013. - № 2(6). - С. 79-85.

Полякова И.В. Влияние эмоциональных состояний на функционирование перцептивной сферы и свойства личности // *Вестник Волгоградского университета.* Серия 11. 2015. - № 2 (12). - С.113-121.

Социология. Курс лекций / под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов-на-Дону: Феникс. 2006.

Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. М.: Право и Закон. 1997.

Шамионов Р.М. Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан // *Социальная психология и общество.* 2015. - № 4. - С. 109-122.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ АРМЕНИИ КАК ОБЪЕКТЕ ТУРИЗМА

Попова Л.В., Смбалян С.А.

Государственный университет управления, Москва, Россия

Данная статья посвящена анализу социальных представлений об Армении как объекте туризма. Были проанализированы результаты интернет-опроса среди людей, посетивших хотя бы раз Армению, в результате чего были выявлены устойчивые социальные представления об Армении, а также цветовые ассоциации, связанные с ней. Социальные представления об Армении в большинстве своем положительны, а цветовые ассоциации также положительны и жизнеутверждающи. У большинства респондентов сформировались об Армении положительные представления как о стране с большим туристическим потенциалом.

Ключевые слова: социальные представления, туризм, имидж, имидж территории, ассоциации.

STUDY OF SOCIAL REPRESENTATIONS OF ARMENIA AS A TOURISM OBJECT

Popova L.V., Smbatyan S.A.

State University of Management, Moscow, Russia

This article analyzes the social representations of Armenia as a tourism object. Internet results were analyzed: a survey among people who visited Armenia at least once, as a result have been identified sustainable social representations of Armenia, as well as color associations, associated with it. Social representations about Armenia are mostly positive and the color associations are also positive and life-affirming. Thus, we can conclude that the majority of respondents are positive about Armenia were generated presentation as country with great tourism potential.

Keywords: social representations, tourism, image, image territory, association.

В настоящее время все большую актуальность в России приобретает проблема, касающаяся формирования имиджа территории. Имидж территории напрямую влияет на экономический рост, привлечение инвестиций, благоустройство, создание новых рабочих мест, развитие культуры, а также сказывается на развитии туризма. Данная статья посвящена изучению социальных представлений об Армении как объекте туризма. Для того, чтобы яснее представить себе, что из себя представляет Армения, необходимо изучить социальные представления туристов, посетивших данную страну. Это обусловлено тем, что Армения является страной с богатейшей

историей, древними памятниками культуры и архитектуры, уникальной природой. Все вышеперечисленные факторы, бесспорно, являются привлекательными для туристов.

Прежде чем приступить к анализу представлений об Армении, необходимо рассмотреть несколько важных понятий: социальные представления, имидж территории. Понятия социальных представлений и имиджа в определенной степени являются родственными, так как в основе и социального представления, и имиджа лежит образ. Понятие «социальное представление» относится к «спонтанному», «наивному» знанию, к знанию, обычно называемому здравым смыслом или естественным мышлением в противоположность мышлению научному. Это знание складывается на основе опыта, информации, обучения, традиционных способов мышления, воспитания и социального общения (Жодле, 2007 с. 375). Л.Г. Почебут и Т.А. Мейжис дают следующее определение: «социальные представления – это сложное научное понятие, которое включает в себя образы, в которых сконцентрирована совокупность знаний» (Почебут, Мейжис). По мнению Д. Жодле, социальные представления обозначают специфическую форму знания; знания здравого смысла, содержание которого свидетельствует о действии социально маркированных порождающих и функциональных процессов. В более широком понимании оно обозначает форму социального мышления (Жодле, 2007 с.377).

Под имиджем (от лат. image – образ) понимают распространенное представление о характере того или иного объекта, целенаправленно сформированный образ-представление, наделяющий носителя имиджа, при помощи ассоциаций, дополнительными ценностями, и способствующий его более целенаправленному и эмоциональному восприятию (Крылов, 2008). Е.А. Орлова трактует имидж как социальный образ, стремящийся к идеалу» Он отражается в общественном сознании и общественном бессознательном в результате взаимодействия личности (группы или общности) с данным социальным объектом. (Орлова, 1997). Положительный имидж территории формирует эмоциональную привязанность к ней, способствует действиям, направленным на ее благополучие, содействует принятию благоприятных экономических и политических решений. Положительный имидж города территории является важным условием формирования территории-бренда (Крылов, 2008, с.225).

Однако в научной литературе существуют и различия в рассматриваемых понятиях. По мнению многих ученых, имидж– это синтетический образ, складывающийся в индивидуальном или массовом сознании людей в отношении конкретного социального объекта. Однако имидж отличается от социального представления тем, что по сравнению с социальным представлением в имидже на первый план выходит оценочное отношение, проявляемое в форме мнения (Панкрухин, Игнатъев 2008, с.68). Зачастую понятие «имидж» понимается как разновидность социального представления,

и закономерности его функционирования могут быть объяснены в терминах теории социальных представлений. (Дагаева, 2004).

Для изучения социальных представлений об Армении был проведен интернет-опрос среди людей, посетивших хотя бы раз Армению. В опросе приняли участие 200 респондентов, из них 36% мужчин и 64% женщин, в возрасте от 17 до 75. Средний возраст опрошенных составил примерно 29 лет. Большинство респондентов не состоят в браке (67%) и не имеют дети (80%). В основном - граждане РФ (78,6). Также были опрошены граждане других стран (например, Белоруссии, Аргентины, США, Франции, Армении и т.д.). Был проанализирован и уровень образования респондентов, так, основной контингент туристов имеет высшее образование респондентов (67%), а четверть респондентов (23%) - кандидаты наук, имеющие несколько высших образований, и лишь 10% респондентов не имеют высшего образования.

У большинства опрошенных сложилось позитивное впечатление (73%) после посещения туристических зон Армении, у четверти респондентов - скорее отрицательное впечатление (26%), и лишь у 1% опрошенных - нейтральное. По результатам опроса, было выявлено, что Армения ассоциируется у 19% респондентов с горой Арарат, 16% - с вкусной едой (армянским коньяком, чистой водой), у 15% - с гостеприимством и доброжелательностью людей, у 13% - с солнцем и жарким климатом, у 12% - с древней культурой, у 11% - с Родиной, у 7% - с природой, и у 6% - с абрикосом и гранатом.

Как известно, стереотип — это принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте. Система стереотипов представляет собой социальную реальность. Однако стереотип может очень сильно исказить действительность/реальную ситуацию (точно так же, как и «навешивание ярлыков»).

Поэтому опрошенным «туристам» предлагалось оценить суждения-стереотипы об Армении по степени согласия с данными суждениями, где «1» - абсолютно не согласен, а «5» - полностью согласен. Судя по медианным значениям, половина опрошенных опровергают такие известные стереотипы о стране как: «В Армению опасно ездить из-за сложной социально-политической обстановки», «В Армении практически не знают русского языка», «В Армении высокая преступность», «В Армении опасно ходить по улицам в вечернее и ночное время», «Национальным меньшинствам сложно жить в Армении из-за притеснений со стороны армян», «В Армению опасно ездить женщинам без мужского сопровождения». Также половина опрошенных «туристов» согласны с тем, что: «Армяне любят застолья», «Армяне – дружелюбный народ», «Армения – мононациональная страна», «Большинство армян – верующие люди», «Армянский народ достаточно миролюбивый».

Полученные данные следует использовать для активного формирования позитивного образа/представления (имиджа) об Армении как о стране с огромным туристическим потенциалом. Респондентам был представлен список из 12 наиболее частотных и семантически разнообразных прилагательных цвета. «Туристам» предлагалось ответить, с каким цветом у них ассоциируется «Армения» (оценивался каждый цвет по 5-балльной шкале, где «1» - низкая степень ассоциации, а «5» - высокая степень ассоциации).

Прежде чем приступить к описанию полученных результатов по данному вопросу, необходимо отметить, что цвет представляет собой устойчивую семантическую структуру, соотношенную с эмоционально-личностными особенностями человека. Цвет является самостоятельной системой ориентации в действительности, независимой от предметной, причем такой системой, которая способна осуществлять комплексное изменение функционального состояния индивида, минуя сознание, а также точно сигнализировать об этом изменении. В восприятии цвета можно наблюдать развертывание образа по уровням, описанным В.Ф.Петренко (Петренко, 1983) причем эмоциональный компонент, закономерно соотношенный со словесным значением (названием эмоции, состоянием или идеей), правомерно рассматривать в качестве аналога предметного содержания цветового образа. Цвет способен закономерно выражать эмоциональное (лично-смысловое) отношение субъекта к значимому другому и самому себе. В цвете происходит визуализация эмоционального отношения. Выбор цвета происходит неосознанно, поэтому он позволяет увидеть реальность, а не субъективное представление человека (как обычно бывает при вербальных методиках – опросах, анкетировании, психоаналитической сессии и т.д.).

В ходе исследования были проанализированы цветовые ассоциации со словом «Армения». У респондентов была выявлена высокая степень ассоциации с желтым, зеленым, синим, красным и оранжевым цветами. Данные цвета имеют положительное значение так, например, оранжевый цвет считается радостным, праздничным, цветом изобилия и молодости, красный символизирует полноту жизни и жизненную энергию, любовь, страсть, сексуальность, наделяет силой и уверенностью, зеленый олицетворяет мягкость и умиротворенность, уравновешенность синий – это успокаивающий цвет. Он создает атмосферу безопасности и доверия. В то же время это цвет тайны. Желтый – это цвет солнечного света.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у большинства респондентов сформировались позитивные представления об Армении как о стране с большим туристическим потенциалом.

Литература

Дагаева Е.А. Теория социального представления как методологическая основа изучения имиджа // Материалы докладов XIV Международной конф-

ренции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев. М.: Издательский центр Факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007.

Жодле Д. Социальное представление: феномены, концепт и теория // Социальная психология. / под ред. С. Москвичи. СПб.: Питер, 2007. - С.372-394.

Крылов А.Н. Особенности формирования имиджа территорий в российской провинции / Сб. статей и материалов участников V Междунар. научно-практичю конф. «Проблемы устойчивого развития городов». Т.1. Миасс: Агентство ТЭРРА; Геотур, 2008. - С. 224-228.

Орлова Е.А. Формирование позитивного имиджа государственного деятеля (социально – психологический аспект). М., 1997.

Панкрухин А.П., Игнатъев А.Ю. Имидж страны: смена парадигмы // Корпоративная имеджелогия. 2008. - №2.

Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обычном сознании. М., 1983.

Почебут Л.Г., Мейжис И.А. Социальная психология. СПб.: Питер, 2010.

К ВОПРОСУ О ВИДАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА

Ракитина О.В.

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Россия

Рассматриваются виды профессиональной деятельности психолога. Обозначена необходимость исследования профессиональной деятельности как сложносоставной. Поставлен вопрос о необходимости изучения личностных качеств субъекта, связанных с реализацией различных видов профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная деятельность; психолог-исследователь, практический психолог, преподаватель психологии.

ABOUT THE TYPES OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE PSYCHOLOGIST

Rakitina O.V.

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

Types of professional activity of the psychologist are described. Need of research of professional activity is designated. The question of need of studying of the personal qualities connected with realization of different types of professional activity is raised.

Keywords: professional activity, professional roles, professional self-realization, teacher of psychology.

Работа психолога (ученого, преподавателя, психолога-практика), действующего в современном профессиональном пространстве, требует осуществления самых различных трудовых функций и совмещения различных видов профессиональной деятельности: административной, исследовательской (проведение теоретических и эмпирических изысканий), педагогической, практической (консультативной, диагностической), экспертной и пр. Иначе говоря, эффективный психолог должен реализовывать себя в различных ипостасях: «психолог-преподаватель», «психолог-ученый», «психолог-практик», «психолог-эксперт», «психолог-руководитель».

В наших публикациях (начиная с 2009 г.) мы анализировали научно-исследовательскую деятельность преподавателей вуза, студентов и аспирантов (см., напр., Ансимова, Ракитина, 2010; Ансимова, Мазиллов, Ракитина, 2012; Ракитина, 2014; Ракитина, 2015b; Ракитина, 2015c и др.), исследовали вопрос о соотношении исследования и практики в подготовке психологов (Ракитина, 2015a). В данной статье рассмотрим различные подходы к определению основных видов профессиональной деятельности психолога.

В аспекте изучаемого нами вопроса особый интерес представляет подход Х. Ортеги-и-Гассета. Размышляя о роли науки в университете и о соотношении науки и профессии, Х. Ортеги-и-Гассета еще в 1930 г. писал: «Необходимо разделять профессиональное образование и научное исследование, чтобы ни преподаватели, ни юноши не путали одно с другим, поскольку сегодня это наносит вред им обоим. (...) Общий тезис таков: студент или обычный ученик не овладевает наукой. Врач должен научиться лечить, но как врач он не должен учиться чему-либо еще. Он обязан знать классическую физиологию своего времени, но он не обязан ни быть физиологом, ни даже мечтать об этом.(...) Если у человека есть склонность к медицине и ни к чему более, ему не следует заигрывать с наукой... Вполне достаточно, если он будет хорошим врачом. То же самое я скажу о том, кто собирается стать учителем истории в средней школе. Не совершим ли мы ошибку, внушив студенту в университете, что он будет историком? (...) Мы лишь заставим его напрасно тратить время на освоение методов, необходимых для ученого-историка, но бессмысленных для учителя истории» (Ортега-и-Гассет, 2010, с. 95-96). И далее: «Университет не должен позволять среднему студенту напрасно тратить часть своего времени, воображая, что он станет ученым. Для этого научное исследование как таковое следует исключить из ядра или минимума университетской структуры» (Ортега-и-Гассета, 2010, с. 111-112). Как видим, Х. Ортега-и-Гассет считал необходимым разделять исследовательскую и практическую деятельность, не допуская их совмещения в подготовке специалиста.

В отечественной психологии вопрос об определении психологов различной направленности затронул Е.А. Климов. Он выделил типы психолога по видам труда: «психолог-теоретик», «психолог-практик» и «психолог-менеджер»: «В связи с рассматриваемым внутрипрофессиональным разделением труда в психологии мы имеем как минимум два разных вида профессиональной деятельности, разных по целям и продукту, по средствам и условиям и, конечно, по личным качествам субъекта труда (в данном случае психолога), по желательным и требуемым личным качествам его» (Климов, 1989, с. 7).

Психолог-практик должен быть «контактным, инициативным в общении, очень наблюдательным в отношении проявлений психики в жизненных показателях, хорошим организатором ситуаций общения, их автором, режиссером и актером» (Климов, 1989, с. 7).

Психолог-теоретик, занятый в фундаментальном исследовании, «должен быть способен сосредоточиться подчас и на узких и на, в известном смысле, бесполезных вопросах, будучи движим детским любопытством «разломать игрушку», чтобы посмотреть, что там внутри, даже должен быть способен повернуться спиной к воплям практики (и надолго), чтобы установить ту или иную связь явлений ...» (Климов, 1989, с. 7).

Психолог-менеджер – это психолог, «опирающийся на идеи научного руководства профессиональными группами, идеи материально-хозяйственного обеспечения науки и ориентировку в собственно психологических вопросах, должен считать своим продуктом (продуктом своего интересного для него труда) не приращения к науке, не приращения к живому сознанию людей, являющихся предметом курирования той или иной психологической службы (психокоррекции, профконсультации и пр.), но упорядоченность производственных процессов и производственных отношений в нашем профессиональном сообществе, его частных подразделениях» (Климов, 1989, с. 7). Как видим, речь идет о разных субъектах деятельности в области психологии, хотя автор и подчеркивал необходимость взаимообогащения и совместного развития.

В современных условиях происходит интеграция этих функций (научно-исследовательской, практической, организационной) в деятельности психолога образования, причем как школьного психолога, так и преподавателя психологии в вузе. Так, например, школьный психолог, ранее бывший преимущественно психологом-практиком (ведущим диагностическую, коррекционно-развивающую, консультативную просветительскую работу), с введением Профессиональных стандартов становится и психологом-исследователем, поскольку его трудовые действия предусматривают решение различных исследовательских задач (проведение мониторинга), и психологом-экспертом (проведение экспертизы образовательной среды, образовательных программ и пр.), и психологом-менеджером, поскольку он должен организовывать взаимодействие смежных специалистов, работу

ПМПК, руководить студентами, пришедшими на углубленную профессионально-ориентированную практику, должен организовывать учеников, поддерживать конкурентоспособность школы, в которой работает и пр. Тем не менее, исследование в деятельности психолога-практика выполняет обслуживающую функцию. Если психологическое исследование не ориентировано на психологическую практику, оно не имеет личностного смысла для практического психолога.

Преподаватель психологии, работающий в современном вузе, должен обеспечивать подготовку обучающихся и на теоретическом и на практическом уровне (на последнем даже в большей степени), быть организатором работы студентов, аспирантов, осуществлять деятельность по поиску грантов, заниматься продвижением собственных изысканий и пр.

Размышляя о схизисе психологии, о проблеме соотношения психологической науки, психологической практики и практической психологии, Ф.Е. Василюк именно в практике видит объединяющее начало: «К сожалению, приходится диагностировать не кризис, но схизис нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности расщепленной личности: у них нет взаимного интереса друг к другу, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать фамилии директоров академических институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о «звездах» психологической практики). Есть и другие симптомы схизиса, но наиболее опасное, что консервирует всю ситуацию и в первую очередь нуждается в исправлении, состоит в том, что ни исследователи, ни сами практики не видят научного, теоретического, методологического значения практики. А между тем для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики» (Василюк, 2003, с.90).

Характеризуя взаимоотношения между исследовательской и практической психологии, фактически о том же пишет А.В. Юревич: «... выпускники психологических вузов вынуждены, в силу существующих образовательных стандартов, писать дипломы, представляющие собой мини-диссертации, построенные в соответствии с классическими стандартами академической науки (обзор исследований проблемы, гипотезы, эмпирическое исследование, статический анализ полученных данных и т. д.) и тестирующие их способность заниматься академической наукой, в то время как подавляющая их часть идет в практику и заниматься наукой никогда не будет. Многие из них, получив классическое психологическое образование, затем направляются получать второе образование в учреждения, «доучивающие» их практической психологии» (Юревич, с. 301).

Сопоставим рассмотренные выше подходы (см. табл.), выделив на их основе категории субъектов по различным видам профессиональной деятельности, а также обозначив возможность совмещения различных профессиональных функций в деятельности одного субъекта.

Таблица. Подходы к определению видов профессиональной деятельности психолога / ученого

№	Автор	Категории субъектов профессиональной деятельности	Возможность совмещать профессиональные функции одним субъектом
1.	Х. Ортега-и-Гассет (1930)	Ипостаси профессионала: - профессионал, - ученый.	Разные виды деятельности, должны осуществляться разными субъектами
2.	Е.А. Климов (1989)	Типы психолога по видам труда: - «психолог-теоретик», - «психолог-практик», - «психолог-менеджер».	Разные виды деятельности, осуществляются разными субъектами
3.	Ф.Е. Василюк (2003)	Категории психологов: - психолог-исследователь - психолог-практик.	Несочетаемые
4.	А.В. Юревич (2014)	Категории психологов: - психолог-исследователь, - психолог-практик.	Плохо сочетаемые в деятельности одного субъекта

Таким образом, различные виды профессиональной деятельности рассматриваются как самостоятельные, по большей части разнонаправленные, иногда даже взаимоисключающие, реализуемые различными субъектами.

Метафора с двумя субличностями расщепленной личности (Ф.Е. Василюк, 2003) в настоящее время вполне применима не только к психологии в целом, но и к самому психологу как к субъекту сложносоставной и сложноорганизованной профессиональной деятельности, состоящей из различных деятельностей.. Как сосуществуют в профессиональном самосознании и как реализуются в профессиональной деятельности психолога различные ипостаси – «Я-преподаватель», «Я-ученый», «Я-практик», «Я-организатор», «Я-эксперт»? Осуществленный нами анализ дает основание говорить о необходимости исследования структуры и генеза профессиональной деятельности психолога именно с позиции ее многомерности. В структуре общей профессиональной деятельности различные направления работы не только не являются рядоположенными, но в некоторых аспектах взаимообеспечивающими, усиливающими друг друга, а в некоторых случаях – взаимоисключающими, амбивалентными. Можно предположить, что профессиональная деятельность современного психолога (ученого, преподавателя вуза, педагога-психолога, психолога-практика, руководителя) при определенных условиях может иметь синергетичный характер. Кроме того, для реализации различных видов деятельности, как справедливо отмечал Е.А. Климов, «разных по целям и продукту, по средствам и условиям» (Климов, 1989, с. 7) необходимы и различные личностные качества субъекта труда. Мы предполагаем, что профессиональная деятельность психолога как сложносоставная синергетичная деятельность, обеспечивается взаимосвязанными личностными подструктурами субъекта деятельности. Очевидна необходимость исследования этих профес-

сиональных подструктур, из взаимосвязи и взаимообусловленности, динамики развития и становления.

Х. Ортега-и-Гассет писал: «Тенденция к доминированию «исследования» в университете породила множество бед. (...) Из-за нее недостаточно внимания стало уделяться подготовке профессионалов adhoc (для специальной цели). На факультетах медицины стараются преподавать гиперточную физиологию и сверхдоскональную химию, но, похоже, ни на одном медицинском факультете мира не размышляют всерьез о том, что представляет собой сегодня хороший врач, каким должен быть образцовый современный доктор» (Ортега-и-Гассет, 2010, с. 96-97). Продолжим эти слова (написанные в 1930 году): мы, занимаясь профессиональной подготовкой психологов, почти не размышляем всерьез о том, каким должен быть хороший (профессиональный) психолог.

Литература

Анимова Н.П., Ракитина О.В. Научно-исследовательские компетенции как новообразования личности преподавателя педагогического вуза // Ярославский педагогический вестник. Т.2. Психолого-педагогические науки. 2010. - Вып. 4. - С. 137-142.

Васильюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003.

Климов Е.А. К молодежи, посвятившей себя психологии // Вопросы психологии. 1989. - № 3. - С. 5-10.

Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М.: ВШЭ, 2010.

Ракитина О.В. Научно-исследовательская компетентность преподавателей высшей школы: методы диагностики, результаты исследования // Высшая школа на современном этапе: Проблемы преподавания и обучения: материалы региональной научно-методической интернет-конференции. Ярославль: ЯГПУ, 2014. - С. 125-131.

Ракитина О.В. Исследование и практика в профессиональной подготовке психологов (современные проблемы) // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2015а. - С.385-415.

Ракитина О.В. Научно-исследовательская компетентность преподавателя вуза: мониторинг, проблемы и задачи совершенствования // Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии. М.: ИП РАН, 2015b. - С. 195-207.

Ракитина О.В. Совершенствование профессиональной компетентности преподавателей вуза как задача психологического консультирования // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Часть II. : материалы VII Международной научно-практической конференции. Ярославль: Издательство ООО «Агентство Литерар», 2015с. - С.270-272.

Эффективность научно-исследовательской работы в педвузе: бакалавриат, магистратура, аспирантура (психолого-педагогический аспект). Ярославль: ЯГПУ, 2012.

Юревич А.В. Психология социальных явлений. М.: ИП РАН, 2014.

ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА В ДЕЛОВОЙ И ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Рамендик Д.М.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Россия

В эмпирическом исследовании показано, что имеются различия между мужчинами и женщинами в методах достижения успеха как в деловой, так и в личной жизни. Но эти различия заключаются не в тех или иных психологических свойствах, а в их системной взаимосвязи. Так, в деловой сфере, ставя перед собой сходные задачи, женщины и мужчины руководители строят свое поведение совершенно по-разному. «Делая ставку» на персонал мужчины передают большое значение общению и напористым агрессивным действиям, а также ищут в своих ошибках причины неудач, задачи стремятся решать с помощью организационных мер и контроля. Женщины в аналогичной ситуации стараются «вести себя по-мужски» и контролировать производственные отношения, а «делая ставку» на задачу они придают большое значение социальным факторам: общению, поддержке, а также общему контролю. В личной жизни у мужчин результат теста счастья связан с результатами других тестов: с осмысленностью жизни, самооотношением, самоуважением и аутосимпатией. У женщин результаты теста счастья не связаны с результатами других тестов. Но замужние женщины в большей степени интересуются собой, больше ожидают позитивного или негативного отношения к себе от окружающих, их оценки, в отличие от мужчин в том же семейном положении.

Ключевые слова: гендерные различия, индивидуальные различия, корреляции свойств, стили руководства, субъективное счастье, семейное положение.

ACHIEVING SUCCESS IN BUSINESS AND PERSONAL LIFE: PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MEN AND WOMEN

Ramendik D.M.

Moscow State University of Design and Technology, Russia
Lomonosov Moscow State University, Russia

The empirical study shows that there are differences between men and women in methods of achieving success both in business and in personal life. But these differences are not in these or that psychological properties, but in their systemic interaction. So, in the business sector, posing a similar problem, women and men leaders build their behavior quite differently. "Making a bet"

on the staff men highlight the assertive communication and aggressive action and look for their mistakes, the reasons of the failures, to solve problems with the help of organisational measures and control. Women in a similar situation try to "take it like a man and control industrial relations, and "betting" on a task they attach great importance to social factors: communication, support and total control. In the personal life of a man the result of the test of happiness is associated with the results of other tests: the meaning of life, sootnosheniem, self-esteem and automate. For women, the results of the test of happiness is not associated with the results of other tests. But married women were more interested in themselves, expect more positive or negative attitudes towards themselves from others, their evaluation, unlike men in the same marital status.

Keywords: gender differences, individual differences, correlation of properties, management styles, subjective happiness marital status.

В последние годы наблюдается повышение интереса к проблемам гендерных особенностей различных видов деятельности, в том числе в управленческой деятельности. Появилось большое количество исследований, посвященных гендерным особенностям, как в частной жизни, так и в различных видах деятельности. Авторы рассматривают проблему гендера с разных точек зрения. Результаты не однозначны: в одних случаях выделяются различия женщин и мужчин чуть ли не как жителей разных планет, а в других (преимущественно феминистически ориентированных) подчеркивается их психологическое сходство. (Берн 2006, Лиджиева 2007, Феминизм и гендерные исследования. 1999).

Цель данной работы состояла в исследовании комплекса гендерных психологических особенностей, проявляющихся в двух важных сферах современной жизни: стиле управленческой деятельности и субъективном оценивании семейного счастья. Эмпирическое исследование состояло из двух частей. В первой части приняли участие 30 респондентов, руководителей подразделений финансовых организаций; из них 15 мужчин и 15 женщин, возраст испытуемых от 28 до 40 лет, образование - высшее профессиональное.

Социально-психологические особенности руководителей женщин и мужчин были исследованы с помощью следующих методик (Практическая психодиагностика 2009): «методики выявления коммуникативных и организаторских способностей» (КОС-2, направлена на определение степени сформированности организаторских и коммуникативных склонностей); опросника "Уровень субъективного контроля" (УСК, описывающей то, в какой степени человек ощущает себя активным субъектом или пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств); «Методики Маскулинность - Фемининность» (МИФ, позволяет установить индивидуальную степень выраженности и субъективной оценки этих черт); опросника Блейка-Мутона (анализирует две составляющие стиля управления:

«Ориентация на задачу» и «Ориентация на персонал».); опросника «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» SACS (по С. Хобфоллу, отражает степень предпочтения той или иной модели поведения в сложной (стрессогенной) ситуации). Таким образом, комплекс методик позволяет рассматривать целостную систему полового самосознания.

Во второй части исследования общее количество опрошенных составило 32 человека в возрасте от 20 до 35 лет с незаконченным или законченным высшим образованием разных специальностей. Из них восемь мужчин женатых и восемь не женатых, а также по восемь женщин замужем не замужем. Были использованы следующие психологические методики: обновленный Оксфордский опросник счастья (ООС- измерение субъективного ощущения счастья в целом); тест Смыслоразнонаправленные ориентации в адаптации Д.А.Леонтьева (СЖО - изучение смыслоразнонаправленных ориентаций личности, составляющих основу образа Я); (Леонтьев, 2000); опросник самооотношения В.В.Столина и С.Р.Панталева (позволяет выявить содержания «Я-образа», три уровня самооотношения, отличающихся по степени обобщенности); (Панталева,1991, Столин 1983).

Все результаты анализировали как качественно, так и количественно, выявляли статистически значимые различия между группами и корреляции показателей разных тестов с помощью программы статистической обработки данных STADIA.

В первой части исследования по всем методикам не было выявлено статистически значимых различий между выраженностью тех или иных психологических свойств между мужчинами и женщинами. Руководители, независимо от пола, стремятся находить баланс производственной эффективности и морального климата в коллективе и так построить работу, чтобы сотрудники видели в ней возможности самореализации и подтверждения собственной значимости.

Корреляции же между показателями опросников, которые могут отражать взаимосвязи между чертами личности, у мужчин и женщин существенно различались. У мужчин ориентация на персонал в управлении коррелирует с коммуникативными способностями, склонностью к агрессивным действиям в сложных ситуациях и уровнем УСК неудач, а ориентация на задачу с организационными способностями, стратегией избегания стрессовых ситуаций и общим УСК. У женщин же ориентация на персонал в управлении коррелирует с маскулинностью и УСК в производственных отношениях, а ориентация на задачу с коммуникативными способностями, поиском социальной поддержки для выхода из сложной ситуации, а также УСК общим и неудач.

Из этого видно, что ставя перед собой сходные задачи, женщины и мужчины руководители строят свое поведение совершенно по-разному. Так, «делая ставку» на персонал мужчины предают большое значение общению и напористым агрессивным действиям, а также ищут в своих

ошибках причины неудач. А производственные задачи стремятся решать с помощью организационных мер и контроля. Женщины в аналогичной ситуации стараются «вести себя по-мужски и контролировать производственные отношения, а «делая ставку» на задачу они придают большое значение социальным факторам: общению, поддержке, а также общему контролю.

Коммуникативные и организационные способности коррелируют между собой у всех наших испытуемых. Но у мужчин они вместе коррелируют еще и с маскулинностью. У них коммуникативные способности и связанные с ними способы преодолевающего поведения – поиск социальной поддержки и вступление в социальные контакты, имеют наибольшее количество связей с другими свойствами, прежде всего с другими стратегиями преодоления: ассоциальными, осторожными и манипулятивными, а также с УСК в межличностных отношениях. Организационные способности связаны с ориентацией на задачу в управлении, а также со стратегиями преодоления проблем через ассоциальное поведение или избегание стрессов.

У женщин коммуникативные способности явно проявляются при ориентации управления на задачу и коррелируют со стратегией преодоления с помощью уверенных независимых действий. Организационные же способности, так же, как у мужчин, коррелируют со стратегиями преодоления через ассоциальные действия и избегание стрессов, а также через манипулирование. Эти стратегии коррелируют между собой и с уровнем субъективного контроля. Стратегии преодоления трудностей через вступление в социальные контакты и поиск поддержки связаны между собой (как и у мужчин), а также со стратегиями осторожных и импульсивных действий, но не коррелируют с коммуникативными способностями.

Таким образом, еще раз подтверждается, что мужчины и женщины решают сходные задачи совершенно разными способами, опираясь на разные принципы действия и по-разному используя свои способности. Действия и стратегии преодоления у мужчин во многом зависят от уровня развития у них коммуникативных и организационных способностей. Женщины в большей степени стремятся к контролю над разными сферами жизни и используют различные социальные (или ассоциальные) стратегии преодоления трудностей независимо от того, как развиты у них коммуникативные способности.

Как показала вторая часть исследования, по уровню субъективной оценки семейного счастья группы испытуемых статистически не различались. Эти оценки были относительно высокими и составляли в среднем 68,4-76,6 балла. По результатам других тестов значимых различий было не много. По тесту СЖО статистические различия между группами мужчин и женщин вне брака проявились не в абсолютных значениях показателей, а в их дисперсии, то есть в однородности групп.

Мужчины вне брака намного разнообразнее оценивают свои возможности, свой жизненный потенциал и свое «Я», любовь и симпатия в себе, а также уровень самоуверенности личности. Они различно распределяют и берут ответственность за свои поступки, по-разному оценивают свою вину. Женщины в не замужнем положении более «однородны» по всем показателям, более одинаково видят все процессы в собственной жизни. (Различия между дисперсиями в группах мужчин и женщин по критерию F статистически значимы $<0,001$).

По опроснику самоотношения В.В.Столина и С.Р.Пантилеева в группе мужчин и женщин в браке были выявлены различия лишь по двум шкалам: «Ожидаемое отношение от других» и «Самоинтерес». По шкале «Ожидаемое отношение от других» величина показателя у женщин в браке заметно выше (в среднем 91), чем у мужчин в том же семейном положении (в среднем 36). Это может говорить о том, что женщины в большей степени ожидают позитивного или негативного отношения к себе от окружающих людей, в отличие от мужчин.

Шкала «Самоинтерес» показывает аналогичную картину. Величина показателя у женщин в браке составила 92,5, в то время как у мужчин в том же семейном положении она составляет 46,13. Данные показатели могут свидетельствовать о том, что замужние женщины в большей степени интересуются собой, в отличие от мужчин в том же семейном положении. (Указанные различия между средними по T-критерию статистически значимы $p < 0,01$)

Во второй части исследования, т.е. в психологических особенностях самооценки и оценки семейного счастья корреляционные связи между результатами тестов у мужчин и женщин существенно различаются. У мужчин результат теста счастья связан с результатами других тестов. Особенно тесно — у неженатых мужчин. У них ощущение счастья прямо связано со всеми показателями СЖО, а также с самоуважением, самоуверенностью и самопониманием. У женатых мужчин таких корреляций меньше и они другие, ощущение счастья связано с осмысленностью жизни, самоотношением, самоуважением и аутосимпатией.

У женщин результаты теста счастья не связаны с результатами других тестов. Вообще связей между результатами тестов у женщин гораздо меньше, чем у мужчин, и эти связи не зависят от семейного положения.

Таким образом, и в деловой сфере, и в частной жизни основные различия между мужчинами и женщинами были выявлены не в выраженности тех или иных психологических особенностей, не в абсолютной величине показателей тестов, а в однородности групп и в системных, корреляционных связях между психологическими свойствами.

Литература

Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.

Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненных ориентаций. М.: Смысл, 2000.
Лиджиева Г.П. Гендерные различия и их влияние на формирование стратегии управления современным предприятием. Дисс... канд. психол. наук. М., 2007.

Пантилеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: МГУ, 1991г.

Практическая психодиагностика / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 2009.

Столин В.В. Самосознание личности. М.: МГУ, 1983.

Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия / под общ. ред. В.И. Успенской. Тверь, 1999.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОГРАММА КАК ИНСТРУМЕНТ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА

Речкалова К.Р.

Липецкий государственный технический университет, Россия

Статья посвящена проблеме разработки социальных программ. Рассмотрены основные понятия, направления и виды программ. Выявлена необходимость разработки социальных программ для мотивации персонала. На основе сопоставления разных видов программ выделена наиболее эффективная для мотивации персонала.

Ключевые слова: мотивация, социальная защита, льготы, гарантии, социальная программа.

SOCIAL PROGRAM AS AN INSTRUMENT OF MOTIVATION OF PERSONNEL

Rechkalova K.R.

Lipetsk State Technical University, Russia

The article is devoted to a problem of social programs development. Basic concepts, directions and types of programs are described. The necessity of social programs for motivation development for employees is revealed. The most effective program for the motivation of employees is identified on the basis of comparison of different program types.

Keywords: motivation, social protection, privileges, guarantees, social program.

Актуальность разработки и реализации социальной программы в организациях на современном этапе связывается с рядом причин. Во-первых:

организации обязаны предоставлять своим сотрудникам социальные гарантии, установленные законодательством.

Во-вторых: на рынке труда существует конкуренция за высококвалифицированные кадры. Правильно разработанная социальная программа организации может стать способом повышения привлекательности организации на рынке труда.

В-третьих: современный этап кадрового менеджмента представляет собой управление человеческими ресурсами, в рамках которого большое значение отводится мотивации персонала. Среди многочисленных систем мотивации со стороны организации особым образом можно выделить социальную программу.

Важность мотивации состоит в том, что каждый сотрудник оказывает прямое непосредственное воздействие на деятельность организации в целом. Работники могут способствовать развитию и процветанию организации, или, наоборот, быть серьезным препятствием этому.

Проблема состоит в разработке социальной программы как инструмента мотивации персонала. С одной стороны, программа должна удовлетворять нужды и потребности работников, тем самым повышать мотивацию и эффективность работы персонала. С другой стороны, необходимо найти способы предоставления социальных льгот с наименьшими для организации издержками.

В.В. Ситникова дает следующее определение социальной программе: «Социальная программа – это совокупность мероприятий объединенных общей целью, условиями их выполнения, разрабатываемых по определенной технологии и применяемых при решении различного рода социальных задач» (Ситникова, 2011, с.5). Социальные программы осуществляются в рамках социальной защиты населения.

В свою очередь, социальная защита населения – это совокупность социально-экономических мероприятий, проводимых государством и обществом, обеспечивающих предоставление оптимальных условий жизни, удовлетворение потребностей, поддержание жизнеобеспечения и деятельного существования личности и социальной группы, совокупность мер, преодолевающих последствия ситуаций риска в жизни граждан, комплекс мер по обеспечению гарантированного государством минимального уровня материальной поддержки социально уязвимых слоев населения в период экономических преобразований и связанного с этим снижения уровня жизни. (Савинов, 2003, с.92).

Разработка и внедрение социальных программ в организации обусловлено необходимостью предоставления работникам минимума социальных гарантий, в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации. (ТК РФ, 2016, ч. 3-4). Основным аргументом при разработке достойной социальной программы для многих является то, что организации,

предлагающие своим сотрудникам различные льготы, принято считать более надежными и стабильными.

С.Ю. Трапицын выделяет три направления социальной программы в организации. Первое направление – это развитие персонала, в него входит: а) обучение и профессиональное развитие, повышение квалификации; б) создание условий для отдыха и досуга, в том числе семейного; в) поддержание и оптимизация внутренних коммуникаций в организации; г) участие сотрудников в принятии управленческих решений.

Второе направление - это охрана здоровья и безопасные условия труда, включает в себя: а) поддержание санитарно-гигиенических условий труда, охрана труда и техника безопасности; б) создание эргономичных рабочих мест; в) медицинское обслуживание персонала на предприятии; г) поддержание материнства и детства.

Третье направление – это социально ответственная реструктуризация, которое состоит из: а) осуществления выплат по выходным пособиям; б) профессиональной переподготовки; в) содействия в трудоустройстве персонала; г) освещения предстоящих в компании структурных изменений. (Трапицын, 2007, с.163-174).

Все перечисленные направления социальных программ организации, проводятся в рамках стратегии развития и мотивации персонала, обеспечивают создание и поддержание норм охраны здоровья, условий безопасности на рабочих местах, а также призваны обеспечить проведение реструктуризации с учетом интересов сотрудников организации.

Разработка достойной социальной программы является одной из сложных задач организации. Для правильного составления социальной программы необходимо определить приоритетные направления. Исследования в этой области проводились

Ассоциацией менеджеров в 2003 году, в ходе которых были выявлены наиболее приоритетные направления добровольно осуществляемых организациями социальных программ. Такими являются охрана здоровья и безопасные условия труда (8,88 балла из 10) и развитие персонала (8,83 балла из 10). (Коновалова, 2003, с.54).

Проанализируем социальные программы на примере организаций со схожим видом деятельности, но с разными видами данных программ. Для примера были взяты программы Липецкого государственного технического университета (ЛГТУ) и Тюменского государственного нефтегазового университета (ТюмГНГУ). Обе программы разработаны в рамках Коллективных договоров, при этом в ЛГТУ социальная программа является унифицированной для всех работников, в то время как в ТюмГНГУ имеет место частично унифицированная и гибкая социальная программа. (ЛГТУ, 2013; ТюмГНГУ, 2016) При этом, главное отличие программ в том, что при гибкой социальной системе работник выбирает только один из нескольких наборов.

Таблица. Сопоставление пунктов социальных программ ЛГТУ и ТЮМГНГУ

Унифицированные пункты в обоих ВУЗах	Унифицированные пункты в ЛГТУ	Вариативные наборы в ТюмГНГУ
Материальная помощь: 1)смерть работника; 2)смерть близкого родственника работника; 3)юбилей; 4)рождение ребенка 5)увольнение в связи с выходом на пенсию.	Оплата за платные образовательные услуги работникам и их детям (студентам, аспирантам, слушателям) в зависимости от стажа работы.	Добровольное медицинское страхование.
Организация и проведение новогодних елок для детей работников и комплектация подарками.	Предоставление жилой площади при улучшении жилищных условий сотрудников.	Частичная компенсация расходов: 1) на санаторно-курортное лечение; 2) на приобретение авиа и железнодорожных билетов до места отпуска работника и его близких родственников; 3) на образовательные услуги 4) на проезд к месту работы на общественном транспорте
Бесплатное пользование бассейном и спортивными залами, принадлежащих ВУЗу	Материальная помощь по обеспечению лечения и отдыха сотрудников и их детей в лечебно-оздоровительных учреждениях	
Содействие в получении ипотечного кредитования		

Программы ЛГТУ и ТюмГНГУ, вне зависимости от аналогичной специфики деятельности, имеют как схожие, так и отличительные пункты. Это обусловлено тем, что конкретные наборы социальных гарантий и льгот больше варьируются в зависимости от контингента персонала, нежели от особенности деятельности. Выявление конкретных предпочтений работников, необходимых для разработки программы, осуществляется либо в виде переговоров руководства с персоналом, либо путем разработки специальных анкет или опросников. В ходе сопоставления программа Тюменского нефтегазового университета представляется более эффективной, так как более полно учитывает индивидуальные потребности работников, тем самым повышает удовлетворенность работой и лояльность к организации. Гибкая социальная программа фиксирована по финансам, при этом виды льгот не ограничены и разнообразны. Программа имеет минусы в рамках

дополнительных работ по ее разработке и созданию, влечет дополнительные расходы, но в рамках мотивации имеет лучший результат, чем классический унифицированный вариант.

Организации составляют социальные программы, чтобы удовлетворить нужды и потребности своих работников, тем самым максимально увеличить их мотивацию и эффективность труда. При этом выбор варианта создания программы будет зависеть как от персонала организации и специфики деятельности, так от финансовых и управленческих возможностей этой организации.

Литература

Коллективный договор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Липецкий государственный технический университет». Липецк: ЛГТУ, 2013.

Коновалова Л.Н., Корсаков М.И., Якимец В.Н. Управление социальными программами компании / под ред. С.Е. Литовченко. М.: Ассоциация менеджеров, 2003.

Савинов А.Н. Организация работы органов социального обеспечения. М.: Форум-Инфра-М, 2003.

Ситникова В.В. Технология разработки социальных программ. Благовещенск: АмГУ, 2011.

Социальная программа Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тюменский государственный нефтегазовый университет». Тюмень: ТюмГНГУ, 2016.

Трапцын С.Ю. Мотивация персонала в современной организации. Санкт-Петербург, 2007.

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 10.01.2016) (Ч. 3,4).

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕТЕВОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ, КАК ИСТОЧНИКА ПОРОЖДЕНИЯ НОВЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Романов И.В.

**Московский филиал ОАО «КБ «Связь», Россия
Ивановский государственный университет, Россия
При поддержке РГНФ, грант 14-06-00457**

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с анализом становления и развития сетевых информационных систем. Сетевая информационная среда является основой для проведения современных научно-исследовательских работ практически во всех областях знаний, в ча-

стности, в области психологических исследований. Именно от квалифицированного взаимодействия с сетевой информационной средой, как информационно-инновационной семиосферой, зависит современный этап развития и порождения новых психологических знаний.

Ключевые слова: информационная среда, инновационные технологии, информационно-инновационная семиосфера, синергия и целостность сетевых информационных систем.

A STUDY OF NETWORK INFORMATION ENVIRONMENT FEATURES AS A SOURCE OF NEW PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE GENERATION

Romanov I. V.

Moscow branch JSC «KB «SVYAZ», Russia
Ivanovo State University, Russia

This article is devoted to questions of formation and development of network information systems analysis. A network information environment is a basis for conduction of scientific research almost in all fields of knowledge in particular in the field of psychological research. The modern stage of development and generation of new psychological knowledge depends on a qualified interaction with network information environment as information innovative semiosphere.

Keywords: information environment, innovative technologies, information innovative semiosphere, network information systems integrity.

Современные условия проведения психологических исследований диктуют новые правила взаимодействия при проведении научно-исследовательских работ, в частности, исследований с привлечением информационно-инновационных технологий. При рассмотрении информационной среды как сложной, большой системы, правомерным является обращение к категориям синергии. В научно-исследовательской реальности сегодняшнего дня, при проведении психологических исследований, все более обоснованными и актуальными становятся механизмы и технологии изучения самоорганизации сложных, нелинейных процессов. Более интенсивным становится поиск и применение новых научных методов, видное место среди которых занимает синергетический подход. Как отмечает Е.Н. Князева, специфика этого подхода «состоит в переходе от исследования простых систем к сложным, от закрытых к открытым, от линейности к нелинейности, от рассмотрения равновесия и процессов вблизи равновесия <...> к нестабильности, изучению того, что происходит вдали от равновесия» (Князева, Курдюмов, 2014). Развитие сетевой информационной среды, сетевой информационно-инновационной семиосферы, рассматривается

синергетикой как нелинейный процесс, где периоды относительно стабильного развития сменяются точками бифуркации, где возникает ряд инновационных альтернатив. Как отмечают исследователи, последующая эволюция систем, во время прохождения точек бифуркации, в значительной мере определяется случайными факторами и может быть описана через состояния неопределенности.

Проблема связи единства и многообразия элементов сетевой информационной среды является одной из ключевых и может быть рассмотрена как проблема целостности. Под целостностью понимается обобщенная характеристика объектов, обладающих сложной внутренней структурой. Это понятие выражает их интеграцию и в то же время автономию, а также противопоставленность окружению, связанную с их внутренней активностью. Оно характеризует их качественное своеобразие, обусловленное присущими им специфическими закономерностями функционирования и развития. По характеру связи частей различных систем А.Г. Спиркин выделяет три типа целостности: «Первый тип – неорганизованная (или суммативная) целостность, например простое скопление предметов <...>. В неорганизованном целом связь частей носит механический характер. Свойства такого целого совпадают с суммой свойств составляющих его частей. При этом, когда предметы входят в состав неорганизованного целого или выходят из него, они не претерпевают качественных изменений. Второй тип целостности – организованная целостность <...>. Организованное целое обладает разным уровнем упорядоченности в зависимости от особенностей составляющих его частей и от характера связи между ними. В организованном целом составляющие его элементы находятся в относительно устойчивой и закономерной взаимосвязи. Свойства организованного целого нельзя свести к механической сумме свойств его частей. Третий тип целостности – органическая целостность <...>. Это высший тип организованной целостности. Ее характерные особенности – саморазвитие и самовоспроизведение частей. Части органического целого вне целого не только теряют ряд своих значимых свойств, но и вообще не могут существовать в данной качественной определенности» (Спиркин, 2006). Существует и иной подход к проблеме целостности предполагающий различие трех видов связей (строения, функционирования и развития). Он позволяет выделить структурный, функциональный и генетический типы целостности. Первый определяется единой структурой соотношений между элементами или частями целого, второй – взаимосвязью многообразных функций, выполняемых различными элементами системы, третий – наличием порождающего элемента или структуры.

Как отмечает А. Хускивадзе: «отрешаясь от специфической природы систем, синергетика, как и теория целостности, обретает способность описывать эволюцию систем на интернациональном языке, одинаково доступном исследователям из различных областей знания. В теории целостности

в качестве такого языка служит язык, использующий понятийный аппарат математической статистики и теории множеств. Сегодня этот понятийный аппарат одинаково доступен ученым всех без исключения областей знания (Хускивадзе, 2014).

Отличительной чертой инновационных процессов при рассмотрении сетевой информационной среды, как источника порождения новых психологических знаний в парадигме целостных систем является свободная диффузия инновационных идей и проектов. Внутренние границы информационной среды являются достаточно условными, что способствует максимальному сокращению инновационных временных циклов по приоритетным направлениям научно-исследовательских работ, в частности, исследований в области психологии. По мнению, выраженному в работе И. Алешиной, «открытые инновации – закономерное явление глобализующихся динамичных и высококонкурентных рынков товаров, услуг, идей. Открытые инновации сегодня пересекают границы компаний, стран и континентов, представляя собой кросскультурный процесс» (Алешина, 2006).

Подводя некоторый итог рассмотрения инновационных процессов и технологий при проведении научно-исследовательских работ в современной информационной среде, можно сформулировать некоторые выводы. Инновационные процессы и технологии, протекающие и используемые при порождении новых психологических знаний – связывают в рамках научно-исследовательской деятельности субъектов и информационные ресурсы в интересах решения различных исследовательских задач. Для них характерны наукоемкость, комплексный междисциплинарный характер, направленность на достижение конкретного результата, оптимизация использования ресурсов. Овладение современными инновационно-информационными технологиями превращается в современном мире в один из основных факторов проведения успешных научно-исследовательских работ, в частности, в области психологии предъявляя новые требования субъектам занимающихся их разработкой и применением. Инновационная направленность, при проведении научно-исследовательских работ, требует от исследователей умения создавать, в информационной среде, условия для согласованного междисциплинарного взаимодействия высококвалифицированных специалистов.

Ключевой тенденцией применения инновационных технологий является формирование в условиях современной информационной среды эффективных механизмов коллективного мышления, направленных, прежде всего, на порождение новых психологических знаний, которые не могли быть созданы отдельными специалистами вне области высокотехнологичной сетевой информационной среды. Реалии современных научно-исследовательских работ со всей очевидностью отражают тот факт, что ни одна область психологических исследований не сможет эффективно развиваться, обходясь лишь собственными силами, отказавшись от эффектив-

ных технологических обменов и использования инновационных технологий сетевой информационной среды, как источника порождения новых психологических знаний. Как отмечает А.В. Андрейчиков: «Знания специалистов, занимающихся разработкой инноваций, могут быть интегрированы, формализованы и использованы в интеллектуальных информационных системах для получения новых эффективных решений, как в текущий момент времени, так и в обозримом будущем. При этом уменьшается вероятность потери уникальных знаний специалистов с течением времени и обеспечивается возможность их многократного использования в будущем для решения широкого спектра аналогичных задач» (Андрейчиков, Андрейчикова, 2015).

Отличительной чертой порождения психологических знаний в сетевой информационной среде является факторы неоднозначности исходных данных. Искомая информация, чаще всего, рассредоточена в информационной среде и характеризуются неоднозначностью, неточностью, противоречивостью. Учитывая, что научно-исследовательские проблемы в области психологии априорно сложно формализуемы и зачастую не могут быть представлены в числовой форме – возникают трудности с выражением целей исследований с помощью четко определенных целевых функций и, как следствие, не существует однозначно алгоритмического решения исследовательских задач. Алгоритмическое решение задачи, конечно, существует, но его нельзя использовать по причине большой размерности пространства решений и ограничений на ресурсы (времени, памяти). Все вышеуказанные факторы являются специфичными и находят оптимальное решение с использованием интеллектуальных информационных систем, систем искусственного интеллекта. Главным отличием этих систем, от систем классической обработки данных является то, что в них используется символьный, а не числовой способ представления данных, а в качестве методов обработки информации применяются процедуры логического вывода и эвристического поиска решений.

Одной из функций информационной среды в контексте решения сложно-формализуемых научно-исследовательских задач в области психологии является обеспечение сетевой информационной поддержки исследователей. Сетевая информационная среда позволяет осуществлять связи с удаленными информационными центрами и базами данных, выполнять поиск и отбор инновационных проектов и наукоемкой продукции, самостоятельно осуществляющим исследования и разработки, приходится готовить и принимать разнообразные решения, для обоснования которых требуются различные данные о состоянии внешней среды в области проводимых научно-исследовательских работ.

Глобализация и информатизация оказывают значительное влияние на развитие научно-исследовательской среды. Современная глобальная информационно-коммуникационная система повлияла на многие сферы

научно-исследовательской работ, в частности, появились новые условия для научного обмена, взаимодействия исследовательских групп, межличностного общения. Это приводит к стиранию пространственных, временных, социальных, языковых и иных барьеров, а в мире развивается единое сетевое научно-исследовательское информационное пространство. Формирующееся сетевое информационное пространство оказывает значительное влияние на различные сферы научно-исследовательской деятельности и на каждого из ее участников. «Именно таким путем рождается возможность включения в индивидуальный тезаурус личности и в ее деятельность любых достижений науки, техники, социальной мысли, искусства, культуры в самом общем смысле» (Клачков, Подъяпольский, 2014).

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что использование постоянно возрастающих объемов и инструментальных возможностей сетевых информационных систем будет неуклонно возрастать и сейчас, при планировании и проведении научно-исследовательских работ в области психологии необходимо учитывать эти тенденции.

Литература

Алешина И. Открытые инновации: кросскультурные факторы в условиях глобализации. М., 2006.

Андрейчиков А.В., Андрейчикова О.Н. Системный анализ и синтез стратегических решений в инноватике: Математические, эвристические и интеллектуальные методы системного анализа и синтеза инноваций: М.: ЛЕНАНД, 2015.

Клачков П.В., Подъяпольский С.А. Гуманитарные технологии и целостность государства. М.: ЛЕНАНД, 2014.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: Человек, конструирующий себя и свое будущее. Синергетика: от прошлого к будущему. №21. М.: URSS, 2014.

Спиркин А.Г. Философия. М.: ГАРДАРИКИ, 2006.

Хускивадзе А. Теория целостности. Принятие решений в больших - сложных – системах. LAP Lambert Academic Publishing, 2014.

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВЫХ СИСТЕМ ОСУЖДЕННЫХ, ПОЛУЧАЮЩИХ ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Салахова В.Б.

Ульяновский государственный университет, Россия

Статья выполнена в рамках проект РГНФ № 15-36-01329

В статье представлены результаты эмпирического исследования ценностно-смысловой сферы осужденных, получающих высшее профессиональное образование в период отбывания наказания. Осуществлен сравнительный анализ смысловых систем осужденных через их отражение в

индивидуальном мировоззрении. Дана характеристика динамических смысловых систем сознания осужденных.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера, предельные смыслы, система личностных смыслов, мировоззрение, личность осужденного.

FEATURES OF SEMANTIC SYSTEM CONVICTION SHALL BE OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION

Salakhova V.B.

Ulyanovsk State University, Russia

This paper presents the results of an empirical study of value-semantic sphere of convicts receiving higher professional on-formation of the period of serving the sentence. The comparative analysis of meaning systems condemned by their reflection in the individual outlook. The characteristic of dynamic semantic systems convicted of consciousness.

Keywords: value-sense sphere, ultimate meaning, the system of personal senses, outlook, personality of the convict.

Мировоззрение личности представляет собой проекцию ее глубинной смысловой структуры. Во-первых, мировоззрение это форма синтеза, взаимопроникновения познания реальности и ее осмысления, оно пропитано смыслом, воспроизводит явления действительности, прежде всего в их не объективных, а смысловых связях. Во-вторых, отличительной чертой мировоззрения является его претензия «выражать общечеловеческую точку зрения и позицию. Это значит, что в важнейших смысложизненных (а стало быть, и мировоззренческих вопросах) любой... субъект мировоззрения склонен обосновывать свою позицию как всеобщее требование, вытекающие из сущности человека или мирового порядка вещей» (Леонтьев, 2003, с. 69).

Тем самым формулирование мировоззренческих представлений подразумевает генерализованный характер высказываний. Генерализацию (обобщенное суждение) можно рассматривать как единицу анализа мировоззрения и одновременно как критерий отличия мировоззренческих суждений. Благодаря этой особенности мировоззрения, мы вправе ожидать, что его содержание будет в меньшей степени подвержено искажающему влиянию психологических защит, чем содержание Я-концепции, поскольку защита обеспечивается самой формой, которую те или иные смысловые ориентации приобретают, формируясь как мировоззренческие постулаты, как суждения о мироустройстве, о порядке вещей. Мировоззренческие генерализации в результате оказываются чрезвычайно проективными, отражающими достаточно глубокие и интимные ценностно-смысловые ориентации личности. Например, за мировоззренческим убеждением, что любой

человек украдет чужое, если будет исключен риск разоблачения, отчетливо просматривается отсутствие внутренних преград нравственного характера и т.д. Тем самым мировоззрение оказывается не только интересным объектом психологического изучения, но и перспективным способом косвенной диагностики глубинных личностных структур.

Мы исходим из предположения о том, что мировоззренческие структуры, в частности, выявляемые с помощью методики предельных смыслов, являются проекцией в плоскость сознания (образа мира) динамических смысловых систем, образующих содержательно-смысловой уровень структуры личности. В целях изучения смысловых систем через их отражение в индивидуальном мировоззрении нами была использована методика предельных смыслов (МПС) Леонтьева Д.А., Бузина В.Н. С нашей точки зрения, данная методика несет в себе достаточно высокую информативную нагрузку в контексте нашего исследования, поскольку индивидуальная оценка в формулируемых испытуемыми мировоззренческих представлениях расширена до масштаба всеобщей значимости, что подразумевает их как проекции глубинной смысловой структуры личности. В этой связи мы можем говорить о проективном характере мировоззренческих генерализаций, отражающих достаточно глубокие и интимные ценностно-смысловые ориентации личности. Данная особенность мировоззрения позволяет нам предполагать минимальную степень искажающего влияния психических защит. Обобщенное суждение предполагает анализ его как единицы анализа мировоззрения. В то же время обобщенное суждение представляет собой критерий отличия мировоззренческих суждений.

Перспективность и адекватность косвенной диагностики глубинных личностных структур, по нашему мнению, связана еще и с тем, что мировоззренческие структуры являются проекцией в плоскость сознания динамических смысловых структур, образующих содержательно-смысловой уровень структуры личности (Леонтьев, 2003). Кроме того, устойчивость индивидуальных смысловых структур во времени, определяет в качестве основы индивидуальной структуры смысловых связей своеобразную канву, на которую накладываются ситуативные, вновь возникшие, либо ранее не осознаваемые смыслы.

Обработка данных по МПС проводилась посредством структурного анализа, содержательного анализа и проективного анализа. Структурный анализ, направленный на выявление индивидуальных особенностей структуры смысловой цепи осуществлялся нами посредством таких количественных индикаторов, как абсолютное число предельных категорий (Т (ПК)), абсолютное число узловых категорий (N (УК)), индекс связности полученной структуры (И Св.), абсолютное число всех сформулированных испытуемым неповторяющихся категорий, средняя длина цепей (С.д.ц.) и продуктивность, определяемая как отношение общего абсолютного числа названных испытуемым неповторяющихся категорий к числу исходных

категорий. Структурные индикаторы в совокупности отражают степень зрелости и развитости индивидуального мировоззрения (Леонтьев, 2003). Соответственно, чем более сформулировано мировоззрение, тем больше узловых категорий, а в итоге больше связность, средняя длина цепи и продуктивность. Содержательный анализ осуществлялся с целью выявления сравнительной частоты встречаемости в протоколах тех или иных типов категорий. В соответствии с тремя специфическими типами категорий, авторами методики выделены три содержательных количественных индикатора:

- индекс децентрации (ИД) определяемый как удельный вес в индивидуальном протоколе категорий, субъектом действия в которых выступают другие люди. ИД позволяет увидеть в какой степени для субъекта собственное «Я» выступает абсолютным смысловым центром мира;

- индекс рефлексивности определяемый как удельный вес категорий, описывающих не практические действия, а психическое отражение, те или иные акты сознания в широком смысле слова, как собственно интеллектуально-рефлексивные (знать, понимать и т.п.), так и непосредственно-чувственные (ощущать, помнить и т.п.). Присутствие последних указывает на развитость внутреннего мира, осознание собственного ментального функционирования, в случае отсутствия категории такого рода, с точки зрения Д.А. Леонтьева и В.Н. Бузина речь идет о нарушении регуляторных функций сознания по отношению к практической деятельности;

- индекс негативности (ИН) определяется как удельный вес категорий, выражающих прямое отрицание в грамматической форме («не бояться», «не быть одиноким» и т.д.). С точки зрения Д.А. Леонтьева, ИН отражает гомеостатическую ориентацию личности, выражает паттерн защитного поведения, проявления склонности к ограничению всякой активности, не вызванной ситуативной необходимостью.

Проективный анализ данных методики предельных смыслов представляет собой содержательную интерпретацию полученных смысловых цепей и структур с точки зрения отражения в них глубинных личностных особенностей смысловой сферы испытуемых.

Мы использовали методику предельных смыслов, в частности проективный анализ, для выявления смысловых систем мировоззрения личности осужденного в исправительном учреждении в контексте его ресоциализации. На основании качественного анализа предельных смыслов и выявления доминирующей в высказываниях потребности каждого интервьюированного, нами были определены стратегии поведения осужденного в системе ИУ. Ответы испытуемых на вопросы (общая направленность высказываний) анализировались нами в соответствии с типами направленности личности осужденного по В.Г. Дееву и А.И. Ушатикову (Деев, Ушатиков, 1978):

- осужденные с положительной направленностью, отличающиеся различной степенью социально-позитивной активности (активные и пассивные);

- осужденные с неопределенной (нейтральной) направленностью, неустоявшимися ценностями и несформировавшимся внутригрупповым «кодексом»;

- осужденные с отрицательной направленностью, которая может быть как открытой, так и скрытой.

Вместе с тем, наряду с типами направленности личности по В.Г. Дееву и А.И. Ушатикову, в целях содержательного анализа, нами также была использована типология групп осужденных, выделенная В.В. Яковлевым (Яковлев, 1971). Автор утверждает, что особенности ценностно-смысловой сферы личности во многом детерминируют процесс ресоциализации осужденных. Следовательно, изучение этих особенностей дает возможность установить принадлежность осужденного к одной из выделенных им групп: с благоприятной тенденцией к ресоциализации; с неопределенной тенденцией к ресоциализации; с неблагоприятной тенденцией к ресоциализации. Таким образом, полученные данные по методике предельных смыслов анализировались нами с учетом типов направленности личности осужденного В.Г. Дееву и А.И. Ушатикову и с учетом типологии В.В. Яковлева.

Стратегия поведения 1 - осужденные положительной направленности, с благоприятной тенденцией к ресоциализации;

Стратегия поведения 2 - осужденные неопределенной (нейтральной) направленности, с неопределенной тенденцией к ресоциализации;

Стратегия поведения 3 – осужденные отрицательной направленности, с неблагоприятной тенденцией к ресоциализации.

Результаты содержательного, структурного и проективного анализа были занесены в общую матрицу для дальнейшей математико-статистической обработки данных. В качестве критерия для установления статистической значимости различий нами использовался U – Критерий Манна-Уитни для непараметрических выборок.

Первичная обработка данных позволила определить основные тенденции в структуре потребностно-мотивационной сферы осужденных групп ООс и НООс (рис.).

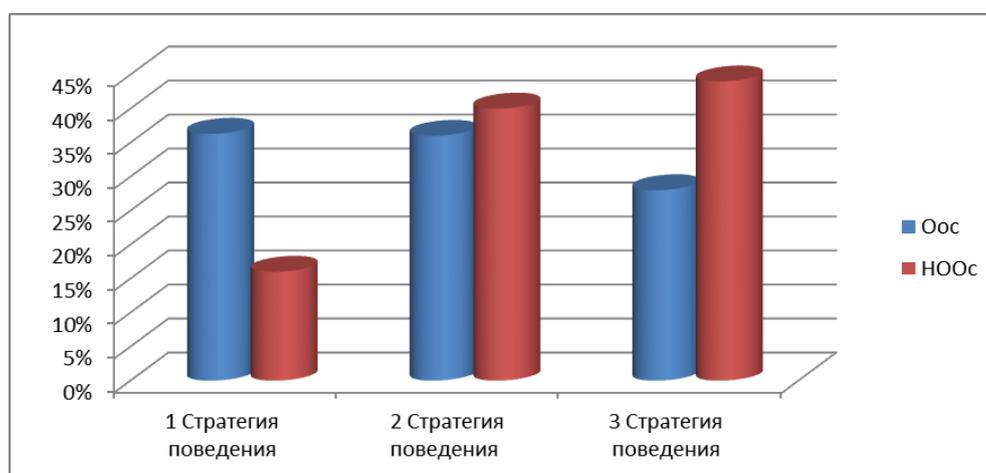

Рисунок. Стратегии поведения осужденных в исправительном учреждении

Полученные результаты свидетельствуют о том, что процент осужденных с положительной направленностью и с благоприятной тенденцией к ресоциализации наблюдается в группе ООс, тогда как в группе НООс данный показатель значительно ниже. Количество предельных категорий представлено небольшим диапазоном, однако в группе ООс, оно также превышает показатель группы НООс ($u = -5,550$; при $p \leq 0,001$). Так, в группе обучающихся сформулировано в среднем более трех предельных категорий, а в группе не обучающихся осужденных не более двух. Количество узловых категорий так же имеет различный диапазон ($u = -5,688$; при $p \leq 0,001$) (табл.).

Таблица. Распределение значений количества категорий

Количество категорий	Предельные категории ООс	Предельные категории НООс	Узловые категории ООс	Узловые категории НООс
1	0%	33%	0%	0%
2	10%	46%	0%	7%
3	26%	14%	3%	50%
4	47%	7%	20%	36%
5	17%	0%	33%	7%
6	0%	0%	31%	0%
7	0%	0%	13%	0%

Из приведенных данных следует, что для группы обучающихся осужденных в большей степени характерно максимальное количество категорий, тогда как в группе НООс наблюдается минимальное их количество ($u = -3,648$; при $p \leq 0,001$).

Следующим этапом при обработке данных явилось выделение индекса децентрации, индекса рефлексивности и индекса негативности.

- Индекс децентрации (степень значимости собственного Я, как абсолютного смыслового центра мира): ООс - 14%, НООс - 9,03%;

- Индекс рефлексивности (категории, описывающие преобладание психического отражения, над практическими действиями): ООс - 18,4%, НООс - 21,36%;

- Индекс негативности (гомеостатическая ориентация личности): ООс - 19%, НООс - 19,9%.

Полученные данные свидетельствуют о том, что у обучающихся осужденных преобладает индекс негативности, что свидетельствует о максимальной степени выраженности гомеостатической ориентации в данной группе. У не обучающихся осужденных доминирует индекс рефлексивности, что указывает в свою очередь на чрезмерную интеллектуализацию действия, задержку на стадии планирования и обдумывания и наличие трудностей в переходе от замысла к воплощению.

Таким образом, сравнительный анализ двух групп осужденных позволяет дать им следующую характеристику. В группе ООс в целом мировоззрение осужденных, ориентирующихся в своих смысложизненных уст-

ремлениях на саморазвитие, отличается наибольшей структурированностью и связностью, такие испытуемые более продуктивны в нахождении промежуточных смыслов своих действий, им свойственна активная и про-социальная мировоззренческая позиция. Ориентация на семейные ценности сочетается с гомеостатической моделью поведения (с боязнью перемен). В группе НООс мировоззрение осужденных менее структурировано, наблюдается преобладание рефлексивных процессов над практической деятельностью. У не обучающихся осужденных ограничен перечень предельных смыслов, которым подчиняется жизнедеятельность, а также узловых смыслов. Наглядно это проявляется в том, что структура мировоззрения представляет собой ряд отдельных, не связанных друг с другом, смысловых цепочек, количество которых весьма ограничено (Салахова, 2015).

Литература

Деев В.Г. Психологическая направленность несовершеннолетних осужденных. Рязань: РВШ МВД СССР, 1978.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.

Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы: о психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. М.: ИНФРА-М, 2007.

Салахова В.Б. Особенности ценностно-смысловой сферы осужденных, получающих высшее профессиональное образование. Ульяновск: УлГУ, 2015.

Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. М.: Юридич. литература, 1971.

ВНУТРЕННИЕ РЕГУЛЯТОРЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СУБЪЕКТОМ И ОБЪЕКТОМ УПРАВЛЕНИЯ

Селезнева Е.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

В работе представлены результаты исследований внутренних регуляторов отношений между субъектом и объектом управления. Показано, что в качестве таких регуляторов для субъекта управления выступает мотивация власти, а для объекта управления – мотивация подчинения. Выявлены взаимосвязи мотивации власти с мотивацией достижения, уважения, одобрения, аффилиации, безопасности. Установлено, что большинство источников мотивации власти одновременно являются источниками мотивации подчинения. Проанализирована относительная эффективность разных мотивов подчинения.

Ключевые слова: субъект управления, объект управления, отношения власти, мотивация власти, мотивация подчинения.

INTERNAL REGULATORS OF THE RELATIONS BETWEEN SUBJECTS AND OBJECT OF MANAGEMENT

Selezneva E.V.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow

In the paper the results of researches of internal regulators of the relations between the subject and the object of management are presented. It is shown that such regulators for the subject of management is motivation of power, and for object of management - motivation of submission. Interrelations of motivation of the power and motivation of achievement, respect, approval, an affiliation, safety are revealed. It is established that the majority of sources of motivation of the power at the same time are sources of motivation of submission. Relative efficiency of different motives of submission is analysed.

Keywords: subject of management, object of management, relation of the power, motivation of the power, motivation of submission.

Отношения между субъектом и объектом управления как отношения власти имеют не только внешние источники и регуляторы (особенности сферы деятельности, правовые и корпоративные нормы и т.п.), но и внутреннее: потребности, личностные идеалы, ценности и ценностные ориентации, жизненные цели, социокультурные нормы. Осознавая внешние цели своей активности в отношениях власти, их участники руководствуются не только этими целями, но и своими интересами, желаниями, стремлениями, влечениями, в которых проявляются их действительные потребности, идеалы, ценности и цели. Эти внутренние, относительно устойчивые образования и побуждают их к действиям, вызывают поступки, приводят к определенным результатам, то есть выступают как мотивы этих отношений.

Во взаимодействии внутренних мотивов и внешних источников и регуляторов отношений между субъектом и объектом управления формируется их мотивация. При этом для субъекта управления эта мотивация действует как мотивация власти, а для объекта управления – как мотивация подчинения. Мотивация власти влияет на характер и специфику деятельности субъекта управления, определяя его жизненную, профессиональную и управленческую стратегии (Емельяненко, 2001).

С процессуальной стороны мотивацию власти следует рассматривать как: 1) целенаправленную мобилизацию внутренних и внешних ресурсов личности, направленную на достижение желаемого результата и ощущения собственной эффективности и личной влиятельности; 2) амбивалент-

ную систему стремления и избегания возможностей контроля над окружающей действительностью.

Мотивация власти может быть выражением: а) намерения овладеть источниками власти как средствами удовлетворения различных потребностей и желаний; б) желания властвовать ради самой власти, то есть доминировать над другими и/или ограничивать действия других; в) стремления к тому, чтобы другие не доминировали и/или не вмешивались в дела.

Кроме этого, мотивация власти может быть: усилена другими видами мотивации; инструментальной по отношению к ним; вступать с ними в конфликт; компенсировать их отсутствие.

По отношению к мотивации достижения (самореализации) мотивация власти выступает как: инструментальная, когда достичь какой-либо социально и лично значимой цели можно только через организацию групповой деятельности и управление группой несмотря на высокую ответственность, а значит, - напряжение и тревогу; компенсаторная, когда невозможность достичь успехов в какой-либо предметной области восполняется возможностью подчинять себе людей, решающих предметные задачи, и тем самым управлять их достижениями.

В то же время мотивация достижения по отношению к мотивации власти может быть: инструментальной, когда успехи в решении предметных задач приводят к повышению авторитета, а, следовательно, к расширению власти; компенсаторной, когда процесс решения предметных задач и возможный успех в этом не требует «подключения» других членов группы.

По отношению к мотивации уважения мотивация власти выступает как: инструментальная, когда решения субъекта управления и полученные в ходе их реализации результаты способствуют достижению общей цели группы, что, в свою очередь, приводит к формированию или повышению авторитета субъекта управления в глазах членов группы; компенсаторная, когда отсутствие у субъекта управления реального авторитета в группе восполняется возможностью власти над ее членами, которую предоставляет властная позиция. Мотивация уважения, в свою очередь, может подкреплять мотивацию власти.

По отношению к мотивации одобрения мотивация власти выступает как: инструментальная, когда субъект управления в своих решениях и поступках ориентируется на внешнюю оценку, стремясь представить себя окружающим как полностью соответствующего занимаемой им позиции в системе управления; компенсаторная, когда для субъекта управления важна не внешняя оценка, а возможность влиять на других людей, управлять ими, быть ответственным за них.

По отношению к мотивации аффилиации мотивация власти выступает как: инструментальная, когда властные организационные решения субъекта управления приводят к формированию в группе эмоционально комфортных отношений и повышению уровня сплоченности группы; компен-

саторная, когда неумение создавать с другими членами группы близкие, эмоционально значимые отношения уравновешивается способностью подчинять себе других, получая от этого положительные эмоции.

Наконец, по отношению к мотивации безопасности мотивация власти выступает как: инструментальная, когда субъект управления считает, что только занимая властную позицию, он может сохранить свое положение в структуре управления; компенсаторная, когда властная позиция не обеспечивает надежный выход из потенциально угрожающих и реально опасных ситуаций.

Мотивация подчинения включает целый ряд мотивов, каждый из которых имеет свой источник, а так как подчинение и власть комплементарны друг другу, большинство источников власти одновременно являются источниками подчинения (табл., Селезнева, 2015).

Таблица. Взаимосвязь источников власти и подчинения

Вид власти	Источник власти	Источник подчинения	Мотивы
Власть принуждения	Реальное наказание	Непосредственное физическое и/или психологическое насилие	подчинения силе
	Потенциальное наказание	Угроза использования силы	подчинения принуждению
	Вознаграждение	Реальное или потенциальное поощрение	подчинения побуждению
Экспертная власть	Компетентность	Логические аргументы	подчинения убеждению
Референтная власть	Пример и харизма	Личные качества и способности	подчинения авторитету
Легитимная власть	Закон	Статус	

Источником мотива подчинения силе является «способность субъекта непосредственно воздействовать на объект или его окружение. Обладание властью в форме силы означает возможность оказать намеренное влияние на тело или психику объекта или ограничить его потенциальные действия» (Ледяев, 2001, с. 282). По существу, в данном случае объект воздействия подчиняется реальному физическому и/или психологическому насилию. Подчинение силе сокращает или ограничивает возможности выбора, либо полностью исключает его. Так как при использовании силы субъект рассматривает объект воздействия именно как физический объект, цели воздействия могут быть достигнуты независимо от повиновения или неповиновения объекта (Ледяев, 2001, с.282). Это свойство силы отличает ее от других источников подчинения. Если мотив подчинения силе становится доминирующим в структуре мотивации, достаточно быстро изменя-

ется вектор активности объекта воздействия: вместо решения предметных задач он начинает решать задачи собственной безопасности.

Близок к мотиву подчинения силе мотив подчинения принуждению, то есть угрозе использования силы. Следует разграничивать силу и принуждение как источники подчинения. Прежде всего это касается склонности объекта воздействия подчиниться или не подчиниться. Если речь идет только об угрозе, человек может быть склонен подчиниться; при использовании силы он может отказываться повиноваться, но будет вынужден смириться с оказанным на него воздействием (Ледяев, 2001, с. 284). Субъект управления использует принуждение, когда его интересы и интересы объекта воздействия явно не совпадают. В этом случае у субъекта управления может возникнуть соблазн заставить объекта воздействия почувствовать угрозу использования негативных санкций в случае неповиновения. Действие мотива подчинения принуждению выражается в том, что объект воздействия предпочитает повиноваться угрозе, а не дожидаться ее исполнения, при том, что субъект управления способен осуществить свою угрозу, но предпочитает этого не делать.

Источником мотива подчинения побуждению является вознаграждение, которое получает объект от субъекта в обмен на подчинение. Как и принуждение, побуждение использует принуждение, когда интересы субъекта и объекта управления явно не совпадают, и объект не хочет подчиниться субъекту без внешнего стимула. Но если принуждая, субъект управления использует угрозы (негативные санкции), то побуждая, - обещания вознаграждения (позитивные санкции).

Эффективность действия мотивов подчинения силе, принуждению и поощрению определяется реальной возможностью и способностью субъекта управления применять силу, приводить в исполнение угрозу или исполнять обещания наградить.

В основе действия мотива подчинения убеждению лежит способность субъекта добиваться подчинения объекта с помощью рациональных аргументов (Ледяев, 2001, с. 290). Объект воздействия, самостоятельно оценив представленные доказательства с точки зрения принятых им высоких (духовных, нравственных, политических) целей и ценностей и признав эти доказательства весомыми, тем самым признает право субъекта на власть и свою готовность подчиниться ему.

В отличие от угроз и обещаний, убеждение можно использовать и при отсутствии конфликта интересов между субъектом и объектом. Кроме того, убеждение предполагает, что у объекта воздействия существует свободный выбор, который не ограничен страхом возможного наказания или надеждой на награду. Наконец, в отличие от угроз и обещаний, результатом убеждения могут стать такие изменения взглядов (представлений, мнений, суждений и др.) объекта воздействия, которые не обязательно приведут к выгодным для субъекта последствиям.

Действие мотива подчинения авторитету основано на убежденности объекта воздействия в том, что он обязан следовать указаниям субъекта независимо от их содержания, так как субъект обладает особыми качествами и способностями, которые могут обеспечить эффективность их совместной деятельности. Авторитет как источник подчинения может быть: фактическим, то есть основываться на знаниях, умениях или каких-то личностных качествах, которыми обладает субъект; формальным, то есть основываться на праве субъекта совершать какие-то действия – его статусе. Если субъект обладает фактическим авторитетом, объект подчиняется (повинуется) ему, поскольку для него субъект является авторитетом в данном вопросе, а не потому, что он сам исследовал этот вопрос и пришел к какому-то выводу (Ледяев, 2001, с. 297). Подчинение формальному авторитету обусловлено обязанностью повиноваться вышестоящему в иерархии.

Кроме того, авторитет может быть: истинным, когда субъект действительно обладает теми качествами, которыми его наделяют окружающие; ложным, основанным на заблуждениях относительно личности субъекта. Авторитет обеспечивает повиновение без угрозы санкций, внешних стимулов, убеждения или манипуляции.

Так, убеждение предполагает, что объект воздействия самостоятельно анализирует и оценивает указание субъекта, а действие авторитета как источника подчинения основывается на согласии и означает уважение к субъекту управления и доверие к нему. В отличие от силы, угрозы санкций, внешних стимулов или манипуляции, авторитет предполагает, что субъект получает от объекта воздействия право приказывать ему в определенных ситуациях и всегда ожидает от объекта добровольного подчинения.

Прямо противоположен перечисленным мотивам мотив подчинения манипуляции, источником которого является способность субъекта оказывать скрытое, не осознаваемое объектом влияние на него. Выделяют два основных вида манипуляции как средства подчинения. Первый предполагает скрытый контроль над объектом в процессе коммуникации, когда субъект, отбирая (например, утаивая) поступающую к объекту воздействия информацию, делает ему замаскированные «предложения» (так действует, в частности, реклама и политическая пропаганда). В рамках второго вида манипуляции нужную субъекту реакцию объекта вызывают без непосредственного взаимодействия с ним, изменяя те или иные регулирующие социальные отношения нормы (в частности, должностные инструкции, систему начисления заработной платы, цены и т.п.). Манипуляция является самым неприемлемым источником подчинения с точки зрения как морали, так и психологии, так как объект воздействия не видит того, кто ограничивает его свободу, не осознает власти над собой (так как в манипуляции отсутствуют прямые приказы), считает, что действует самостоятельно, а следовательно, не может противостоять манипулятивному воздействию.

Следует подчеркнуть, что качество отношений между субъектом и объектом управления определяется действием не только мотивов власти и подчинения, но и внутренней мотивацией, которая напрямую связана с содержанием их деятельности и выступает как смыслообразующая. Одними из самых действенных внутренних мотивов, обеспечивающих высокую вовлеченность в деятельность, а также ее качество и продуктивность, являются мотив самореализации как наиболее высокий уровень развития внутренней мотивации и мотив интереса как ее начальный уровень. Личная заинтересованность (в материальном благополучии, признании, самовыражении и т.д.) побуждает человека как субъекта профессиональной деятельности качественно исполнять ее, а как объекта управления – добровольно выполнять распоряжения, делает излишним контроль и принуждение как инструменты власти.

Литература

Емельяненко А.В. Психолого-акмеологические особенности формирования мотивации власти руководителя: Дисс... канд. психол. наук. Калуга, 2001.

Каверин С.Б. Что такое потребность власти? // ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Психология и психоанализ власти. Т.1. Хрестоматия. Самара. БАХРАХ, 1999. - С.335-394.

Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.

Селезнева Е.В. Лидерство. М.: Юрайт, 2015.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003.

СОЦИАЛЬНО-ДЕСТРУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Семенов Д.В., Елишанский С.П.

Московский педагогический государственный университет, Россия

В статье представлены результаты опроса, проведенного для оценки социальной значимости и тяжести социально-деструктивного поведения. Сделан вывод, что явление социально-деструктивного поведения в нашем обществе является массовым и широко распространенным. Феномен разрушительного поведения представляет реальную угрозу для подавляющего большинства населения.

Ключевые слова: агрессия, девиантное поведение, социальные проблемы, социально-деструктивное поведение, наркомания, личностное расстройство.

SOCIALLY DESTRUCTIVE BEHAVIOR IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Semyonov D.V., Yelshansky S.P.
Moscow State Pedagogical University, Russia

The article presents the results of a survey conducted to assess the social significance and severity of the socio-destructive behavior. The conclusion is made that the phenomena of socially destructive behavior are in our society actually massive and widespread. Phenomena of socially destructive behavior represent a real threat to the vast majority of the population.

Keywords: aggression, deviant behavior, social problems, socially-destructive behaviour, addiction, personality disorder.

С целью изучения распространенности в современном Российском обществе проявлений социально-деструктивного поведения была составлена анкета и проведено исследование 47 человек в возрасте от 18 до 53 лет, из них 35 женщин и 12 мужчин. Средний возраст испытуемых 28 лет (Елшанский, Семенов, 2015).

Под социально-деструктивным поведением понимаются насильственные действия и поступки человека, группы людей причиняющие физический и/или психологический вред другому человеку, группе людей, обществу. Данное поведение чаще всего бывает проявлением расстройств личности (психопатии), встречается при алкоголизме и наркоманиях, реже шизофрении и некоторых других психических заболеваниях.

Авторы занимались исследованиями социально-деструктивного поведения у лиц, злоупотребляющих наркотическими веществами. Д.В. Семенов в своих работах (Семенов, 2001; Семенов, 2004; Семенов, 2011; Семенов, 2013) показывает социально-психологический механизм становления наркотизации подростков и их психологические особенности. В работах С.П. Елшанского (Елшанский, 2000; Елшанский, 2002; Елшанский, 2004) проводимых в рамках когнитивной психологии, раскрыты особенности внутреннего восприятия больных наркоманиями, показан механизм вторичного означения внутренних ощущений, являющийся фактором продолжения наркотизации.

Субъектам социально-деструктивного поведения при психопатии по данным Р. Хаэра (Хаэр, 2007) свойственны болтливость и поверхностность, эгоцентричность и претенциозность, отсутствие эмпатии, коварство, склонность манипулировать окружающими, поверхностность эмоций, импульсивность, слабый поведенческий контроль, потребность в психическом возбуждении, безответственность, проблемное поведение в детстве и антисоциальное поведение во взрослой жизни.

В анкете выяснялось, как часто респонденты сталкиваются с проявлениями социально-деструктивного поведения со стороны руководителей на работе, чиновников и работников госучреждений, медицинских работников, работников правоохранительных органов, сотрудников охраны каких-либо организаций, продавцов или других работников сферы обслуживания, в общественных местах. Изучалась выраженность присутствия проблемы социально-деструктивного поведения в жизни респондента и учитывалось его мнение относительно распространенности данного явления в обществе. Исследовалось мнение респондентов относительно причин происхождения социально-деструктивного поведения. Также выяснялось количество людей с признаками социально-деструктивного поведения, которые встречались у респондентов в прошлом и имеются в настоящей действительности (Елшанский, Семенов, 2015).

Результаты исследования показывают, что почти все (85,11%) респонденты в той или иной мере сталкивались в своей жизни с немотивированной агрессией, оскорблениями или унижением в нашем обществе. Хамство и попытки унижения исходят со стороны руководителей на работе (57,45%), чиновников и работников госучреждений (48,94%), медицинских работников (57,45%), работников правоохранительных органов (36,17%), сотрудников охраны каких-либо организаций (40,43%), продавцов или других работников сферы обслуживания (72,34%).

Подавляющее большинство респондентов (91,49%) отмечают, что в нашем обществе мы часто сталкиваемся с проявлениями социальной деструкции. Также они согласны (27,66%) или «отчасти согласны» (40,43%) с утверждением, что действующая в нашей стране правоохранительная система создает благоприятную почву для безнаказанной агрессии, хамства, унижения человека человеком, что число социально опасных людей в нашем обществе очень велико (78,72%).

Из числа опрошенных 68,09% испытывают дискомфорт из-за действий социально опасных людей. Из них 8,51% испытывают страх за свою жизнь и жизнь своих близких. Социально-деструктивное (разрушительное) поведение считают очень распространенным явлением в нашем обществе 61,7% респондентов, а 82,98% опрошенных видят его серьезной проблемой нашего общества, требующей немедленного решения. С проявлениями разрушительного поведения в своих семьях встречались 40,42% респондентов.

Причины социально-деструктивного поведения участники исследования определяют в следующем: проблема воспитания (70%); результат наличия в обществе психически нездоровых людей (47%); следствие того, что само общество крайне несовершенно (47%); следствие несправедливости и неравенства в нашем обществе (30%); следствие несовершенства законодательства (28%); результат плохой работы правоохранительных органов (21%).

Также респонденты отметили, что государство не занимается решением данной проблемы и указали в качестве возможных причин деструктивного поведения в обществе влияние «западной» культуры, разрушение традиций, а также неучастие психологов в разрешении изучаемой проблемы.

На вопрос «Сколько Ваших одноклассников с начальной школы и на всем протяжении их обучения постоянно прогуливали уроки, конфликтовали с учителями, издевались над другими детьми, рано начали курить, заниматься сексом, употребляли алкоголь, наркотики, совершали правонарушения и т.п.?») (Требовалось указать количество человек) респонденты указали от 0 до 100 человек, в среднем 7,89 человека. Вероятно, будучи во взрослом возрасте такие бывшие одноклассники являются носителями социальной деструкции.

Также, в окружении многих респондентов (дети родственников – 19%, дети друзей – 51%) имеются дети с проявлениями социально-деструктивного поведения.

На вопрос «Имеется (имелся) ли на Вашей работе сотрудник, который постоянно пытается подавить других, стремясь к физической и психологической власти, ни обращая внимания на чувства, переживания, боль другого человека удовлетворяет свои желания и потребности, изворотливо лжет, клеветает, беззастенчиво использует людей в своих целях?» 68% респондентов ответили утвердительно.

Гендерные особенности в оценке социально-деструктивного поведения имеют некоторые особенности. Так, результаты анализа достоверных различий (по U-критерию Манна-Уитни) в показателях мужской и женской выборки респондентов показали, что мужчины достоверно чаще относительно женщин испытывали попытки унижить или оскорбить их со стороны работников правоохранительных органов ($p=0,001$), а причиной социально-деструктивного поведения, по их мнению, является несовершенное общество ($p=0,025$).

Обнаруженные взаимосвязи (метод Спирмена, $p<0,05$) между возрастом респондентов и уровнями изученных показателей показывают, что чем старше респондент, тем чаще он сталкивался с агрессией со стороны работников правоохранительных органов и тем чаще испытывает на себе проявления социально деструктивного поведения со стороны других лиц (Елшанский С.П., Семенов Д.В., 2015).

Таким образом, результаты нашего исследования указывают на то, что социально-деструктивное поведение в современном российском обществе распространено во всех сферах жизни, негативно сказывается на психологическом комфорте, психическом и физическом здоровье населения, а причины его связываются респондентами с проблемами воспитания, психических заболеваний и неправильного устройства общества.

Литература

Елианский С.П. Психосемантические методы исследования внутреннего опыта больных наркоманией (сообщение 1) // Вопросы наркологии. 2000а. - № 1. - С.75-78.

Елианский С.П. Психосемантические методы исследования внутреннего опыта больных опийной наркоманией (сообщение 2). // Вопросы наркологии. 2000б. - № 2. - С.68-74.

Елианский С.П. Внутреннее восприятие и механизмы развития зависимостей от ПАВ // Вопросы наркологии. 2002. - № 4. - С.40-45.

Елианский С.П. Семантика внутреннего восприятия при зависимостях от психоактивных веществ (на модели опийной наркомании). М.: Научный мир, 2004.

Елианский С.П., Семенов Д.В. Социально-деструктивное поведение в современной России // Гуманитарные научные исследования. 2015. - № 2.

Семенов Д.В. Социально-психологические особенности подростков с аддиктивным поведением. Дисс. ... канд.психол.наук. Сургут, 2001.

Семенов Д.В. Социально-психологические причины и профилактика употребления подростками токсических и наркотических веществ // Наркология. 2004. - №10. - С.76-80

Семенов Д.В. Общение с людьми, злоупотребляющими психоактивными веществами, как основной фактор риска развития наркологических проблем // Отклоняющееся поведение человека в современном мире: проблемы и решения: Материалы II Международной заочной научно-практической конференции, Владимир 12 мая 2011г. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2011. - С.216-221.

Хаэр Р.Д. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов. М.: ИД Вильямс, 2007.

Seменов D.V. The mechanism of adolescent's narcotization development in communication // Europäische Fachhochschule (European Applied Sciences). 2013. - №2-1. - P.153-157.

РЕСУРСЫ И ДИНАМИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ (ВРАЧЕЙ И МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР)

Сизова Л.А.¹, Белик В.В.²

¹ Научно-исследовательский институт – Краевая клиническая больница №1
им. проф. С.В. Очаповского, Краснодар, Россия

² Научно-исследовательский институт технической эстетики
Московского технологического университета, Россия

Обсуждается проблема профессионального становления субъекта (ПСС) в социономических профессиях, в помогающих профессиях. Рассматриваются данные изучения использования внесубъектных и интерсубъектных ресурсов на выборке 30 врачей-руководителей, 32 рядовых

врачей и 67 старших медицинских сестер. Выявлена большая полнота использования ресурсов у врачей-руководителей, наименьшая – у медицинских сестер.

Ключевые слова: руководители, врачи, медицинские сестры, ресурсы, динамика, профессиональное становление.

RESOURCES AND DYNAMIC OF MEDICAL WORKERS PROFESSIONAL FORMATION (DOCTORS AND NURSES)

Sizova L.A.¹, Belik V.V.²

¹Scientific-Research Institute – Regional Clinical Hospital №1
named after prof. S.V Ochapovsky, Krasnodar, Russia

²Scientific Research Institute of Technical Aesthetics Moscow Technological University,
Russia

Considers the problem of subject's professional formation (SPF) in helping socionomic professions. We consider the data and study of using external and inter-subjective resources on a sample of 30 head-doctors, 32 doctors and 67 senior nurses. It shows a great fullness of resource using by head-doctor, the lowest using by nurses.

Keywords: managers, doctors, nurses, resources, dynamic, professional formation.

Введение. Актуальность обсуждаемой проблемы обусловлена выраженным запросом социальной и психологической практики на формирование профессионально подготовленных, личностно зрелых кадров в области помогающих профессий, в частности – в здравоохранении. За последние годы в отечественной психологии обозначился интерес исследователей к различным аспектам психологии личности субъекта медицинской деятельности – врачей, фельдшеров, медицинских сестер. В ряде независимых исследований раскрыты факторы риска развития дезадаптационных состояний представителей помогающих профессий – учителей, медицинских работников и др., обсуждаются вопросы направленного формирования у них стрессоустойчивости и совладающего поведения (Водопьянова, 2014; Карпинский, 2012; Крюкова, 2010; Митина, 2014; Сизова, 2015; Толочек, 2016; Ясько, 2005; др.).

Обращаясь к опыту работы современных отечественных многопрофильных лечебных учреждений, аккумулирующих возможности оказания медицинской помощи на уровне технологий нового столетия, эксперты отмечают необходимость профессионального сопровождения становления субъектов труда и рассматривают такие возможности, с одной стороны, с другой – констатируют устойчивый дефицитом высокопрофессиональных и психологически компетентных специалистов в отдельных сегментах (в частности, медицинских сестер) (Сизова, 2015). В свете совре-

менных требований к профессионалу можно говорить о высокой востребованности исследований, призванных обозначить пути достижения субъектами самореализации в пространствах индивидуального и профессионального бытия. Это важно для всех профессий; быть может, наиболее актуально, сложно реализуемо именно в социоэкономических, в которых в особом положении находятся помогающие профессии.

Исследования такого плана имеют как собственно научную (представляют ценный материал для специалистов в области психологии личности; определяют ресурсы профессионально-личностной самореализации медицинской сестры как субъекта управленческой деятельности и пр.), так и очевидную практическую значимость – способствуют становлению социальных технологий сопровождения становления профессионала, разработки дифференциальных направлений их самореализации и др.

Задачами настоящего исследования были: изучение динамики профессионального становления субъектов (ПСС), субъектов разных категорий (медицинских сестер, врачей и врачей-руководителей) в зависимости от типов актуализируемых ими ресурсов (внесубъектных и интрасубъектных). Гипотеза: для представителей разных категорий профессионалов характерны типичные особенности актуализируемых ресурсов.

Организация и база исследования. Изучались представители трех категорий профессионально успешных медицинских работников (67 медицинских сестер, 32 врача, 30 врачей, занимающих должности руководителей среднего и высшего звена управления, в возрасте от 30 до 60 лет; средний возраст составлял 43,9, 46,8 и 42,6 лет соответственно). Обследования проводились в условиях профессионального обучения (семинары, совещания, получение второго высшего образования). Врачи и сестры выступали в качестве эксперты своего ПСС. Они оценивали изменения в уровне развития профессионализма, его обеспечивающих психологических систем на протяжении карьеры в 9-балльной шкале – от 0 до 8 баллов в пятилетних интервалах в разные периоды жизни – от 20 до 65 лет (т.е., чаще прогнозируемые), используя анкету В.А. Толочка «Динамика ПСС» (Толочек, Журавлева, 2015; Толочек, Винокуров, Журавлева, 2015). Также медики оценивали условия родительской семьи, своей семьи, рабочих коллективов, динамику изменения физиологических и психологических систем.

Результаты и обсуждение результатов исследования. В использовании медиками условий социальной среды как ресурсов ПСС выявленные множественные отличия данных представителей медицинских профессий от других, описанных в литературе (Толочек, 2010; Толочек, Журавлева, 2015; Толочек, Винокуров, Журавлева, 2015) Среди них выделим как общие для представителей разных профессий, так и особенные, присущие медицинским работникам.

К общим характеристикам относятся следующие: 1) Высокая межиндивидуальная вариативность в отношении большей части анализируе-

мых переменных (т.е., одни и те же условия могут быть более или менее значимыми для разных людей). 2) Сравнительно низкая полнота использования условий среды как ресурсов (в среднем, чаще не превышающая 30 – 35% от возможного). 3) Согласно результатам факторного анализа, профессионализм медиков на разных этапах слабо поддерживается разными ресурсами

К особенным характеристикам медицинских работников относится следующее. 1. Согласно результатам корреляционного анализа, для врачей-руководителей, врачей и медсестер типичны свои особенные паттерны ресурсов ПСС. 2. Согласно результатам t-сравнения (для независимых групп), из 21 переменной, рассматриваемых нами как потенциальные ресурсы ПСС – ресурсы социальной среды, - статистически значимые различия между врачами-руководителями и рядовыми врачами имели место в трех (14%) случаях – ролью отца, женщин и руководителей в становлении профессионализма субъектов (эти условия полнее использовались теми, кто стал руководителем). Статистически значимые различия между врачами-руководителями и медицинскими сестрами - в отношении девяти (43%) условий – занимаемой матерью и отцом должности, образованием матери (более высоких, чем у медсестер), большим числом детей, ролью женщин, мужчин, руководителей, рабочих коллективов (все названные условия полнее использовались и используются врачами-руководителями). Значимые различия между рядовыми врачами и медицинскими сестрами имели место в отношении пяти (24%) условий – занимаемой матерью и отцом должности, образованием матери (более высоких, чем у медсестер), большим, ролью рабочих коллективов и науки (эти условия полнее использовались и используются врачами, чем медсестрами).

Заключение. Представители медицинских профессий, занимающие разные профессиональные и должностные позиции (врачи-руководители, рядовые врачи и медицинские сестры) различаются (по ряду позиций статистически значимо) как по динамике становления их профессионализма, так и по роли разных ресурсов социальной макро-, мезо- и микросреды в становлении их профессионализма. Выявленные факторы могут использоваться при решении задач сопровождения профессионального становления представителей медицинских профессий.

Литература

Водопьянова Н.Е. Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда (на примере специалистов «субъект-субъектных» профессий): Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. СПб., 2014.

Карпинский К.В. Смысл жизни и ресурсы его реализации: К пониманию механизмов личностного кризиса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012.- № 4. - С. 3 – 33.

Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010.

Митина Л.М. Психология личностно-профессионального развития учителя. СПб.: Нестор-История, 2014.

Сизова Л.А. Психологические детерминанты профессионально-личностной самореализации медицинской сестры многопрофильного лечебного учреждения. Автореф. дисс. канд. психол. наук. Краснодар, 2015.

Толочек В.А. Современная психология труда. СПб.: Питер, 2010.

Толочек В.А. Психология труда. СПб., Питер, 2016.

Толочек В.А., Винокуров Л.В., Журавлева Н.И. Условия социальной среды как ресурсы профессиональной успешности субъектов // Вестник МГУ. Психология. 2015. - № 4. - С. 39-54.

Толочек В.А., Журавлева Н.И. Динамика актуализации ресурсов субъекта на протяжении профессиональной карьеры // Психологический журнал. 2015. - №1. - С.91-107.

Ясько Б.А. Психология личности и труда врача: Курс лекций. Ростов н/Д: Феникс, 2005.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА «СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПРОСТУПКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ»

Синицына Л.В.

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск,
Россия

Традиционно работы по изучению психологических аспектов противоправного поведения личности всегда относились к компетенции юридической психологии. Однако есть здесь и поле деятельности социального психолога, которое лежит в рамках теоретико-экспериментального изучения условий формирования асоциального поведения сотрудников ОВД, изучения их личностных особенностей и поведенческих паттернов, влияния окружающей среды на поведение, определения степени и типа влияния референтной группы (коллектива) на поведение.

Центром внимания многочисленных и многолетних методологических, теоретических и научно-исследовательских работ в области юриспруденции, экономики, психологии, социологии, политологии и др., являются правонарушения, связанные в основном с криминальными аспектами деяний. Непредставленными в научной специальной литературе оказались исследования, связанные с более «легкими» противоправными нарушениями, не несущими в себе признаков уголовно наказуемых деяний – проступками.

Ключевые слова: административные деликты, проступки, проступочное поведение, проступочные ситуации, анализ, диагностика, прогнозирование, профилактическая работа, предупреждение проступков.

STUDY OF THE PROBLEM OF THE PHENOMENON CALLED "SOCIAL PSYCHOLOGY OF THE OFFENCE IN THE ACTIVITY OF THE MEMBERS OF THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES"

Sinitsyna L. V.

Far Eastern State University of Communications, Khabarovsk, Russia

Traditionally, research of the psychological aspects of the wrongful conduct of the individual always falls within the competence of legal psychology. However, there is also the field of social psychologist, which lies within the theoretical and experimental study of the conditions of formation of anti-social behavior of law enforcement officers, the study of their personal characteristics and behavioral patterns, environmental influences on behavior, determine the extent and type of the influence of the reference group (team) behavior. The focus of the numerous and multi-methodological, theoretical and research works in the field of law, economics, psychology, sociology, political science, etc., are offenses relating mainly to the criminal aspects of acts. Unrepresented in the scientific literature were studies related to more "light" illegal disturbances, do not carry the signs of criminal offenses – misconduct.

Keywords: administrative offence, offenses, criminal behavior, wrongdoing situation analysis, diagnosis, prognosis, prevention, prevention of offenses.

Проблема асоциального поведения оформилась в целостное направление около сорока лет назад. Сегодня достижения данного научного направления активно интегрируются в различные направления психологической науки, в том числе и в социальную психологию. Труды О.С. Анисимова, К.А. Абульхановой, А.А.Бодалева, В.А. Барабанщикова, А.С. Гусева, А.А. Деркача, В.Г. Зазыкина, Н.В.Кузьминой, В.Н. Мясищева, Г.С. Михайлова, А.Л. Свенцицкого, В.А. Пономаренко, И.Н. Семенова, Ю.В. Синягина, Б.Ф. Ломова, А.Г. Асмолова, В.В. Новикова, А.В.Карпова, В.В. Козлова, А.Н.Леонтьева, В.А. Мазилова, И.Н. Карицкого, А.С. Кашапова, В.Е. Орла, С.Т. Посоховой, Н.В. Ключевой, М.И. Марьина, А.И. Адаева, И.В. Антоненко, В.Е. Петрова, Л.В. Куликова, Ю.Г.Касперовича, Л.И. Полтавцевой, Б.Д. Парыгина, Л.Г. Почебут, В.Н. Кунициной, В.Д. Шадрикова, Н.П.Фетискина, Г.М. Бирюковой, В.Г. Белова, Ю.А. Парфенова являются фундаментом, как в социальной психологии, так и в отношении психологии асоциального поведения.

В зарубежной научной литературе данными вопросами занимались такие авторы как Э. Дюркгейм, Р. Мертон, А. Бандура и др., в трудах кото-

рых асоциальное поведение изучалось с точки зрения негативной реакции социума на проступки, а также как способы организации поведения при социальной дезорганизации общества. В нашей стране изучение проблемы административных проступков началось с целью усовершенствования законодательства. Первые шаги в данном направлении сделал В.И. Ременев и Е.В. Додин. Значимый вклад в исследование данной проблемы внесли Э.Е. Гензюк, И.П. Голосниченко, В.В. Головач, Л.Л. Попов, В.П. Лозбяков, Н.П. Мышляев, А.И. Остапенко, Е.Н. Пастушенко, В.Д. Резвых, В.Ф. Фефилова, А.П. Лончаков, М.И. Никулин, С.П. Безносков, А.Н. Дерюга и другие. Работы перечисленных специалистов обеспечивают создание концептуальной основы для интеграции знаний, полученных в рамках административной деликтологии, в социальную психологию. Процесс взаимопроникновения и синергии указанных научных направлений является актуальным и значимым для социально-психологических аспектов изучения деятельности сотрудников ОВД России.

Больше всего работ, связанных с изучением противоправных проступков выполнено в рамках юридической психологии, где такого рода проступки рассматриваются через термин *delinquens* – проступок, провинность (Змановская, 2008) и, как правило, они получают осмысление как рядоположенные. Под смыслом термина «проступок», как правило, понимается нечто не очень опасное в социальном плане, малозначимое действие, поведение, отличающееся от серьезных уголовных преступлений лишь малой степенью влияния на безопасность жизнедеятельности и нравственную составляющую сограждан.

Актуальность темы нашего исследования продиктована также обстоятельствами практического характера, прежде всего, необходимостью более интенсивного использования возможностей социальной психологии в современной практике по предупреждению, пресечению и борьбе с поведением, ведущим к проступкам в среде сотрудников ОВД. По мнению С.П. Безносова, предложившего технологическую процедуру диагностических, прогностических и профилактических процедур различных видов деятельности, «... в перспективе в составе психологической науки будет формироваться еще одна отрасль – психология деятельности ОВД» (Безносков, 2004).

Теоретико-практические исследования, направленные на осмысление проступочных ситуаций, изучение данного явления методами социальной психологии через анализ, диагностику, прогнозирование, проведение профилактических работ по преодолению и предупреждению проступков в деятельности сотрудников органов внутренних дел, могут способствовать нивелированию эффекта конфликта личностных и служебных интересов сотрудников правоохранительных органов, снятию в значительной степени уже имеющийся и устоявшийся в мнениях граждан отрицательный имидж сотрудников ОВД, сохранить психическое и духовное здоровье граждан России и среди них тех, кто сам отвечает за безопасную жизнедеятель-

ность в стране. Таким образом, к числу актуальных проблем относится и разработка социально-психологических подходов к оценке, диагностике, прогнозированию и предупреждению проступков в деятельности сотрудников органов внутренних дел.

В.А. Мазилев (2009) подчеркивает, что в последнее время предприняты интересные исследования возможностей и перспектив в современных условиях системного подхода. Одним из наиболее перспективных является системогенетический подход, разработанный В.Д. Шадриковым (Мазилев, 2009). А.В. Карпов отмечает: «В свою очередь, для того, чтобы эти – модифицированные и даже трансформированные подходы стали возможными, для того, чтобы на уровне методологии адекватно отобразить и реализовать специфику и содержание предмета (психики), необходима адекватная экспликация самого этого предмета. Поэтому не только не исключено, но наоборот, очень вероятно, что разработка новых – более «мощных» вариантов принципа системного подхода будет сопряжена с необходимостью уточнения представлений и о самом предмете исследования. Во всем этом, собственно говоря, и проявляется реальное взаимодействие и взаимодействие – диалектика предмета и метода» (Карпов, 2004).

Актуальность темы исследования продиктована также обстоятельствами практического и теоретического характера, прежде всего, необходимостью более интенсивного использования возможностей социальной психологии в современной практике по осмыслению, предупреждению, снижению уровня проступков в системе ОВД. На современном этапе актуально достоверное раскрытие социально-психологических причин и условий совершения зрелой личностью проступков в виде административных правонарушений, нарушений служебной дисциплины в органах внутренних дел. Значимой становится разработка методов ранней диагностики predisposedness сотрудников ОВД к совершению проступков и проведение профилактических мер, направленных на психологическое оздоровление сотрудников ОВД.

Концептуальный подход предполагает разработку комплекса ключевых положений, определяющих направленность, архитектуру и преемственность исследования в рамках изучения феномена «социальная психология проступка в деятельности сотрудников органов внутренних дел».

Представленные материалы отражают теоретические основы проблемы поведения, ведущего к появлению проступков, сущность и тезаурус понятия «проступок», представлен предмет и категориально-понятийный аппарат социальной психологии проступка, концептуальный подход к исследованию проступка как социально-психологического явления в деятельности сотрудников органов внутренних дел в свете теории научения.

Предмет исследования определен нами как «Социально-психологические особенности проступков в деятельности сотрудников органов внутренних дел с учетом причин, условий и механизмов их форми-

рования». В такой формулировке предмета можно предположить главный источник формирования проступков в деятельности сотрудников органов внутренних дел – внутриличностный конфликт интересов, в результате чего актуализируется и реализуется в рамках межличностных отношений направленность личности на совершение проступков с целью нивелирования этого конфликта.

Анализ некоторых материалов исследований преступного поведения в рамках юридических и криминалистических исследований позволил выявить доказательное заключение о том, что большая часть преступников имеет тенденцию дистанцироваться от общества и тех ценностей, которое общество проповедует. Некоторые общество провозглашает (М.И. Еникеев, Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, А. Коэн и др.). Так, по мнению американского ученого Р. Мертона, развивавшего концепцию отчуждения социолога Е. Дюркгейма, общественное развитие в определенные периоды своего существования приходит к такому состоянию, когда нарушение социальных норм представляет собой «нормальный» ответ на возникающие ситуации в связи с провокацией людей со стороны государства, провоцируя на неподчинение.

В этом плане следует согласиться с тем, что у преступников и у тех, кто совершает проступки (по материалам нашего исследования) есть определенные обиды на руководство и в целом на государственную политику (низкая заработная плата, неадекватные методы поощрения – наказания, стиль управления и пр.), в связи с чем в индивидуальном и в групповом сознании возникает представление о том, что государство их обманывает и как следствие возникает компенсаторный механизм совершения преступлений или проступков. Данное положение хорошо иллюстрируется в труде Аристотеля «Никомахова этика», где утверждается, что оценка справедливости происходит в результате сравнения того, что человек отдает и что получает взамен.

Представляется, что при убеждении, что отдача меньше, чем вклад, и происходит объединение «недовольных» и возникают довольно сплоченные группы в рамках профессиональной деятельности, характеризующиеся, например, в правоохранительных органах, круговой порукой, стремлением защитить «честь мундира» под маркой восстановления справедливости, закрепляя тем самым имеющиеся склонности к совершению проступков.

Вводя термин «склонность» в систему проступочных явлений, следует заметить, что первоначально склонность определялась как направленность на соответствующую деятельность, как положительное избирательное отношение к деятельности (В.Н. Мясищев). В современных словарях склонность определяется как некая избирательная направленность индивида к определенной деятельности, побуждая его заниматься или же как «любое положительное внутренне мотивированное отношение к какому-либо занятию». Это внутренне мотивированное отношение к какому-либо

занятию (в нашем случае, это совершение проступков в рамках своей деятельности), реализованное на практике, например, в виде проступков, из сферы сознательно контролируемой переходит постепенно в сферу подсознательных действий в виде реализации склонности к совершению проступков во имя удовлетворения собственных потребностей на уровне полуавтоматизма, привычки.

Центральным понятием в сформулированном предмете исследования является термин «проступок», который требует особого рассмотрения в связи с отсутствием общепринятого понимания и, следовательно, определения. Любое понятие, сформулированное с указанием на существенные признаки изучаемого явления может быть признано сущностным, однако относительно термина «проступок», то в специальной литературе такого определения нет.

Самым распространенным термином в работах психологов, социологов, юристов, философов является понятие «отклоняющееся поведение» Синонимом данного термина является словосочетание «девиантное поведение» (от лат. *deviatio* – отклонение), но под девиантным поведением и отклоняющимся чаще всего понимается и «поступок, действие человека, не соответствующее официальным установлениям или фактически сложившимся в данном обществе нормам» (Даулинг, 2000).

Авторы различных определений феномена «девиантность» безуспешно стараются выделить сущностную составляющую, которая позволила бы отделить данное понятие от прочих. Трудность нахождения концептуального подхода к изучению термина «проступок» в части преемственности изучения заключается в том, что данная проблематика – социальная психология проступка в деятельности сотрудников органов внутренних дел - практически не исследовалась в рамках психологической науки. Термин «проступок» не представлен в словарях, отсутствует как значимое явление в научных разработках. Его можно встретить в скобках при разъяснении термина «деликт», при перечислении – через запятую, когда авторами перечисляются в качестве проступков некоторые виды поведения, включая и уголовные деяния. Полная непредставленность данного феномена в научной литературе в смежных областях психологии, а также в философии, социологии, истории и пр. свидетельствует о достаточно сложной задаче: не имея возможности ознакомиться с научным опытом изучения данного явления в различных областях науки, подойти к раскрытию социально-психологической сущности проступка.

Следует подчеркнуть, что вопрос о разграничениях преступлений и проступков был поставлен в законодательной идеологии и практике Российской империи еще в 18 веке. Екатерина II в первом дополнении к большому Наказу Уложенной комиссии 1767 г. высказала заимствованную у Монтескье мысль о том, что «не надобно смешивать великого нарушения законов с простым нарушением установленного благочиния: сих вещей в

одном ряду ставить не должно». Эта идея нашла воплощение в уставе благочиния, или полицейском, 1782 года, согласно которому лица, совершившие значительные правонарушения, направлялись в суд для определения им меры наказания. А по малозначительным нарушениям окончательное решение принималось в полиции.

Рассмотрение проблемы проступков в психологическом плане может осуществляться в различных отраслях психологической науки. Например, в юридической психологии проблема проступков может изучаться в рамках специфики данного направления, а именно, через изучение организационно-психологических аспектов повышения эффективности деятельности правоохранительной системы в целом. Паспорт же специальности социальной психологии прямо указывает на то, что предметное поле данного научного направления лежит в рамках «изучения закономерностей поведения и деятельности людей, обусловленных фактом включения людей в социальные группы».

Материалы данной части исследования свидетельствуют о том, что с первых дней адаптации в коллективе новый сотрудник наблюдает за деятельностью коллег в рамках системы «сотрудник – коллеги – руководитель». Субъективным образом, дифференцируя единицы поведения коллег - поступки - с точки зрения деления на просоциальные и асоциальные, соотнося их с собственной шкалой этико-нравственного поведения, а также с ответной реакцией руководства - «поощрение – наказание», человек усваивает модели поведения, которые ведут к избеганию нежелательных санкций при реализации собственных склонностей и потребностей.

Если в коллективе наблюдается, к примеру, «круговая порука», включающая и руководителей, а безусловной моделью поведения, реализуемой на практике в данном подразделении, является защита «чести мундира», то происходит процесс практического научения проступочному поведению. Это наше утверждение подтверждается и на практике: по итогам многих исследований, каждое третье должностное преступление в милиции совершается под влиянием сослуживцев и непосредственных руководителей. При достаточно высоком уровне мотивированности индивида на реализацию намерения, нарушающего требования профессионального долга, при совершении проступков, выбор средств будет ориентирован на избегание санкций и получение позитивной самооценки при успешной реализации проступка. Таким образом, результатом осмысления феномена «проступок» в рамках поведенческой психологии, юридической психологии, психологии личности, автором представлено следующее понимание изучаемого термина с позиции социально-психологического подхода: проступок – это сознательно совершенный поведенческий акт, сформировавшийся в контактной группе, характеризующийся нарушением правовых и/или нравственных норм, не влекущих за собой уголовного преследования, и совершенный в результате несформировавшейся этико-

поведенческой установки на позитивную социально-психологическую кооперацию в рамках определенной деятельности».

Литература

- Безносков С.П.* Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004.
- Гуров А.И.* Профессиональная преступность: прошлое и настоящее. М., 1990.
- Даулинг С.* (ред.) Психология и лечение зависимого поведения. М., 2000.
- Змановская Е.В.* Девиантология (Психология отклоняющегося поведения). М.: Академия, 2008.
- Карпов А.В.* Метасистемная организация уровней структур психики. М., 2004.
- Мазилев В.А.* Методология психологии: точки роста // Ярославский психологический вестник. 2009. - Вып.25.

ДОВЕРИЕ В СИСТЕМЕ «УЧИТЕЛЬ–УЧЕНИК» – СТЕРЖНЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНИКА

Скрипкина Т.П.

Федеральный институт развития образования, Москва, Россия

Статья посвящена роли взаимодверия в социальных отношениях людей, в частности, в системе «Учитель – ученик». Доверие становится условием трансформации субъект-объектных отношений в субъект-субъектные. Это, в свою очередь, порождает переход от парадигмы «формирования» личности к парадигме «саморазвития» в процессе педагогического взаимодействия. Одним из важнейших механизмов порождения этих процессов является авансирование доверием. Авансированное доверие выступает внешним стимулом, который влияет на внутренние детерминанты активности личности школьника, посредством чего и осуществляется сам процесс саморазвития.

Ключевые слова: доверие, субъект-объектное и субъект-субъектное взаимодействие, саморазвитие личности, авансированное доверие.

TRUST IN THE SYSTEM OF "TEACHER–STUDENT" AS ROD ELEMENT OF SCHOOLCHILDREN'S PERSONAL DEVELOPMENT

Skripkina T.P.

Federal Institute for Educational Development, Moscow, Russia

The article is devoted to the role of trust in social relations of people, in particular, in the system "teacher-student", the trust is becoming a condition of

transformation of subject-object relations to the subject-subject ones. This, in turn, gives rise to a paradigm shift from the "formation" of personality to the paradigm of "self-development" in the process of pedagogical interaction. One of the most important mechanisms for generating these processes is advanced trust. Advanced trust is the external stimulus that affects the activity of the internal determinants of the student's personality, and thereby the self-development process itself is performed.

Keywords: trust, subject-object and subject-subject interaction, personal self-development, advanced trust.

В последнее десятилетие интерес к явлению, именуемому доверием, стал очевиден в отечественной науке, и этот интерес в настоящее время чрезвычайно обострился отчасти благодаря изменениям, происходящим в обществе, связанным с кризисом доверия населения к власти и к государству, о чем можно ежедневно прочесть в любой газете или услышать по любому каналу телевидения. По мнению многих ученых, как психологов, так и политологов, экономистов, и педагогов, хотя доверие и является "неосвязаемым" социально-психологическим явлением, именно ему принадлежит особая и важнейшая роль в жизни, как всего общества, так и отдельных его слоев, групп, общностей, а также отдельно взятой личности (Антоненко, 2015; Скрипкина, 2000; 2013 и др.).

Необходимо отметить, что зарубежная психологическая наука вот уже несколько десятилетий испытывает настоящий бум интереса к этому явлению. Проведены сотни исследований, выполненных в рамках различных направлений психологии. Авторами было показано, что доверие выполняет фундаментальные функции не только в отношениях отдельно взятых людей, но и в отношениях, как в самом государстве, так и между государствами и нациями, т.е. внутри различных групп и между группами. С точки зрения зарубежных исследователей, базовое доверие – стержневой элемент социального и психологического благополучия каждого отдельно взятого индивида (Эриксон, 2000). Однако, доверие всегда проявляется по отношению к чему или кому-либо. Поэтому оно есть важнейшее условие любых социальных взаимодействий.

В русле всего сказанного становится очевидным, что доверие является важнейшим фактором взаимодействия в педагогическом процессе. Доверие, выполняя различные функции в процессе взаимодействия людей, играет важнейшую роль не только в обеспечении психологического благополучия индивидов, но и стимулирует изменения, в том числе и развитие личности.

Уже довольно давно, с начала 90-х годов прошлого столетия в научной литературе активно разрабатываются концепции, трактующие развитие как "самодвижение" личности, но в активном взаимодействии с другими. Множеством авторов показано, что при такой трактовке необходимым условием развития является наличие субъект-субъектного характера взаи-

модействия педагога и ученика. Однако, как показывают проведенные нами исследования, эти идеи далеко не всегда и не всеми субъектами образовательной деятельности воплощаются в реальную педагогическую практику.

Нами, на основе идей М.М.Бахтина (1963) о роли диалогичности в коммуникативной культуре, идеи А.У.Хараша (1980) об одновременной интра- и интерсубъектности личности, идеи М.Мамардашвили (1990) об одновременной обращенности человека в себя и в мир, идеи С.Л.Рубинштейна о взаимопроникновении человека в мир и мира в человека, была разработана концепция доверительных отношений личности. Исходя из этих идей доверие представлено как явление двух полюсное, как специфическая установка-отношение, направленная одновременно в себя и в мир. Совершенно недостаточно рассматривать доверие как отношение к другому или как установку на другого. При таком подходе данное явление оказывается "уплощенным", его феноменологические характеристики не "улавливается" и оказываются одномерными и очень ситуативными. Доверие можно осмыслить лишь как сложное интегративное явление, которое порождается как некое соотношение ценностного отношения личности к себе самой и к партнеру по взаимодействию, происходящее одновременно у обоих взаимодействующих субъектов.

Как уже было сказано, доверие играет исключительную роль в социально-психологических взаимодействиях на всех уровнях, так как является основным системообразующим фактором в системе "человек-человек", "группа-группа", "личность-группа" и т.д. Система "учитель-ученик" в этом в этом ряду является частным случаем системы "человек-человек", но при этом, имеющим свою специфику, собственные феноменологические характеристики. Очевидно, что роль доверия в этой системе исключительно велика, потому что доверие выполняет фундаментальные функции во всех видах взаимодействия людей.

Как известно, любое взаимодействие людей, в т.ч. и педвзаимодействие может выступать в двух основных формах: Субъект-объектной (когда педагог "формирует" личность ученика относительно неких заранее определенных эталонов, которые чаще всего не соответствуют сущностным характеристикам личности ребенка и тогда развитие школьника сводится к его формированию. И, во вторых, S-S форма взаимодействия, когда педагог включает во взаимодействие в свое "личностное пространство", "личностное пространство" ученика, не изменяя при этом его сущностных характеристик, которые и развиваются в этом взаимодействии.

Наличие первого или второго вариантов взаимодействия предполагает доверие, ибо доверие - условие любого человеческого общения. Но это доверие в первом и во втором случае, как бы по-разному распределено. Тот или иной вариант взаимодействия будет порождаться не только и не столько мерой доверия учителя к ученику или ученика к учителю, сколько мерой соотношения между доверием к себе и доверием к ученику у учите-

ля как главного инициатора взаимодействия в подсистеме и у ученика как субъекта саморазвития. Порождение S-S отношений возможно только тогда, когда отношение к другому и к себе строится на признании педагогом ценности собственной личности и одновременно ценности личности ученика, что и определяется мерой доверия педагога к себе и к ученику. Только педагог, имеющий органичное (равноценностное) соотношение между мерой доверия к себе и к ученику, выражающееся в отношении к себе и к нему как к ценности, способен породить S-S форму взаимодействия.

Однако, S-S характер взаимодействия в системе "учитель-ученик" предполагает наличие взаимодоверия в этой системе. Поэтому педагог, имеющий гармоничное соотношение между доверием к себе и к ученику, презентуя в доминирующем стиле взаимодействия доверие к существенным характеристикам личности школьника порождает уже доверие ученика к педагогу. Только в этом случае мы имеем действительно S-S характер взаимодействия в системе "учитель-ученик", в которой каждый оказывается активным участником этого взаимодействия, изменяясь сам и изменяя другого. Эти динамические изменения происходят и с мерой доверия к себе ученика. В проведенных исследованиях нами было эмпирически доказано, что доверие к себе у школьников формируется только благодаря делегированию ему доверия значимым взрослым.

Созданные условия S-S характера взаимодействия для развития личностного потенциала школьника, его активное участие в этом в конечном итоге ведет к повышению меры доверия к себе ученика, что, в свою очередь, будет позитивно влиять не только на творческую преобразующую деятельность самого ученика, но и на развитие его личностного потенциала в самом широком смысле слова. Таким образом, соотношение меры доверия к себе и к ученику у педагога инициирует трансформацию S-O характера взаимодействия в S-S.

Однако, реальность такова, что многие педагоги не способны на отношение к любому ученику как к ценности и в этом случае возникают деформации во взаимодействии системы "учитель-ученик". В частности, нами эмпирически было показано, что авторитарный стиль взаимодействия, как правило, порожден одним из следующих обстоятельств: учитель либо абсолютизирует доверие к себе в ущерб доверия к ученику, либо компенсирует низкий уровень доверия к себе, недоверием к другим людям, в том числе и к ученику. Такая дисгармония в доверительных отношениях, как раз и является одним из факторов порождения S-O, а личностная ценность ученика подменяется ценностью результатов его деятельности. При этом, главным оказывается соответствие этих результатов ожиданиям учителя. Другая форма деформации доверительных отношений заключается в снижении у учителя доверия к себе. При этом, стратегию взаимодействия с учеником можно назвать, стратегией избегания, так как она строится на стремлении обезопасить себя от любых негативных последствий взаимо-

действия с людьми, в том числе и с учениками. При этом, как показали исследования, главным критерием оценки является соответствие деятельности ученика общепринятым стандартам. И в том и в другом случае о саморазвитии личности ученика в системе "учитель-ученик" говорить не приходится. Такие формы деформированных доверительных отношений являются благодатной почвой для различного рода манипуляций, в том числе и манипуляциями презентуемым, а не истинным доверием.

Мы считаем, что функции истинного доверия не ограничиваются только порождением S-S характера взаимодействия. Образно выражаясь, можно посадить семена, создать благоприятные условия и ждать урожая, а можно ускорить процесс созревания урожая, дополнительно удобряя и поливая почву. Таким образом, S-S характер взаимодействия не только порождает условия для активации творческого потенциала ребенка, но и создает условия для развития личности ребенка и становления его подлинной субъектности.

Одним из важнейших механизмов порождения этих процессов является авансирование доверием. Доверие, будучи авансированным, и выступая в роли способа социально-психологического воздействия, может определять стратегию поведения педагога в личностно-развивающем взаимодействии с учеником. В последнее время активно разрабатывается стратегия авансирования как стратегия личностно-развивающего взаимодействия. Данная концепция связывает эффективность личностно-развивающего взаимодействия с авансированием, подкрепляемым успехом "произведенным публично". Понятно, что в данном контексте речь идет об авансировании доверием, так как авансирование направлено, прежде всего, не на актуальные результаты деятельности ребенка, а на потенциальные, которым можно доверять только в виде аванса. Однако, стратегия авансирования доверием будет эффективной не всегда, а только в том случае, когда она направлена на формирование устойчивого позитивного отношения самого ученика к своим виртуальным возможностям.

Доверяя не актуальным возможностям воспитанника, а виртуальным, педагог тем самым, признает не только ценность личности воспитанника, но и ценность его потенциальных возможностей. Такое отношение к возможностям, которых еще реально не существует, приводит к тому, что для самого ученика его возможности становятся ценностью. Таким образом, происходит формирование фонда "я могу" ученика, который будет выполнять функцию мотивации активности личности в контексте концепции субъектности (Петровский, 1995). В русле этой концепции осознанное и переживаемое "я могу" и будет выступать в роли средства, детерминирующего саморазвитие личности, поэтому, авансирование доверием как способ социально-психологического влияния выполняет функцию стимуляции активности ученика в системе "учитель-ученик" и выступает в роли одного из механизмов саморазвития. Таким образом, презентуемое

ученику авансированное доверие есть внешний стимул (который по А.Н.Леонтьеву есть мотив-стимул), который позволяет влиять на внутренние детерминанты активности личности школьника, посредством которой и осуществляется сам процесс саморазвития. Это происходит потому, что для любого человека, в том числе и для школьника, важнейшим мотивом-стимулом является отношение к себе как ценности.

В этой логике становится понятно, что человек, авансирующий доверие (в данном случае учитель), признает ценность виртуальных возможностей школьника в конкретных видах деятельности (учебной, организаторской и т.п.), и тем самым актуализирует для ученика некоторые "зоны ближайшего развития". Эта идея в педагогической практике не нова, она хорошо проработана на практическом уровне в педагогических системах А.С.Макаренко (1958), Ш.А.Амонашвили (1984) и др. Однако, необходимо учитывать, что авансирование доверием как способ социально-психологического влияния также может выступать не только как средство интенсификации творческого развития личности, но и как средство манипуляции.

Итак, доверие имеет многочисленные формы проявления. Оно может служить как источником подлинного саморазвития личности и педагога и ученика, так и источником стагнации личностного роста, подавления истинного творческого потенциала личности, тем более, что в системе "учитель-ученик" очень многое зависит от выбранной стратегии воздействия учителя, как главного инициатора взаимодействия. К сожалению, ученики не выбирают учителей, так же, как и учителя не выбирают учеников. Однако, именно у учителя всегда сохраняется возможность выбора – это выбор форм, способов и методов построения отношений с учениками. Поэтому педагог всегда несет ответственность перед обществом за характер своего выбора.

Литература

Амонашвили Ш.А. Воспитательная и образовательная функция оценки учения школьников. М., 1984.

Антоненко И.В. Доверие: понятие, генезис, структура // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2015. - №2. - С.34-44.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.

Макаренко А.С. Соч. в 7 т. Т. 5. М., 1958.

Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990.

Петровский В.А. К психологии активности личности // Вопросы психологии, 1995, № 3.

Скрипкина Т.П. Психология доверия. М., 2000.

Скрипкина Т.П. Доверие в рекрутинговой деятельности как фактор эффективности управления человеческим ресурсом // Вестник Университета Российской академии образования. 2013. - № 3. - С. 8-17.

Хараш А.У. Принцип деятельности в исследовании межличностного восприятия // Вопросы психологии. 1980. - № 3. - С.20-31.
Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб.: Речь, 2000.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ

Сладкова О.Б.

Российский государственный аграрный университет им. К.А. Тимирязева, Москва

Рассматривается специфическая роль социально-информационных технологий в формировании знания о социокультурной среде. Раскрываются преимущества этого инструментария в познании социокультурной среды и управлении происходящими в ней процессами, а также ограничения в его применении.

Ключевые слова: социально-информационные технологии, социокультурная среда, количественные методы, социокультурные процессы, социокультурная динамика, управление культурными процессами.

INFORMATION TECHNOLOGY AS AN INSTRUMENT IN STUDYING OF CULTURAL PROCESSES

Sladkova O.B.

Russian state agricultural university, Moscow

The main object of this article is to research the specific role of social and information technology in forming the knowledge regarding sociocultural environment. The benefits of the above approach of learning of sociocultural environment, management of its processes as well as some of its limitations are revealed in the article.

Keywords: social and information technology, sociocultural environment, quantitative methods, sociocultural processes, sociocultural dynamics, management of cultural processes.

Любому типу культуры присущи статические и динамические процессы, устойчивые и изменчивые моменты. Устойчивость, прежде всего, связана с традициями, т.е. элементами культурного наследия, которые передаются из поколения в поколение в относительно неизменном виде, поддерживая целостность общественного организма. Но культура не может существовать, не обновляясь, поэтому в ней постоянно происходят изменения, связанные с творческой деятельностью человека в разнообразных сферах его социокультурной практики, в результате которой появляются новые феномены, создаются локальные и общекультурные ценности и т.д. Изучение социодинамики культуры имеет огромное значение для понима-

ния изменений, постоянно происходящих в обществе. Для отечественной культуры, богатой социальными переменами и потрясениями, исследование ее динамики во времени и пространстве во взаимосвязи с социальной организацией приобретает особенно важное значение (Пелипенко, 2004; Сладкова, 2007).

Различное соотношение традиций и обновления позволяет классифицировать общества на традиционные и либеральные. Однако для современного российского общества такая упрощенная классификация не совсем правомерна: российское общество не однородно. Его традиционная часть удовлетворена попытками сохранить устоявшийся порядок вещей, даже если власть применяет для этого авторитарные методы и манипулирует ее доверчивым сознанием. Либеральная же часть общества желает знать истинное положение вещей, быть равноправным с властью субъектом совместного исторического творчества и сопротивляется волюнтаристским действиям. В сущности, динамизм социокультурной среды созвучен мировосприятию современного человека: если в прежние времена сознание индивида ориентировалось на постоянные характеристики мира и собственного места в нем, то современный человек ощущает сопричастность к изменениям. Изменчивость становится самоценностью. Именно поэтому возрастает интерес к инструментарию, с помощью которого можно оценивать меняющуюся ситуацию, устанавливать тенденции развития объектов социокультурной среды, строить прогнозы и вырабатывать оптимальные управленческие решения, избегая, таким образом, взрывных процессов, прерывности и катастрофичности, характерных для отечественной истории, и помогая сохранить при этом определенную культурную преемственность.

Такой инструментарий предлагает информационное общество в виде социально-информационных технологий. Социально-информационные технологии (СИТ) можно определить как совокупность способов решения практических задач, заключающих в себе систему познавательных процедур и практических действий, реализуемых с помощью средств информационной деятельности, и направленных на изменение социокультурных объектов в соответствии с заданными целями и оптимизацией человеческих ресурсов в достижении конкретного результата. Конкретно под СИТ подразумеваются технологии маркетинга, информационной аналитики, мониторинг и др. Технические и технологические достижения информационного общества обеспечивают применению этих технологий массовый охват аудитории, практически безграничное распространение информации в пространстве и во времени. Использование технических средств оказывает влияние на процесс познания, заставляя и исследователя, и реципиента мыслить другими категориями, меняя их взгляды на действительность, приводя к "машинизации" сознания и одновременно фиксируя этот процесс (Антопольский, 2002; Лопатина, 2014; Сляднева, 2003).

«Машинизация», дегуманизация социокультурной среды являются теми основными причинами, ограничивающими использование СИТ как инструмента исследования социокультурного пространства, и невнимательного, а порою высокомерного отношения культурологов к СИТ как к феномену социокультурной среды, требующему подробного изучения. В определенной степени такая ситуация объясняется специфичностью социокультурного пространства как объекта исследования. Эта специфичность проявляется, прежде всего, в том, что исторически в социокультурном познании раскрытие причин явлений и поиск истинности знания происходил под влиянием интуитивной сферы за долго до того, как появились научные теории, пытающиеся объяснить закономерности социокультурного развития. Детерминанта интуитивного знания, основанного на обыденном сознании, сказывается и сегодня в выборе методов постижения социокультурной реальности. А поскольку в обыденном сознании отсутствует четкое разграничение познавательного и ценностно-оценочного отношения к действительности, особую роль приобретают ценностные позиции исследователя, сформированные помимо других составляющих и обыденным сознанием, довлеющим над исследователем помимо его воли. Это, несомненно, влияет на процесс познавательной деятельности. В социокультурном познании огромную роль играет личность исследователя, его академические знания, исследовательский опыт, интуиция, общий культурный уровень. Такая субъективизация познания может иметь как положительные, так и отрицательные последствия, от гениальных прозрений до дезориентирующих пророчеств.

Кроме того, само содержание социокультурного знания рассчитано на то, что оно должно быть воспринято не только группой специально подготовленных людей, но обществом в целом. Отсюда следует тривиализация социокультурного познания и отсутствие в нем установки на жесткие критерии, характерные, например, для естественнонаучного познания.

Представляется, что культурологи, ограничиваясь такими методами познания как абстрагирование, идеализация, типологизация, сравнение, включенное наблюдение искусственно обедняют исследовательский аппарат, а абсолютизация уникальности, неповторимости социокультурных явлений приводит к описательности и субъективизму в процессе познания культурной реальности. Это положение становится все более заметным в эпоху информатизации, когда социальное познание испытывает мощную интервенцию со стороны естественнонаучного знания, как бы примеряя стандарты, эталоны и идеалы научности. Влияние естественного знания, техники и особенно информационных наук стимулирует в социальных науках стремление к большей точности, строгости анализа использования количественных методов, что приводит к раскрытию ранее не замечавшихся исследователями сторон явлений и процессов культурной практики. В этом контексте следует воспринимать появление СИТ. Причем, желание

или нежелание культурологов принимать или отвергать этот инструментарий не может повлиять на объективное существование СИТ и активное использование их в социокультурной практике. Применение социотехнологий можно считать глобальной тенденцией современности, поэтому перед исследователями стоит задача осмысления позитивных и негативных последствий технологизации культурного пространства в ракурсе соотношения теоретического и эмпирического знания.

Эмпирические данные, полученные и обработанные с помощью СИТ, имеют отношение к объяснению теоретической деятельности вообще, и в культурологии в том числе:

- наличие их в арсенале исследователя способствует выработке более богатых мыслительных образов соответствующих объектов;
- они позволяют представить составные части и основные характеристики изучаемого объекта,
- помогают вводить в научный оборот новые, часто междисциплинарные понятия,
- оперирование фактическими количественными сведениями позволяет двигаться в познании от конкретных проявлений к сущности и от сущности к ее частным случаям,
- данные, полученные эмпирическим путем, дискредитируют чисто спекулятивный подход,
- использование фактических данных позволяет добиваться согласованности теорий с массой накопленных фактов,
- полученные эмпирические данные позволяют моделировать процессы, происходящие в социокультурном поле,
- на основе эмпирических данных строятся научные прогнозы и принимаются управленческие решения, помогающие избегать кризисных ситуаций,
- методики получения фактических данных вносят вклад в правила и процедуры исследования,
- показатели, шкалы, рейтинги, в частности являющиеся инструментарием мониторинга, могут иметь собственное теоретическое и практическое значение.

Применение СИТ для изучения социокультурных объектов создает для исследователя условия эмоциональной нейтральности. Это важно, так как в социальных науках в целом и в культурологии в частности познавательное отношение к действительности переплетается с оценочным к ней отношением. Объекты культурологического познания выступают как ценности, т. е. имеют и для исследователя, и для воспринимающего результаты исследования общества человеческое, культурное, нравственное, эстетическое значение. Это делает нейтральность познания почти не возможной. Использование СИТ как формальных методов открывает свободное от авторитетов, школ, идеологий и других факторов поле для исследования.

Вместе с тем существуют определенные трудности в применении СИТ:

- в большинстве случаев СИТ используются для решения конкретной задачи, а не для получения фундаментальных знаний об объекте исследования;

- в социокультурной среде сложно создать контролируемые условия, которых СИТ обычно применяются,

- применение СИТ предполагает моделирование реальной ситуации, т. е. выделение только тех сторон в характеристике объекта, которые соответствуют задачам данного исследования, а значит, заведомо обедняют действительную картину,

- вследствие уже упомянутой формализации реальной действительности применение СИТ может быть сопряжено с потерей ценной информации, искажением смыслов и значений фактических данных,

- наконец, СИТ может выступать инструментом манипуляции общественным сознанием.

Итак, СИТ не претендуют на роль идеального исследовательского инструментария социодинамических процессов, происходящих в российской культуре, но без них происходит отрыв теории от социальной реальности, даже схоластическое ее вырождение. Кроме того, культурологи не в праве пренебрегать СИТ как феноменом отечественной культурной среды, имеющим глубокое влияние на наших современников.

Литература

Антопольский А.Б. Мониторинг информационных ресурсов России // Информационные ресурсы России. 2002. - № 5. - С.9-16.

Лопатина Н.В. Современная информационная культура и информационные войны // Научно-техническая информация. Сер.1. 2014. - №7. - С.1-4.

Пелипенко А.А. Смыслогенетическая концепция культуры // Обсерватория культуры. 2004. - № 4. - С. 4-10.

Сладкова О.Б. Количественные методы в исследовании социокультурного пространства // Личность. Культура. Общество. 2007. - Вып. 3. - С.113-124.

Сляднева Н.А. Социально-кибернетические механизмы гомеостатического регулирования социума // Социальная философия и проблемы современного общества (Материалы «круглого стола»). Ч.1. М.: МГУКИ, 2003. - С.49-56.

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РУССКИХ В РЕТРОСПЕКТИВНОМ КОНТЕКСТЕ

Степанова Г.С.

Воронежский государственный педагогический университет, Россия

В статье представлены результаты сравнительного исследования особенностей этнокультурного самоопределения поколенных групп. Прослеживается динамика феномена с точки зрения взаимосвязи исторической и поколенной детерминации. Доказывается гипотеза об отражении в поколенных изменениях идентичности не только возрастных, но и исторических событий.

Ключевые слова: этнокультурное самоопределение, поколение, исторический контекст, ретроспективный контекст, преемственность.

THE ANALYSIS OF THE PECULIARITIES OF ETHNOCULTURAL SELF-DETERMINATION OF RUSSIANS IN RETROSPECT

Stepanova G.S.

Voronezh State Pedagogical University, Russia

*Исследование проведено при поддержке РГНФ и Правительства
Воронежской области, проект № 15-16-36003 а/р*

The article presents the results of comparative studies of ethnocultural self-determination of the generational groups. The phenomenon dynamics is traced from the point of interrelation of historical and generational determination. A hypothesis is supported, under which not only age but also historical events are reflected in the generational changes of personality.

Keywords: ethnocultural self-determination, generation, historical context, retrospective context, succession.

Социально-политические преобразования в российском обществе в значительной степени отражаются на содержании как гражданской, так и этнической, или национальной идентичности россиян и русских в первую очередь как национального большинства. Можно утверждать, что состояние этнической идентичности национального большинства России показывает этнокультурный потенциал и будущее развитие России как гражданского общества.

В современном мире важное значение приобретает проблема становления однозначной, стабильной национальной самоидентификации как на уровне личности, так и на уровне общности. А.Гусев, ссылаясь на Э.Гидденса, отмечает, что вопрос "Кто мы?" становится запутанным, но

все еще требует четкого ответа (Гусев, 2009). Отсутствие ответа приводит к своеобразному «неврозу идентичности» или усилению ее противоречивости (Симонян, 2011).

В последние два десятилетия в обществе наблюдался динамичный переход от советской надэтнической идентичности российских граждан к собственно этнической. Одновременно, в условиях незавершенного процесса этнической идентификации был взят идеологический курс в направлении конструирования общегражданской идентичности россиян. В последнее время все чаще употребляются как синонимы понятия «русский» и «россиянин», что вызывает целый ряд вопросов не только у русских, но и у представителей других национальностей, проживающих в России. В обиход входит словосочетание «русский мир». Трактовка его весьма расплывчата. И.А.Зевелев, например, отмечает, что русский мир включает в себя всех, кто тяготеет к полю русской культуры (Зевелев, 2009).

Этническая идентичность является структурным феноменом, включает в себя содержательный, эмоциональный и поведенческий компоненты. При безусловной важности всех составляющих, интерес представляет содержательный, или когнитивный компонент, представленный этнонимом (самоназванием), этностереотипами (представлениями об особенностях как своей, так и других этнических общностей) и системой этноинтегрирующих признаков, или признаков, на основании которых человек относит себя к этнической общности. Содержание этноинтегрирующих признаков показывает ценностные аспекты отнесения себя к этносу.

Сегодня на уровне массового сознания происходит определенная ценностная борьба между сторонниками этнической самоидентификации на основе личностного самоопределения («я считаю себя русским, потому что я чувствую себя таковым») и последователями традиционных взглядов на определение национальной принадлежности по «кровному» принципу, или по происхождению. Необходимо отметить, что проблема эта не нова. Так, еще Д.Н. Овсяннико-Куликовский указывал, что национальность – есть явление по преимуществу интеллектуального порядка. Поэтому интеллигенция полнее других слоев населения выражает национальную «подоплеку» (Овсяннико-Куликовский, 1921). Современные исследования также обнаруживают определенную зависимость между уровнем образования и особенностями национального самоопределения (Климов, 1995).

На наш взгляд, содержание этноинтегрирующих признаков показывает степень рефлексивности национального самоопределения и потенциал интеграции в единую гражданскую общность. При этом, учитывая уже обозначенные выше динамичные процессы этнокультурной переидентификации, актуальным является исследование особенностей национального самоопределения в ретроспективном контексте, или в процессе сравнения, например современного молодого поколения и молодого поколения, социализация которого пришлась на девяностые годы прошлого столетия.

Кроме того, актуально сравнение особенностей этнокультурного самоопределения различных поколений, живущих в современный период. При этом важно обеспечить преемственность указанных контекстов.

Реализация в научном исследовании принципа преемственности должна учитывать две переменные: поколенную и историческую, или ретроспективную. Поколенная переменная предполагает сравнение проявления феномена у различных поколений, живущих в одно и то же время. Историческая переменная предполагает сравнение одного и того же поколения, но наблюдаемого в разные временные периоды (например, в современный период и в период начальных этапов его социализации), что требует организации длительного, многолетнего исследования. При этом обе переменные рассматриваются во взаимосвязи, т.к. поколение можно определить как группу людей, социализация которого происходила под влиянием исторических событий, экономических и культурных условий, что определяет общность и сходство некоторых личностных характеристик в результате общего для данного поколения социального опыта. Поколение «несет» в себе историю.

Проиллюстрируем вышеуказанный принцип авторским исследованием особенностей этнокультурного самоопределения поколенных групп, в котором сравнивались результаты исследования идентичности русских в 1998 и в 2014 годах. Отметим, что исследование предполагало включение в выборку представителей разных национальностей, но в силу особенностей региона, была сформирована однородная группа, представленная русскими. Испытуемым предлагалось проранжировать по авторской шкале набор этноинтегрирующих признаков в зависимости от их роли в процессе национального самоопределения. Предлагаемые признаки были выделены в результате свободного опроса большого массива студентов и старшеклассников в 1998 г. Выбор студенческой группы в качестве молодого поколения объясняется тем, что студенты – это будущая интеллигенция, а важность сохранения культурной самобытности России всегда в первую очередь отражалась интеллигенцией. На первом этапе исследования сравнивались выборочные результаты опросов в 1998 и в 2014 годах равных по количеству молодежных групп в возрасте 18-20 лет, рассматриваемых нами как молодое поколение (учащиеся младших курсов ВГПУ по 75 человек в группе). На втором этапе сравнивались результаты исследования студенческой группы в 1998 году и результаты исследования поколенной группы 35-40-летних в 2014 году (72 чел.). Сравнение таких групп объясняется их взаимосвязью. Фактически, современное поколение 35-40-летних – это поколение 18-20-летних в 1998 г. И на третьем этапе осуществлялось сравнение особенностей этнокультурного самоопределения современных поколенных групп, включая старшее поколение в возрасте 55-70 лет (73 чел.). Нас в первую очередь интересовало содержание этноинтегрирующих признаков. Обобщенные результаты приведены в таблице.

Таблица. Содержание этноинтегрирующих признаков в структуре этнической идентичности поколенных групп (среднее значение ранга)

№	Содержание признака	Студенты 1998г.	Студенты 2014г.	Среднее поколение 2014 г. (35-40лет)	Старшее поколение 2014г. (55лет и старше)
1.	Родной язык	2,19	3,1	2,57	2,16
2.	Единство происхождения (общая история)	3,7	2,97	3,95	2,7
3.	Совместное проживание (общая территория)	4,96	4,37	5,33	3,84
4.	Обряды, традиции, обычаи	4,03	4,39	4,64	5,5
5.	Характерные особенности внешности	5,96	4,7	6,15	7,0
6.	Религия	4,95	5,55	3,97	3,96
7.	Национальная культура (литература, музыка, живопись)	6,12	6,06	5,43	5,45
8.	Национальность родителей	5,64	6,2	6,64	4,76
9.	Чувство духовной общности, понимание	5,1	5,7	5,27	5,76
10.	Особенности поведения, привычки, потребности	6,7	6,8	6,89	7,39

Из таблицы видно, что наиболее выраженными этноинтегрирующими признаками во всех экспериментальных группах являются родной язык и единство происхождения, или общая история. Для старшего поколения в большей степени значим такой фактор, как совместное проживание. Значение фактора религии несколько выше у средней и старшей группы, но различия со студенческими группами статистически не значимы. Национальность родителей не относится к ведущему фактору национального самоопределения во всех группах, хотя в старшей группе он более выражен (различия значимы, $t=4,2$). Любопытно, что испытуемые всех групп не придают значения общим особенностям поведения, привычкам, потребностям, а также чувству духовной общности и пониманию как этноинтегрирующим признакам. Необходимо отметить, что сравнение результатов с данными студентов, не отнесших себя к русской национальности (не иностранцами), несмотря на небольшую выборку (32 чел.) показало более высокую значимость кровнородственного фактора. Признак «национальность

родителей» у этих испытуемых находился на втором месте по значимости после «родного языка».

На основании полученных данных, возникает вопрос: являются ли особенности национального самоопределения русских результатом социально-политических трансформаций в России в последние десятилетия, или можно найти более глубокие исторические аналогии? Обращаясь к истории, можно обнаружить, что во время первой Всероссийской переписи населения в 1897 г. в опросных листах присутствовали вопросы о вероисповедании, родном языке, семейном положении, месте рождения и т.д., но отсутствовал прямой вопрос о национальности. Его подменял вопрос о родном языке. Причем, носители «русского» языка делились на говорящих на «великорусском», «малорусском» и «белорусском» (Дубовицкий В.В., 2008). Кроме того, для определения национальности нередко пользовались такими признаками как сословие, религия и т.д. Т.е. от населения, фактически, не требовалось собственно самоопределение по национальному признаку. Определение осуществлялось по ряду объективных признаков. Можно предположить, что преобладание формальных признаков в этнокультурном самоопределении и слабая выраженность «кровного» фактора расширяет основания отнесения себя к конкретной общности, делает психологические границы этнической общности более «прозрачными», что объясняет, в частности, ассимилятивный механизм формирования общности.

Литература

Гусев А. Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации пространственных перемещений // Социологическое обозрение. Том 8. - № 2. - 2009. - С. 72–79.

Дубовицкий В.В. Национальная идентичность русской диаспоры как элемент сохранения исторической России. 2008. URL: Russkie.org.

Зевелев И.А. Будущее России: нация или цивилизация? // Россия в глобальной политике. 2009. № 5. URL: globalaffairs.ru.

Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. МГУ, 1995.

Овсяннико-Куликовский Д.Н. Психология национальности. Пг., 1921.

Симонян Р.Х. Истоки нынешнего массового настроения в России // Социология власти. 2011. - № 7. - С. 20-32.

ЭМПАТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, РАБОТАЮЩИХ НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ ОБРАЗОВАНИЯ В СЕРБИИ

Стойилькович С., Стоянович А., Джигич Г.
Университет Ниша, Сербия

Цель исследования состояла в том, чтобы рассмотреть уровень эмпатии преподавателей на различных уровнях образования и выяснить, есть ли какие-либо различия между учителями начальных школ, препода-

вателями средних школ и университетов в Сербии. Выборка исследования состоит из 120 преподавателей, в возрасте от 24 до 64 лет. Следующая шкала была использована для измерения сочувствия: IRI – Межличностный реакционный индекс (Davis, 1980). Результаты показывают, что все учителя имеют в среднем умеренный уровень сочувствия (эмпатии). Учителя начальной школы показывают более высокий уровень эмпатии, чем другие преподаватели. Результаты обсуждаются в свете сложных профессиональных ролей преподавателей.

Ключевые слова: эмпатия, учитель, преподаватель, профессор университета, профессиональные роли.

EMPATHY OF TEACHERS AT DIFFERENT LEVELS OF EDUCATION IN SERBIA

Stojiljković S., Stojanović A., Djigić G.
University of Niš, Serbia

This paper was created as a part of the project No.179002D Indicators and models of harmonizing family and work roles, financed by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia

The purpose of the study was to determine level of teachers' empathy and to find out if there are any differences between teachers employed in elementary, secondary and higher education institutions in Serbia. The research sample consists of 120 teachers, aged 24 to 64 years. Empathy is measured by IRI – Interpersonal Reactivity Index (Davis, 1980). Results show that teachers in general have moderate level of empathy. Elementary school teachers show higher level of empathy than the others, particularly in ability for perspective taking and empathic concern. Findings are discussed in the light of teachers' complex professional roles.

Keywords: empathy, elementary school's teachers, secondary school's teachers, university professors, professional roles.

Introduction

The development and prosperity of modern society largely depends on the educational system of a country. There is general consensus that the teacher is a constitutive element of educational activities and a key factor in the effectiveness of the educational process. Teacher has great responsibility at all levels of education, not only as a transmitter of knowledge but also as a person who should meet other complex professional roles (Harden & Crosby, 2000). The National Educational Council of Serbia adopted in 2011 document Competency standards for the profession of teachers and their professional development, which emphasizes that the teacher should possess the following four types of competences: 1. knowledge of subject and teaching methodology, 2. the ability

to teach others and to teach them to learn, 3. support the development of students' personality, 4. competence for communication and cooperation. The teacher needs to create an appropriate climate for learning and to encourage the development of the student's capacity which enables high academic achievement (Djigić & Stojiljković, 2011). Teacher also presents the values system of the community and could be a model for imitation and identification for pupils what is very important to be aware of. So whether he wants to or not, teacher - as the agent of educational process - participates into social, emotional and moral development of their students (Stojiljković, 2014).

Empathy - important characteristic of teachers

Given that teaching involves the interaction of teachers and students, it is clear that a good teacher should be competent in communication. Communication competence can be defined as a person's ability to choose the appropriate communication behavior that will lead to achieving the goal of social relations. Communication competent teacher is flexible and can adapt to the circumstances, he manages the social situation, have adequate expectations and is ready to work in a team (Stojiljković, 2014). All this is possible due to a developed capacity for empathy of teachers.

The concept of empathy can be understood in several ways but the definitions depend on what some authors consider the most important component of empathy. Definitions cover a broad spectrum, ranging from caring for other people and having a desire to help them (Hoffman, 1978), to experiencing emotions that match another person's emotions, to knowing what the other person is thinking or feeling (Davis, 1980). Empathy also means to be preoccupied by the thoughts and feelings of other people, putting oneself in their place, trying to think like them. In general, there are two main components of empathy. The first one is its cognitive component (understanding the others feelings and the ability to take their perspective), the second one is the affective component (an observer's appropriate emotional response to another person's emotional state).

Radovanović (1993) states that the empathic responsiveness of teachers is very important in realization of their complex professional roles. He pointed that teacher responds empathically to: 1. the feelings of the pupils, 2. people and events related to the environment in which the student lives, 3. on student behavior pattern, 4. on the student's concept of oneself, 5. to student's expectations in relation to their own results. Numerous studies showed that empathy of teachers contributes to creating a positive atmosphere in the classroom, good communication between the participants of the educational process, and thus to the academic achievement of students (Handly, 1973; Harden & Crosby, 2000; Morgan, 1977). Recent research findings in Serbia also suggest that the empathy is one of key teacher's capacities that contributes its professional performance and enable building of such atmosphere in the classroom which makes each student to feel involved, respected and understood (Bjekić, 2000; Radovanović, 1993;

Stojiljković, Djigić & Zlatković, 2012). This is the reason why we have decided to investigate teachers' empathy.

Method

The purpose of the study was to determine level of teachers' empathy and to find out if there are any differences between teachers employed at different levels of education in Serbia.

To be precise, the research goal was to examine whether there are differences in the level of empathy between teachers working in elementary school, secondary school and university professors. The answer to this question we were interested in, because there are some specifics in terms of educational outcomes at different levels of education despite the fact that there are common characteristics of the teaching profession in general.

Participants. The research sample consists of 120 teachers (40 teachers working in elementary schools, 40 subject teachers from secondary schools, and 40 university professors from Nis, Belgrade, Novi Sad, and Kragujevac). Both genders are included (53 males and 67 females), aged 24 to 64 years. Their formal education level is: 7.5% high school, Bachelors 63.3%, MA 6.7%, PhD 22.5%.

Instruments and measures

IRI – Interpersonal Reactivity Index (Davis, 1980) - consisted of four 7-items scales in Likert format intending for measuring two cognitive and two affective aspects of empathy:

Perspective Taking (PT) - ability of spontaneous acceptance of others point of view, which does not mean giving up ones own point of view (cognitive),

Fantasy (FS) - the tendency to immersion in feelings, intentions and actions of imaginary people, the ability to identify with them (cognitive),

Empathic Concern (EC) - ability to experience feelings of concern and sympathy for the misfortune and hardship of others people (affective),

Personal Distress (PD) - tendency to experience distress in response to the discomfort and misery of others (affective).

Internal consistency as a measure of reliability of this instrument was good enough (Cronbach's Alpha coefficient for IRI total was 0.78).

Results

Table 1. LEVEL OF EMPATHY IN TEACHERS' SAMPLE

	N	Min	Max	AS	SD
IRItotal (Empathy)	120	54.00	124.00	89.67	11.82
PT (Perspective taking)	120	16.00	35.00	25.06	3.62
FS (Fantasy)	120	9.00	32.00	21.61	4.24
EC (Empathic concern)	120	13.00	32.00	19.96	3.66
PD (Personal distress)	120	11.00	35.00	23.03	4.67

IRI range of scores is 28 to 140 and mean score in the whole sample was AS=89.67 which indicated a moderate level of empathy of teachers. Among the

four aspects of empathy, teachers have the highest score on the Perspective taking, which represents its cognitive component. This result is in accordance with our expectations and previous findings in Serbian samples (Bjekić, 2000; Djigić & Stojiljković, 2011; Stojiljković, Djigić & Zlatković, 2012).

In order to examine whether there are statistically significant differences in the level of empathy between the three groups of teachers, analysis of variance procedure was applied followed by post hoc test (table 2). The obtained results shows that subsamples of teachers differ to some extent and further will be pointed out the most important findings.

Table 2. DIFFERENCES IN LEVELS OF EMPATHY BETWEEN ELEMENTARY SCHOOL, SECONDARY SCHOOL AND UNIVERSITY TEACHERS (POST HOC TEST)

	Working position	AS	Working position	AS	Sig.
IRI total Empathy	elementary school	95.16	secondary school	88.24	.007*
	elementary school	95.16	university	85.56	.000*
	secondary school	88.24	university	85.56	.287
PT Perspective taking	elementary school	26.56	secondary school	24.66	.016**
	elementary school	26.56	university	23.96	.001*
	secondary school	24.66	university	23.96	.369
FS Fantasy	elementary school	22.44	secondary school	21.29	.228
	elementary school	22.44	university	21.06	.150
	secondary school	21.29	university	21.06	.813
EC Empathic concern	elementary school	21.53	secondary school	19.84	.034**
	elementary school	21.53	university	18.49	.000*
	secondary school	19.84	university	18.49	.086
PD Personal distress	elementary school	24.63	secondary school	22.43	.034*
	elementary school	24.63	university	22.03	.012**
	secondary school	22.43	university	22.03	.697

Elementary school teachers show higher level of empathy than secondary school teachers and university professors.

The significant differences were found in regard to the expression of both affective aspects of empathy, as well as regarding their ability to put themselves in the place of others.

There is no difference between subsamples in regard to fantasy and teachers' ability to identify with imaginary characters.

There is no difference between secondary school teachers and university professors in the total level of empathy as well as in respect of certain of its components.

Conclusions

The obtained results on the entire sample show that teachers in general have moderate level of empathy, which could be considered as precondition for

appropriate communication with students, creating stimulating classroom climate and fostering students' academic achievement and personal development.

Elementary school teachers show more developed empathic sensitivity than subject teachers and university professors. Capacity for perspective taking and empathic concern, more developed in elementary school teachers comparing to others, should be particularly emphasized. This finding indicates that elementary school teachers possess higher ability to put themselves in the place of pupils and thus could improve the quality of their mutual relations. Perhaps more importantly, it could be concluded that they show concern for welfare of their pupils and willingness to support their socio-emotional development. Higher empathy capacities of elementary school teachers could be connected with the age of their students as well. They work with the youngest who need greater teachers' support. To be able to answer to pupils' need, teachers should develop their own empathic abilities. Being aware of that, they are likely to pay more attention to the development of their own empathy (in comparison with teachers working with older students).

Generally, findings speak in favor of teachers' competences for complex educational roles. More broadly, research findings indicate that there is a reason to believe in pro-social orientation of the representatives of teaching profession that belongs to the so-called helping professions. However we are aware that the empathic sensitivity is only one of the prerequisites of pro-social behavior and should be viewed in the wider context of teacher personality.

References

Bjekić, D. Profesionalni razvoj nastavnika (Teachers' professional development), Užice: Učiteljski fakultet, 1999.

Bjekić, D., Uspešnost u nastavi i empatija nastavnika (Success in teaching and teacher empathy). *Psihologija*, 2000. - 33, 3-4. - 499-520.

Davis, M. (1980). A multidimensional approach to individual differences in empathy. Retrieved Jun 22, 2014, http://www.uv.es/~friasnav/Davis_1980.pdf

Djigić, G. & Stojiljković, S., Classroom management styles, classroom climate and school achievement, *Procedia - Social and Behavioral Sciences Journal*, 2011, 29, 819-828. doi:10.1016/j.sbspro.2011.11.310

Handly G.D., Personality, learning and teaching, London and Boston: Routledge & Kegan Paul, 1973.

Harden, R.M. & Crosby, J.R., The good teacher is more than a lecturer – the twelve roles of the teacher, *Medical Teacher*, 2000. - 22(4): 334-347.

Hoffman, M., Developmental synthesis of affect and cognition and its implications for altruistic motivation. *Developmental Psychology*, 1978. – 11. - 607-622.

Morgan, S. R., Personality variables as predictors of empathy, *Behavioral Disorders*, 1977. - Vol. 2. - No.2. - 89-94.

Nacionalni prosvetni savet Republike Srbije. Standardi kompetencija za profesiju nastavnika i profesionalni razvoj nastavnika, 2011 (Competency standards for the profession of teachers and their professional development) http://www.zuov.gov.rs/attachments/132_standardi-nastavnika_cir.pdf

Radovanović, V., Empatičnost srednjoškolskih nastavnika (Empathy of secondary school teachers). Psihologija, 1993. - Vol. 26. - 1-2, 11-50.

Stojiljković, S., Djigić, G. & Zlatković, B., Empathy and teachers' roles, Procedia - Social and Behavioral Sciences 2012, 69, 960-966. doi: 10.1016/j.sbspro.2012.12.021

Stojiljković, S., Psihološke karakteristike nastavnika (Psychological characteristics of teachers). Niš: Filozofski fakultet, 2014.

РАССМОТРЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОДЕЖДЕ ЭЛЕМЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ

Темирева К.А.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

В работе представлены результаты теоретического и эмпирического исследований современного уровня этнической толерантности у граждан Российской Федерации. Данные, полученные эмпирическим путем, свидетельствуют о достаточно позитивном отношении современных людей к использованию разнообразных этнических элементов современной модной индустрией, то есть о достаточно позитивном уровне терпимости в отношении внедрения различными дизайнерами разнообразных культурных составляющих, включающих совокупность элементов разных этносов, а также о явной готовности если не всеми, то большинством людей применять подобные практики в своей жизни.

Ключевые слова: этническая толерантность, стрессогенная ситуация, стереотипы, молодежь, модная индустрия.

CONSIDERATION OF ETHNIC TOLERANCE THROUGH THE PRISM OF CONTINUITY OF USING ELEMENTS OF VARIOUS CULTURAL COMPONENTS IN MODERN CLOTHES

Temireva K.A.

Moscow State University of Design and Technology, Russia

This article presents the results of theoretical and empirical researches of modern level of ethnic tolerance among the citizens of the Russian Federation. Results that were received by the empirical way confirm about enough positive

attitude of modern people to using various ethnic elements by modern Fashion-industry. It means that people have quite positive level of tolerance about introduction by different designers' various cultural components, which include set of plurality of elements of different ethnic groups. Results show also the obvious readiness by the majority of individuals to apply similar practices in their own lives.

Keywords: ethnic tolerance, situation of a high tension, stereotypes, young people, Fashion-industry.

Реальная практика современной жизни, нынешняя стрессогенная ситуация как в России, так и во всем мире в целом, связанная с такими составляющими как экономика, внешняя политика, терроризм и прочее, составляют различных исследователей, а также простых обывателей все больше обращать к проблемам этничности, этнической толерантности и прочее.

Этническая толерантность, как некое терпимое отношение к иному мировоззрению, образу жизни, поведению, обычаям и традициям других людей, являет собой, как факт, одну из важнейших характеристик межэтнических отношений как таковых. В настоящее время можно говорить о множестве различных социально-психологических факторов, связанных с процессом межэтнического взаимодействия (Гулякова, 2010, с.69-73), но самым интересным и значимым для нас представляется такой фактор, как стереотипы. Этнический стереотип, на наш взгляд, занимает особое место среди прочих факторов, способных определить характер и уровень межэтнических коммуникаций. Стереотипом, как факт, можно обозначить в данном контексте некую психологическую реальность, определяющую устойчивые межэтнические отношения через субъективное восприятие происходящих событий, действий, поступков людей и прочее. Становление этнического стереотипа достаточно длительный исторический процесс (Стороженко, 2010, с.188-190). Однако зачастую, он может присваиваться индивидом вне учета исторического контекста и в независимости от реального опыта личного общения с представителями того или иного этноса, что, в свою очередь, при отрицательной окраске может иметь достаточно негативные последствия.

Воспитание, образование, уровень интеллектуального развития, адекватное восприятие общественного мнения и правильная, корректная интерпретация получаемой информации через средства массовой информации – именно те аспекты, которые необходимы индивиду как для усвоения общественных норм и ценностей, так и для личностного приобщения к элементам собственной культуры, с дальнейшим формированием стереотипных мнений о представителях иных этносов с совершенно иными культурными установками.

Поступательное развитие всего социума в целом, корректное и конструктивное взаимодействие его членов с различными ценностями и ориентациями, предоставление другим людям права на жизнь в соответствии с их собственным мировоззрением и представлениями, может быть достигнуто, на наш взгляд, путем выработки норм толерантного поведения и навыков межкультурного взаимодействия (Логунов, Гордеева, Медушевский, 2013).

Формирование данных установок имеет, как нам представляется, особую актуальность в нынешнее время для всего современного общества. Но важно заметить, что уровень толерантности - достаточно подвижный процесс. Иными словами, при изменении социальных условий, повешении уровня стрессогенности или же отсутствии напряженности в обществе, снижении или повышении уровня культуры, изменении социального статуса «иног», его адаптации к среде и прочее, уровень толерантности индивидов, а также уровень их не приемственности к другим канонам и устоям может достаточно явно меняться, становясь значительно выше и наоборот (Анциферова, 2007).

В рамках рассматриваемой темы, нами были проанализированы полученные эмпирическим путем данные репрезентативных опросов 1600 россиян в 2002, 2004-2007 годах соответственно, проведенных Аналитическим Центром Юрия Левады (Левада-Центр, Электронное издание). Также было проведено собственное исследование в 2015 году со 110 респондентами мужского и женского пола по 55 человек соответственно. Возрастная категория обозначалась четырьмя уровнями, такими, как: от 16 до 18 лет (по 13 человек обоих полов), от 19 до 21 года, от 22 до 25 лет и от 26 до 30 лет (по 14 человек соответственно). К национальной принадлежности относились такие единицы, как: русский (ая), украинец (ка), белорус (ка), калмык (ка) и ингуш (ка). Каждая из данных категорий включала по 22 человека, делившихся пополам. Еще одним параметром являлось вероисповедание, представляющее собой 4 противоположные категории: христиане, мусульмане, буддисты и атеисты.

Цель нашего исследования состояла в выявлении истинного отношения российской молодежи относительно использования и применения этнических и конфессиональных компонентов современной модной индустрией для массового экспорта и передачи культурных ценностей другим общностям (Демшина, 2010, с.71-78). Подобные практики, как нам представляется, являют собой достаточно действенный способ проявления социокультурной солидарности (Васильева, электронное издание).

На вопрос Левады-центра «Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность к себе со стороны людей других национальностей?» большее количество опрошенных, не смотря на разные года проведения исследований, отдавали предпочтения таким ответам как: «Никогда / Практически никогда» (2002 г. – 60%, 2004 г. – 56%, 2005 г. – 61%, 2006 г. – 60%

и 2007 г. - 53% соответственно) и «Редко» (2002 г. – 29%, 2004 г. – 29%, 2005 г. – 26%, 2006 г. – 27% и 2007 г. - 29%).

Примерно такие же данные получились в результате ответов на вопрос «Испытываете ли Вы сами в настоящее время враждебность к людям других национальностей?»: «Никогда/Практически никогда» (2002 г. – 59%, 2004 г. – 53%, 2005 г. – 60%, 2006 г. – 59% и 2007 г. - 53%) и «Редко» (2002 г. – 29%, 2004 г. – 29%, 2005 г. – 25%, 2006 г. – 27% и 2007 г. - 32% соответственно).

В рамках нашего исследования 110 респондентам были заданы следующие интересующие нас вопросы: «Знаете ли Вы о существующей тенденции использовать этническую и конфессиональную направленности миром современной моды (различного рода принты, атрибутика, длина «макси» и прочее)?», «Чем, на Ваш взгляд, руководствуются современные дизайнеры при использовании этнических и конфессиональных элементов в своих работах?», «Какие наиболее популярные и часто наблюдаемые этнические направленности в коллекциях (включая аксессуары) современных дизайнеров и модельеров можно увидеть на Ваш взгляд?» «Предпочитаете ли Вы одежду, включая аксессуары, с этноконфессиональной направленностью?» и «Считаете ли Вы, что внедрение этнической и конфессиональной атрибутики в мир современной моды необходимо на сегодняшний день?» с последующей интерпретацией положительных и отрицательных точек зрения.

Говоря о полученных результатах данного исследования, следует отметить, что об использовании этноконфессиональной направленности многими модельерами и дизайнерами знают, сегодня, 65,5% московской молодежи (72 человека), что превышает количество «незнающих» на 31% (тех, кто не замечал подобной тенденции – 38 человек, то есть 34,5%).

Основными причинами использования современными дизайнерами этнических и конфессиональных элементов в своих работах, по мнению анкетированных, являются: 1. Нынешние потребности и желания социума, проявление его «религиозного» вкуса (внутренняя потребность перенесения религиозных взглядов на повседневную одежду) и национальных предпочтений – (23,6% ответов респондентов из 110 человек; 2. Современные процессы: глобализация, исламизация и, в тоже время, действующий мультикультурализм, в рамках которого приходится учитывать сегодня локально-региональный фактор – 13,9%; 3. Эксклюзивность собственных коллекций, привнесение своей «изюминки», запоминающийся фирменный стиль и «подчерк» самого творца за счет индивидуальной и неповторимой креативности –12,5%; 4. Культурное наследие своего народа, личный патриотизм, переплетенный с желанием «сохранить собственную идентичность» - 11,1%; 5. Запоминающийся и привлекательный вид получаемых изделий – 11,1%; 6. Проявление солидарности и толерантности к людям различных конфессий и этносов – 9,7%; 7. Создание и распространение

различных образов и ряда коллекций, выступающих сегодня для множества дизайнеров в качестве действующего момента инкультурации, способствующего ознакомлению, изучению и принятию культурных традиций, обычаев и устоев различных этнических групп всего мира – 8,3%; 8. Явный интерес работы с историей, личное осмысление культурной и религиозной самобытностей различных стран и народов – 5,6%; 9. Момент собственного заработка на продажах своих коллекций – 4,2% ответов соответственно.

Наиболее популярными и часто наблюдаемыми этническими направленностями в коллекциях (включая аксессуары) современных дизайнеров и модельеров, на взгляд 72-х респондентов, которые знают об использовании данной направленности различными модельерами, являются: русские мотивы (55 человек - 76,4% ответов), африканские мотивы (44 человека - 61,1%), греческие мотивы (42 человека - 58,3%), японские мотивы (42 человека - 58,3%), индейские мотивы (41 человек - 56,9%), индийские мотивы (35 человек - 48,6%), китайские мотивы (34 человека - 47,2%), египетские мотивы (32 человека - 44,4%) и такие мотивы, как: украинские, скифские и шотландские – по 1 человеку и по 1,4% ответов соответственно.

В вопросе о том, предпочитает ли московская молодежь одежду, включая аксессуары, с этнической и конфессиональной направленностью, получились также интересные данные: 21,8% опрошенных предпочитают одежду данной направленности. По их мнению, «вещи подобного рода очень красивы, яркие, индивидуальны и актуальны». 17,3% респондентов предпочитают «только лишь одежду и аксессуары этнического стиля». 9,1% опрошенных предпочитают «только лишь одежду и аксессуары, использующие конфессиональный крой и религиозную атрибутику». Большинство же опрошенных – 51,8% – вовсе такую одежду не предпочитают. Но интересен тот факт, что внедрение этнической и конфессиональной атрибутики в мир современной моды необходимо на сегодняшний день, по мнению 70 респондентов, что составляет 63,6% ответов.

Самой популярной причиной, по мнению московских юношей и девушек, является то, что «данные направленности способны привнести в мир моды свою «изюминку» и сделать вещи яркими, индивидуальными и очень красивыми» - 57,1% ответов. Чуть менее популярны такие причины, как: «многие люди, принадлежащие к каким бы то ни было конфессиям, также хотели бы иметь возможность одеваться стильно и модно в рамках дозволенного» - 42,9% ответов и «подобное внедрение является действующей инкультурацией традиций, обычаев и образа жизни для различных конфессиональных и этнических групп населения множества стран мира» - 35,7% ответов.

36,4% московской молодежи не считают, что этноконфессиональное внедрение сегодня «необходимо». На их взгляд, «мода должна быть иной,

не использующей и не затрагивающей подобные компоненты» - 77,5% ответов; «подобное внедрение стирает все границы этнической и конфессиональной самобытности для различных народов» - 17,5% ответов и «любой конфессиональный фактор, будь то специализированная атрибутика, определенный крой одежды, подобный религиозному крою и так далее, не может быть использован в мире моды – это противоречит всем религиозным канонам» - 10% ответов.

Среди респондентов, отрицающих необходимость внедрения этнической и конфессиональной атрибутики в мир современной моды (12,5%), были и те, которые утверждали, что: «понятие «внедрения» несет в себе характер «навязывания», чего в современном мире и так предостаточно, поэтому, говорить о том, что подобные направленности могут существовать – имеет смысл, а вот то, что они должны быть обязательными – нет».

Таким образом, исходя из полученных эмпирическим путем данных различных исследований разных лет, имеется возможность предположить, что у современных россиян, несмотря ни на что, в целом достаточно положительное отношение к использованию другими и ими лично каких-либо этнических элементов в одежде, передающих культурные традиции других людей и «выставляющих» их на всеобщее обозрение.

Данный аспект дает возможность предположить, что в отсутствии явного противоречия, обусловленного адекватным отношением к использованию этнических компонентов современной модной индустрией, а также общей готовностью контактировать с представителями различных этнических групп, сохраняя при этом позитивное отношение и к своей этнической группе, в целом, уровень этнической толерантности и преемственности к настоящему моменту достаточно высок, на что хотелось бы надеяться и в дальнейшем.

Литература

Анциферова Н.Г. Этническая толерантность в современном российском обществе: состояние и тенденции развития. Автореф. дисс ... к.соц.н. М., 2007.

Васильева Ж.В. Влияние процессов глобализации на Fashion-индустрию // Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое научное издание. URL: http://www.cjournal.ru/rus/journals/216.html&j_id=15

Гусякова А.В. Особенности этнической толерантности и связанных с ней факторов // Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы социальной психологии» / ред. Р.М. Шамионов и др. Волгоград: ВАГС, 2010. - С. 69-73.

Демшина А.Ю. Динамика этнического направления в дизайне в ситуации глобализации культуры (на примере современной моды) // Известия Уральского государственного университета. 2010. - №5 (84). - С.71-78.

Логунов А.П., Гордеева М.А., Медушевский Н.А. Классические и инновационные практики социальной толерантности / отв. ред. А.П. Логунов. М.: ЛЕНАНД, 2013.

Стороженко А.С. Сравнительная характеристика содержания этнических стереотипов у студентов ВУЗа и СУЗа // Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы социальной психологии» / ред. Р.М. Шамионов и др. Волгоград: ВАГС, 2010. - С.188-190.

Этническая агрессия: явная и скрытая // Левада-Центр. Пресс-выпуски. М., 2007. URL: <http://www.levada.ru/2007/09/02/etnicheskaya-agressiya-yavnaya-i-skrytaya/>

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Тимохович А.Н., Филенко С.С.

Государственный университет управления, Москва, Россия

В работе представлены основные результаты исследования вовлеченности студентов вузов в научно-исследовательскую деятельность. Результаты исследования свидетельствуют о невысокой осведомленности студентов о вовлечении в разные формы научно-исследовательской деятельности в вузе, о низкой мотивированности студентов к научно-исследовательской деятельности. Обосновывается необходимость проведения комплекса мероприятий, направленных на вовлечение большего числа студентов в научно-исследовательскую деятельность.

Ключевые слова: вовлеченность, мотивация, научно-исследовательская деятельность, студенты вузов, осведомленность.

THE INVOLVEMENT OF STUDENTS IN RESEARCH ACTIVITY: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Timokhovich A.N., Filenko S.S.

State University of Management, Moscow, Russia

The paper presents main results of the study of university student's involvement in research activities. The results of the study indicate witness to the low awareness of students about involvement in different forms of research activity at the university, about the low motivation of students to scientific-research activities. The necessity of carrying out complex activities aimed at involving more students in research activities.

Keywords: involvement, motivation, research, university students, awareness.

В системе высшего образования в России в течение длительного периода происходят процессы модернизации. Модернизация затрагивает все образовательные структуры и виды деятельности, сопровождающие образовательный процесс: внедряются новые образовательные технологии, обновляются образовательные программы, применяются новые методы обучения. В процессе обучения в вузах ведущим становится вид деятельности, направленный на активное вовлечение студентов в проведение научных исследований, в рамках которых студенты могут не только научиться использовать различные научные методы сбора данных, но и прийти к решению прикладных задач (Горшков, Шереги, 2011).

Остановимся на теоретических аспектах изучения научно-исследовательской деятельности студентов вузов и особенностях вовлечения студентов в данный вид деятельности. Научно-исследовательская деятельность – интеллектуальная творческая деятельность, целью которой является получение новых знаний, умений и навыков (Балашов, 2012). Научно-исследовательская деятельность является одним из путей повышения качества обучения и воспитания бакалавров, специалистов и магистров. Студенты, которые участвуют в научно-исследовательской деятельности – это студенты, выполняющие элементы самостоятельной научной работы в области общественных, гуманитарных, естественных и технических наук.

Остановимся на основных формах научно-исследовательской деятельности студентов в вузе. Можно выделить три основные формы. Во-первых, научно-исследовательская деятельность, осуществляемая в рамках учебного процесса в вузе. К разновидностям научно-исследовательской деятельности в рамках учебного процесса относят: курсовые работы с элементами научных исследований; дипломные проекты с элементами научных исследований; нетиповые задания научно-исследовательского характера в период учебной и производственной практики; проведение исследований в рамках освоения отдельных учебных дисциплин.

Во-вторых, научно-исследовательская деятельность, осуществляемая вне учебного процесса в вузе. К разновидностям научно-исследовательской деятельности вне учебного процесса относят: участие в грантах, конкурсах научно-исследовательских работ студентов; участие студентов в научных конференциях, форумах, круглых столах; подготовка студентами тезисов и статей по результатам проведенных исследований.

В-третьих, научно-исследовательская деятельность студентов, осуществляемая вне учебного процесса вне вуза (то есть вне конкретного высшего учебного заведения, в котором обучается студент). Разновидности данной научно-исследовательской деятельности студентов аналогичны вышеперечисленным.

В целом, научно-исследовательская деятельность может существовать в некоторых видах – исследовательской, информационной и педагогической (Логашенко, Шапошникова, 2010). Данные виды научно-

исследовательской деятельности включают в себя научно-исследовательскую работу, включаемую в учебный процесс либо не включаемую в учебный процесс, осуществляемую в вузе или вне вуза, но выполняемую студентами во внеучебное время. Для более глубокого изучения данной проблематики остановимся на основных понятиях, которые касаются научно-исследовательской деятельности студентов.

Основным и наиболее часто встречающимся видом научно-исследовательской деятельности студентов является курсовая работа с элементами научных исследований. Курсовая работа представляет собой самостоятельную работу студентов, выполняемую под руководством преподавателя. Выполнение и защита курсовой работы позволяют обучающемуся не только всесторонне и глубоко изучить ту проблему, над которой он непосредственно работает, но и помогают студенту приобрести навыки творческого подхода к решению проблем, научиться применять различные научные методы исследования.

Дипломный проект является одним из видов выпускной квалификационной работы студентов, представляет собой самостоятельную творческую работу студентов, обучающихся по программам подготовки бакалавров и специалистов, выполняемая ими на последнем, выпускном курсе. В написании дипломных проектов также присутствует научно-исследовательская составляющая, поскольку неотъемлемой частью дипломного проекта является эмпирическое исследование, проводимое студентом в таких же видах и проявлениях, как и в курсовых работах, однако, затрагивающее более фундаментальные исследовательские проблемы.

Студенческий грант или конкурс научно-исследовательских работ студентов является формой вузовской поддержки научных исследований, выполняемых как отдельными студентами, так и группой студентов. Обычно студенческие гранты финансируются ректоратом вуза либо вышестоящими организациями.

Следует отметить, что с теоретической точки зрения проблематика изучения факторов, оказывающих влияние на вовлеченность студентов в научно-исследовательскую деятельность в вузе, является хорошо изученной и проработанной (Знаменский, Терехина, 2013). К факторам, оказывающим положительное влияние, можно отнести: внедрение тьюторства, внедрение балльно-рейтинговой системы оценки качества обучения, введение специальных курсов по методологии научной работы, повышение уровня компьютерной грамотности, рост уровня вовлеченности самих преподавателей в научно-исследовательскую деятельность, расширение сотрудничества с бизнес-структурами, отдельными элементами внедряемой Болонской системы, применение современных информационных технологий в систему управления вузом. К негативным факторам, оказывающим влияние на вовлеченность студентов в научно-исследовательскую деятельность, относят следующие: низкий уровень сплоченности студенческих

групп, отсутствие целенаправленного педагогического воздействия и контроля, слабое профессиональное информационное поле, укрупненность студенческих групп, недостаток педагогической подготовки преподавателей, работа существенной части преподавателей по совместительству, быстрое устаревание профессиональных знаний, низкий уровень владения иностранными языками, формальное отношение к научно-исследовательской деятельности студентов, непрозрачность и бюрократизация вузовской среды в целом, коррумпированность вуза, неразвитость системы отбора студентов, имеющих способности к научно-исследовательской деятельности, слабая информационная среда в области науки, недостаточная обеспеченность методическими материалами (Лисова, 2008).

В декабре 2014 года в Государственном университете управления, Москва, было проведено исследование, направленное на изучение мотивации студентов вуза к научно-исследовательской работе. В данном исследовании под мотивацией понимается совокупность факторов, механизмов и процессов, обеспечивающих возникновение побуждения к достижению необходимых для индивида целей; под научно-исследовательской работой – деятельность академического характера, связанная с научным поиском и проведением исследований, в целях расширения имеющихся и получения новых знаний, проверки научных гипотез, установления закономерностей, проявляющихся в природе и обществе, теоретических обобщений и методологического обоснования проектов.

В результате данного исследования было выявлено, что мотивация студентов к научно-исследовательской работе носит познавательный характер. Научная деятельность воспринимается студентами как элемент подготовки к будущей профессиональной деятельности. Основные мотивы научно-исследовательской работы студентов и факторы формирования исследовательского подхода в вузе по критериям гендерного признака и принадлежности к основным образовательным программам высшего образования имеют разную значимость.

Для обоснования и расширения полученных результатов в ноябре 2015 года было проведено исследование, направленное на изучение вовлеченности студентов вуза в научно-исследовательскую деятельность. Была поставлена цель: изучить вовлеченность студентов вузов в научно-исследовательскую деятельность. Объектом исследования выступали студенты очной формы обучения Государственного университета управления. В качестве предмета исследования была рассмотрена вовлеченность студентов вуза в научно-исследовательскую деятельность.

Для достижения поставленной цели исследования были обозначены следующие задачи: изучить формы и виды научно-исследовательской деятельности студентов в вузе, провести опрос студентов ГУУ для выявления осведомленности о возможностях вовлечения студентов в разные виды на-

учно-исследовательской деятельности и о степени вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность, сформулировать выводы и рекомендации по результатам исследования.

В качестве гипотезы исследования было рассмотрено предположение о том, что большинство студентов имеют низкую информированность о возможностях участия в научно-исследовательской деятельности, а также предположение о том, что большинство студентов слабо вовлечено в научно-исследовательскую деятельность.

В ходе проведения исследования были использованы теоретические методы, а также эмпирический метод (опрос в форме онлайн анкетирования), метод обработки первичной информации - пакет SPSS Statistics. Эмпирическая часть исследования была реализована на базе Государственного университета управления. Авторами статьи было проведено исследование, направленное на изучение вовлеченности студентов вуза в научно-исследовательскую деятельность. Было опрошено 184 студента (44 человека – юноши, 140 человек – девушки).

Основными выводами исследования являются:

1. Большинство респондентов не осведомлены о возможностях вовлечения в научно-исследовательскую деятельность в вузе, а также за пределами вуза. Данные студенты – потенциальные участники научно-исследовательской деятельности внутри и вне вуза.

2. Большинство респондентов предпочитают получать информацию о научных мероприятиях через социальные сети, e-mail рассылку или объявления преподавателей. В ходе исследования было выявлено, что наиболее предпочтительным каналом связи со студентами является интернет-пространство.

3. Первокурсники имеют слабую мотивацию к научной деятельности. В ходе исследования было выявлено, что студенты-первокурсники не понимают, что представляет собой научная деятельность в вузе и зачем им участвовать в научно-исследовательской деятельности внутри и вне вуза.

По результатам исследования были разработаны следующие рекомендации:

1. Наладить каналы информирования студентов о возможностях вовлечения в научно-исследовательскую деятельность в вузе и за пределами вуза. По данным опроса наиболее предпочтительными каналами информирования для студентов являются: социальные сети, e-mail рассылка или объявления преподавателей, так как все современные студенты активно вовлечены в интернет-пространство.

2. Организовать персонифицированную коммуникацию для оповещения студентов о научных мероприятиях.

3. Рекомендовать СНО (студенческому научному обществу ГУУ) проводить лекции-тренинги для первокурсников по повышению информированности и мотивации к научной деятельности. Это необходимо во-

первых, для оповещения и знакомства студентов с научно-исследовательской деятельностью вуза, во-вторых, для формирования мотивации студентов к научно-исследовательской деятельности.

4. Синхронизировать работу СНО и студенческих советов институтов для лучшей адаптации и интеграции студентов в образовательное пространство вуза. Данная мера необходима для того, чтобы студенты, входящие в студенческий совет, также получали комплексную информацию о возможности участия в научно-исследовательской деятельности внутри вуза.

Литература

Балашов В.В. Социально-психологические закономерности формирования позитивных ожиданий студенчества по отношению к научно-исследовательской деятельности // Вестник университета (Государственный университет управления). 2012. - №2. - С.348-353.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. М.: Альфа-М, ИНФРА-М, 2011.

Знаменский Д.Ю., Терехина Д.С. Научный потенциал высшей школы: понятие, структура, методология оценки. М.: Издательство МосГУ, 2013.

Лисова Е.А. Мотивационные основы научно-исследовательского компонента профессионального становления студентов-психологов. Воронеж, 2008.

Логашенко О.И., Шапошникова Т.Л. Проектирование научно-практической деятельности студентов как инновации профессионального образования. Краснодар: ИД Юг, 2010.

РАЗЛИЧИЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ У СТУДЕНТОВ СКОПЬЕ И НИША

Тодорович Е., Янкович И., Арнаудова В.

Университет Ниша, Сербия
Университет Скопье, Македония

Циркумплексная (круговая) модель супружеских и семейных систем подчеркивает важность баланса между противоположными тенденциями внутри семейной системы (единства и потребности в индивидуальных проявлениях). Связь между членами семьи имеет особое положение в этой модели, так как она позволяет эти противоположные потребности членов семьи признавать и согласовывать. Автор этой модели был Олсон. В данном исследовании мы хотели исследовать, есть ли различия между студентами философских факультетов Скопье и Ниша в семейных отношениях в зависимости от модели Олсона. Были использованы следующие

щие шкалы: *Family Adaptation and Cohesion Scales, FACES IV, Olson, Gorrall, Tiesel (2006)*. Исследование проводилось на выборках студентов факультета философии в Скопье (99) и Нише (151), итого 250 чел. в общей сложности. Результаты показывают, что существуют различия между студентами из Скопье и Ниша с точки зрения запутанности семейных отношений и удовлетворенности своей семьей. Запутанность более выражена у студентов из Скопье, в то же время удовлетворенность семьей более выражена у студентов из Ниша.

Ключевые слова: семейные отношения, запутанность, удовлетворенность семьей, студенты.

DIFFERENCES IN FAMILY RELATIONS BETWEEN STUDENTS FROM SKOPLJE AND NIS

J. Todorović, I. Janković, V. Arnaudova

University of Niš, Niš, Serbia

University of Skoplje, Skoplje, Macedonia

This paper was created as a part of the project 179002D financed by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia

*The Circumplex Model of Marital and Family Systems emphasizes the importance of a balance between the opposing tendencies within the family system (togetherness and the need for individuality). Communication between the family members has a special position in this model, because it allows for these opposing needs of family members to be recognized and harmonized. The author of this model was Olson. In this research, we wanted to investigate whether there are differences among the students of the Faculty of Philosophy in Skopje and Niš, in family relations according to Olson's model. The following scale was used: *Family Adaptation and Cohesion Scales, FACES IV, Olson, Gorrall, & Tiesel (2006)*. The research was conducted on the sample of students of the Faculty of Philosophy in Skopje (99) and Niš (151), 250 in total. The results show that there are differences between the students from Skopje and Niš in terms of enmeshed in family relations and satisfaction with one's family. The enmeshed is more emphasized in students from Skopje, whereas the satisfaction with family in students from Niš.*

Keywords: family relations, enmeshed, satisfaction with family, students.

Introduction

The objective of a contemporary family, as the primary social group, is to ensure a proper development of its members. Its basic functions are to ensure the conditions for adequate psychophysical development and socialization, as well as to provide the necessary support and care to its members. There are families in which mutual closeness and respect of individuality, rules and the role of

some family members are flexible enough, and they are being adapted to the developmental needs of their members. On the other hand, in some families, a high cohesiveness of the members is dominant, which leads to the loss of individuality of their members or to a very low level of mutual closeness. Overly-emphasized cohesiveness and flexibility within the family system is not considered to be optimal for the development of family members. In such families, the members often estimate that, in order to maintain the existing family relations and their fragile balance, it is the most adequate solution not to talk about their own needs and desires.

Family and systemic approach

Family system, like other systems, is composed of subsystems, and it is part of a broader suprasystem itself. A subsystem, in the context of family, is composed of its subsystems. An individual within a systemic approach is determined by traits of the primary corresponding systems such as family. One of the models of systemic overview of family functioning is the Circumplex Model created by Olson and associates (Olson, Goral, & Tiesel, 2006)

Circumplex Model

The Circumplex Model of Marital and Family Systems emphasizes the importance of a balance between the opposing tendencies within the family system. The opposing tendencies relate to the needs of family members for unity (togetherness) and closeness on the one hand, and, on the other hand, the need for individuality, which over time becomes more apparent and which can affect the division of roles within the family system. Communication between the family members has a special position in this model of family relations, because it allows for these opposing needs of family members to be recognized and harmonized. The author of this model was Olson. He named these tendencies we recognize in family relations ‘cohesion’ and ‘flexibility,’ and he specially stressed communication in the assessment of family relations. According to Olson (2006), cohesion is focused on how families make a balance between the unity (togetherness) and detachment. According to Olson’s model, there are five levels of cohesion: extremely low level, which marks an emotionally disconnected and divided family; low to moderate level, which marks a somewhat connected family; moderate level, which marks a connected family; a very connected family has the cohesion level from moderate to high, and there is also an overly cohesive family, that is, enmeshed (overly connected). Based on the Circumplex Model, a very high level of cohesion (overly connected or enmeshed) and a very low level of cohesion (disengaged or disconnected) can represent a problem for the functioning of the family system and fulfillment of the educational function of the family. The following dimension, which is very important for the functioning of the family, is family adaptability, that is, flexibility. It relates to the manner in which a family balances stability and change regarding the roles and tasks related to the life cycles of the family Olson (2006).

There are five levels of flexibility: an extremely low level, rigid; somewhat flexible; moderate flexibility; very flexible; - extremely high level, chaotic. The family systems need both stability and change, and that capability for change, when it is happening in the right moment, divides functional families from the others according to Perosa, & Perosa (2001).

Communication is defined as the dimension which makes the change of cohesion and flexibility level easier. Communication helps the improvement of cohesion and flexibility according to Olson (2011); Olson et al (2006). It is defined as the assertive expression of one's own opinions and feelings, as well as the respect for the feelings and opinions of other people. It is characterized by the ability to follow the continuity in communication, as well as the ability to respect the interlocutor in contrast to putting the spotlight on oneself Mitić (1997).

In that respect, the study of differences in family relations and parenting styles in different families should be beneficial for differences regarding the personal characteristic. Division of roles in the family and cultural context which, over time, contribute to the creation of certain neurophysiological disposition for the expression of self. This assumption is based on the understanding of development theories in psychology which relate personal characteristics with the family context and upbringing (parenting).

In order to test this hypothesis, we compared the group of students of social sciences and humanities from Skopje and Niš so that we can assess the family relations.

General objective of the research

1. To examine the differences in the perception of family functioning between Serbian and Macedonian students and
2. To examine the differences in terms of family relations among the students depending on their gender on the sub-samples of the students from Skopje and Niš.

Research methods

The research was conducted in May 2014 at the Faculty of Philosophy in Niš and Skopje. The instrument was used in this research:

- Family Relations Scale FACES IV from Olson & Gorall (2006) which included Balanced Cohesion and Balanced Flexibility Scales and Unbalanced Scales: Chaotic, Rigid, Disengaged and Enmeshed, as well as the scales which refers to family communication and family satisfaction. The reliability of the scales is the following: Balanced Cohesion - Cronbach's Alpha = .827; Balanced Flexibility - Cronbach's Alpha = .613; Disengaged - Cronbach's Alpha = .660, Enmeshed - Cronbach's Alpha = .551; Rigid - Cronbach's Alpha = .596; Chaotic - Cronbach's Alpha = .463; Communication - Cronbach's Alpha = .906; Family satisfaction - Cronbach's Alpha = .914

Sample

The sample consisted of respondents aged 18-25, all of which were students of the Faculty of Philosophy in Niš and Skopje. The total number of participants in this research was 250. A larger part of the sample (151 respondents) lived in Serbia, and 99 respondents were from Macedonia. Regarding gender and considering the entire sample, more respondents were female, 190 in total (82 from Skopje and 108 from Niš), compared to 60 male respondents (17 from Skopje and 43 from Niš).

Results

Table 1. DESCRIPTIVE STATISTICS - THE DIMENSIONS OF FAMILY RELATIONS

	MIN	MAX	AS	SD
Balanced cohesion	1.57	5	3.91	0.67
Balanced flexibility	1.43	4.86	3.48	0.58
Disengaged	1.14	4.43	2.47	0.59
Enmeshed (entangled)	1.29	4.43	2.6	0.55
Rigid	1.14	4.14	2.6	0.55
Chaotic (incoherent)	1.14	4.29	2.5	0.53
Family communication	1.1	5	3.73	0.78
Family satisfaction	1.1	5	3.62	0.78

The obtained results on the entire sample show that the respondents mostly assess family relations as balanced cohesion (AS=3.91) and balanced flexibility (AS=3.48). According to the Circumplex Model, the balanced levels of cohesion and flexibility are exactly the ones that are the most optimal for family functioning. The scores on all unbalanced scales, which reflect both extremely high and extremely low cohesion and flexibility, were significantly lower and ranged between AS = 2.47 and AS = 2.60. Satisfaction with family communication was above the average theoretical value on a scale from 1 to 5 and it was 3.73, whereas family satisfaction was 3.62 (on a scale from 1 to 5).

Table 2. THE DIFFERENCES IN THE PERCEPTION OF FAMILY FUNCTIONING OF MACEDONIAN AND SERBIAN STUDENTS

	Country	AS	SD	T-test	Df	Sig.
Balanced cohesion	Macedonia	3.92	.76	-.021	248	.983
	Serbia	3.92	.62			
Balanced flexibility	Macedonia	3.53	.63	1.011	248	.313
	Serbia	3.45	.55			
Disengaged	Macedonia	2.51	.62	.848	248	.397
	Serbia	2.44	.57			
Enmeshed (Entangled)	Macedonia	2.86	.50	6.396	248	.000
	Serbia	2.43	.52			
Rigid	Macedonia	2.66	.51	1.276	248	.203
	Serbia	2.56	.58			
Chaotic	Macedonia	2.58	.55	1.858	248	.064

	Serbia	2.45	.52			
Family Communication	Macedonia	3.62	.81	-1.901	247	.058
	Serbia	3.81	.76			
Family Satisfaction	Macedonia	3.49	.86	-2.164	248	.031
	Serbia	3.71	.72			
	Serbia	2.60	.52			

The main objective of this research was the estimation of differences between Macedonian and Serbian students concerning the examined dimensions of family functioning. The obtained results point out that Macedonian students assessed their family relations in a more complex manner than Serbian students ($t=6.396$, $p=.000$). That would mean that the Macedonian students perceived the relationships between family members as warmer, with more emotional exchange, more enmeshed and with less space for individuality compared to the Serbian students. On the other hand, family satisfaction was higher in Serbian students than in Macedonian students ($t=-2.164$, $p=.031$). This scale refers to a general estimation of family functioning and it also contains elements for assessment of family cohesion, flexibility and communication between family members. In this paper, we also wanted to investigate whether there were any gender (male/female) differences on the sub-samples of Macedonian and Serbian students with regard to estimated variable.

The results obtained on the sub-sample of Macedonian students show that there were no differences regarding the evaluation of family functioning. On the sample of Serbian students, the differences between the males and females existed in the assessment of family enmeshment (entanglement) and chaos. Namely, the females assessed the complexity (enmeshment) of family relations to be higher in comparison to the males ($t=-2.005$, $p=.047$), which would mean that they perceive family relations to be more entangled than the males. Moreover, the females assessed incoherency (chaos) of family relations to be higher in comparison to the males ($t=-2.646$, $p=.009$), that is, they perceive family relations as highly flexible, with an insufficiently strict set of rules and division of roles.

Discussion

In our sample, out of all dimensions for the estimation of family functionality, the highest AS was reached on the Balanced Cohesion Scale (3.91) and Balanced Flexibility Scale (3.38). Balanced cohesion means that family members perceive family relations as moderately warm, supportive, and as providing enough space for individuality to its members. In addition, in such families, the family members are involved in each other's lives and they support each other during the hard times. Balanced flexibility means that the parents are equal as leaders, that there are clear rules and roles in the family and that the family is capable of adjusting to change when necessary. According to Olson's model, the patterns of family functioning are closely related to parenting styles Olson, &

Goral (2006). What was of special interest to us was whether there were any differences in the estimation of family functioning between Macedonian and Serbian students. Since the results showed Macedonian students assessed their family relations in a more complex manner when compared to Serbian students ($t=6.396$, $p=.000$). Gender differences were investigated in separated sub-samples. While there were no differences in the assessment of family functioning between the males and females in the sub-sample of Macedonian students, there were some differences in the sub-sample of Serbian students in the assessment of family enmeshment and incoherency (chaos). The females in the tested sample assessed the family relations to be more enmeshed ($t=-2.005$, $p=.047$) and chaotic ($t=-2.646$, $p=.009$) than the males. That would mean that the females perceived family relations as more emotionally enmeshed and with an insufficiently strict set of rules and division of roles than the males. These results are in accordance with the research results of Todorović and Simić (2013) with 2053 respondents – the results showed that the females estimated a higher level of cohesion within the family than the males. In the research of Matejević and Todorović (2012), about the functionality of family relations on the sample of students from the University of Niš, the results showed that the female students significantly more often estimated a higher level of balanced cohesion and flexibility in family relations than the male students.

Conclusion

We have ascertained that there are differences in family relations between students from Skoplje and students from Nis. Despite the fact that two towns are geographically close, cultural differences regarding closeness (nurturing the level of closeness) and mutual influence of family members to one another, exist. The Macedonian students estimated their family relations as more entangled (enmeshed) compared to the Serbian students, that is, they believed that their family members spent too much time together, that they were too entangled and that they had little need for friends outside their family. Family satisfaction was higher in Serbian students so this fact can also show the interrelationship between family functioning and family satisfaction.

References

- Matejević, M., Todorović, J.* Funkcionalnost porodičnih odnosa I kompetentno roditeljstvo, Niš: Filozofski fakultet, 2012.
- Mitić, M.* Porodica i stres. Beograd: Institut za psihologiju, 1997.
- Olson, D.H.* Faces IV and the circumplex model: validation study. *Journal of marital & family therapy*, 2011. - Vol. 37, 1, 64-80.
- Olson, D.H. & Gorall, M.D.* Faces IV & the Circumplex Model. <http://www.haifamed.org.il/pictures/files/faces%20iv%20%20the%20circumplex%20model%20-%20d%20olson%202006.pdf>, 2006.

Olson, D.H., Gorrall, M.D., Tiesel, W.J. Faces IV paket. Priručnik zaprimenu, 2006.

Perosa, L., Perosa, S. Adolescent perceptions of cohesion, adaptability, and communication: Revisiting the circumplex model. *Family J.* 2001.- No. 9. - P.407-419.

Todorović, J., Simić, I. Dimenzije porodičnog odnosa, subjektivno blagostanje i tip domaćinstva. Zbornik radova Humanizacija univerziteta, Dimitrijević, B. (gl. ur), Niš: Filozofski fakultet 2013, No 2, - str. 298-311.

ПРОСТРАНСТВО И РЕСУРСЫ ИНТЕРСУБЪЕКТНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Толочек В.А.

Институт психологии РАН, Москва, Россия

Обсуждаются открытые вопросы проблемы ресурсов (их количественные характеристики, или ресурсы как параметры; должная мера их актуализации - максимальный и оптимальный уровень, диапазоны; постоянство их роли, амбивалентность, универсальность и специфичность; отличия и «разделительные границы» между «условиями», «факторами», «детерминантами» и др.). Констатируются основные причины сохранности таких «открытых вопросов» (типичные модели исследования, выборки, задачи и методология). Рассматриваются феномены «пространства» и «времени» в аспектах исторического изменения их параметров и порождения в этих процессах ресурсов. Выделяется и обосновывается как актуальная научная проблема порождение ресурсов вследствие реорганизаций пространства и времени взаимодействий субъектов совместной деятельности.

Ключевые слова: пространство, время, субъекты, интересубъектные, взаимодействия, ресурсы.

THE SPACE AND RESOURCES OF INTERSUBJECTIVE INTERACTION: HISTORICAL CHANGES

Tolochek V.A.

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

We discuss some open-ended question of the problem of resources (their quantitative characteristics, or resources as options, certain measure of their actualization - maximum and optimum level ranges; constancy of their role, ambivalence, universality and specificity, differences and "dividing lines" between the "conditions", "factors", "determinants" et al.). We give main reasons for the preservation of "open questions" (typical models of research, sampling, objec-

tives and methodology). The phenomenon of "space" and "time" are considered as changing through history and generating resources. A problem of creating resources with the help of reorganizing space and time of interactions in shared activity is formulated.

Keywords: space, time, subjects, intersubjectivity, interaction, resources.

Введение. Вопросы пространства intersубъектных взаимодействий как ресурсов в проводимых ранее исследованиях методологически разрабатывались в контекстах разных научных проблем: активности (деятельности) отдельных субъектов, взаимодействий партнеров в рабочих группах, взаимных восприятий действий коллег и перспектив организации и др. В последние десятилетия широко изучаемая в зарубежной и в отечественной психологии проблема ресурсов, чаще фокусирует внимание ученых либо на интрасубъектные, либо на внесубъектные условия среды как ресурсы (Водопьянова, 2014; Карпинский, 2012; Крюкова, 2010; Толочек, Винокуров, 2006; др.). Процессы взаимодействия людей, вероятно, порождающие наиболее мощные ресурсы, как-то благополучно ускользали из поля внимания ученых, вероятно, вследствие недостаточной методологической разработки вопросов совместной деятельности, проблемы пространства в процессах совместной деятельности субъектов.

Вопросы порождения ресурсов вследствие реорганизаций пространства и времени взаимодействий субъектов совместной деятельности остаются недостаточно изученными.

1. Феномен ресурсов: ограничения концептуальных схем и научных задач. Выделим «открытые вопросы» проблемы ресурсов: 1) Количественные характеристики ресурсов (ресурсы как параметры). 2) Должная мера актуализации человеком разных ресурсов. 3) Временя проявления («действия») тех или иных условий среды как ресурсов. 4) Валентность условий как ресурсов (они постоянны, амбивалентны, универсальны или специфичны). 5) Роль ресурсов в отношении высших социальных достижений (о ресурсах чаще рассуждают, когда стоит вопрос о необходимости возвращения к «норме» социального функционирования). 6) Совместимость, парциальность/ интегральность влияния разных условий среды на человека. 7) Тема общих и специфических социальных эффектов при актуализации ресурсов. 8) Отличия и «разделительные границы» между «условиями», «факторами», «детерминантами», по Б.Ф.Ломову (различия между условиями среды, проявляющими качественно разные свойства в их воздействии на человека и социальные группы).

Поиск ответов на эти вопросы можно рассматривать как приближение к решению фундаментальной задачи психологии, выделенной С.Л.Рубинштейном - каковы психологические механизмы отражения «внешних причин» и их преобразования во «внутренних условиях»? Уменьшая «объем» предмета исследования, можно вводить уточнения -

как условия среды (иначе - «внешние причины») могут преобразовывать «внутренние условия» субъекта таким образом, что вследствие этого они могут теперь уже выступать в новом качестве – в качестве «ресурсов»? «Как» и «почему» условия среды, изначально предполагающие лишь их отражение и некоторое влияние на изменения поведения и деятельности человека, способны обретать новое качество? «Почему» они изменяют свою «нейтральность», актуализируются в качестве ресурсов?

Причинами длительно сохранения этих вопросов как открытых являются: типичные модели исследования (учебной успеваемости школьников и студентов, социализация молодежи и т.п.) (Капцов, 2011; Колесникова, 2013; Крюкова, 2010;); типичные выборки испытуемых (молодые люди, представители массовых профессий с невысокой «профессиональной иерархией» - учителя, социальные работники, врачи), лица с неопределенными профессиональным опытом и статусом и полнотой самореализации в труде и других сферах (Митина, 2014; Поваренков, 2011; Слепко, 2012; др.); типичные задачи (в социальной психологии, и в психологии труда, в психологии развития редко обсуждаются вопросы высшего профессионализма); ограничения методологии (как следствия – «усеченность» постановки научных задач).

Представляется целесообразным такое «фокусирование» научных задач, которое позволит продвигаться в понимании феномена в контексте проблем, допускающих количественные измерения меры социальной успешности человека, например, проблемы профессионального становления субъекта (ПСС). При такой подходе возможна ориентация задач исследования на познание факторов профессиональной успешности человека в широком смысле – как социальной успешности человека (т.е., обращение внимание на полноту самореализации в разных сферах жизнедеятельности, на психофизиологическую «цену» карьеры, результативности труда и т.п.). Подобное «ресурсное» видения научных проблем, в т.ч. - проблемы ПСС, может предоставить «ключи» для открытия новых закономерностей интеграции человека с новыми обстоятельствами труда и жизни, закономерностей использования им интра- и внесубъектных условий как ресурсов, а также оценку их роли в развитии человека как субъекта как личности (а не только лишь в изменениях в процессах адаптации к новым условиям).

2. Пространство взаимодействия субъектов: исторические тенденции изменений. Возможные подходы к изучению пространства и эффектов взаимодействий субъектов. Методологическая разработка вопросов отношений субъектов совместной деятельности предполагает выделение в качестве полагающих следующих приоритетов: 1) совместной профессиональной деятельности людей, а не индивидуальной (абстрагированной, вычлененной из общего); 2) целостных социальных единиц (социальных групп), а не отдельных субъектов; 3) активности всех взаимодействующих партнеров (как исходной для объяснения индивидуальных явлений); 4) ди-

наличности отношений субъектов (как ориентации на изучение процессов, а не на констатацию отдельных фактов); а); 5) эволюции социальных объектов - индивидов и групп (т.е., признания неизбежных изменений, завершенности и цикличности таких процессов); 6) вариативность условий и задач (как атрибутов каждой сложной профессиональной деятельности); 7) динамичности условий среды (как отражение реальности, а не множества абстрагирований); 8) динамичности изменений пространства деятельности (социального, социально-психологического, психологического) взаимодействующих людей (Толочек, 2007; 2009; 2015; 2016). (В первом приближении под пространством деятельности будем понимать формируемую субъектами систему их взаимодействий, связей и отношений в процессах совместной деятельности субъектов).

Преобразования пространства взаимодействия субъектов. В качестве примера рассмотрим содержание и историю развития отношений людей в процессе общественного производства на протяжении минувшего столетия, эффекты, обусловленные организацией пространства их взаимодействий, потенциальные ресурсы, в связи с эффектами их взаимодействия. Обобщая опыт такой рефлексии, можно констатировать, что взаимодействия людей в процессе общественного производства сопряжены с историческим возрастанием активности, роли, прав, эргономических возможностей субъекта – субъекта-деятеля, производителя товаров и услуг, или «первого субъекта», а также – с возрастанием активности, роли, прав, возможностей воздействия на процессы труда и его продукты (товары, услуги) «третьего субъекта» – подчиненного, ученика, слушателя, клиента, пациента. («Второй субъект» – руководитель или заказчик всегда был активным началом, тогда как «третий» - подчиненный, учащийся, воспитанник, воспитуемый, потребитель товаров и услуг долго оставался в состоянии «объекта воздействия», в границах социального опыта, освященного веками. Но в последние десятилетия у «третьего субъекта» все чаще появляются новые свойства, в ряде случаев переводящие его в новое социальное качество со-субъекта, все более активно влияющего на формы существования самих профессий, перспективы развития профессиональной сферы и самих субъектов-деятелей). Выделим этот принципиальный момент как становления новых сущностных свойств социальных объектов.

Этапы в организации взаимодействия субъектов и ресурсы. В исторической эволюции взаимодействий субъектов совместной деятельности на протяжении минувшего столетия на примере отношений со-субъектов в управленческой иерархии можно различать семь этапов: I – традиционный (доминировавший до начала XX в.), основанный на жесткой иерархии: хозяин (заказчик, собственник, вышестоящий руководитель) – руководитель (управляющий) (Р) - работник, исполнитель (ВР – Р - И); II – дифференциация управленческой деятельности - становление как отдельных видов деятельности руководителей высшего, среднего и низового звена (начало

XX в.) при активизации роли профсоюзов и других коллективных субъектов-исполнителей; III – становление обратных связей на всех уровнях управления между всеми отдельными субъектами – участниками производства товаров и услуг (вторая половина XX в.); IV – расширение прямых и обратных связей в управлении (1960–1990 гг., отраженных, в частности, в концепциях управления человеческими ресурсами, активного обучения и др.); V – трансформации пространства взаимодействия трех субъектов, сопряженные с усилением их взаимного влияния как со-субъектов, личностей, индивидуальностей (на рубеже XX – XXI ст.); VI – транслирования отношений актуальных и потенциальных со-субъектов на всех стадии производственных процессов (замысел, разработка продукта, его реклама, распространение и мониторинг), сопряженное с вовлечением в пространство взаимодействий множества людей, реальных и виртуальных (с конца XX ст.); VII – поиск вариантов синергии взаимодействий. (Мы рассматривали эти исторические изменения отношений партнеров в управленческой иерархии на примере производственных отношений; подобные, хотя и менее выраженные метаморфозы происходят даже в управлении силовых структур).

Заключение. В пространстве функционально и личностно взаимодействующих людей имеют место, скорее, необратимые исторические изменения. Исторически возрастающие роли субъекта-деятеля и субъекта-воспринимающего, субъекта-партнера сопряжены с изменениями пространства их взаимодействий (следовательно, и самой организации совместной деятельности, следовательно, появления и доступности внесубъектных ресурсов). Вероятно, это пространство будет включать новые и новые фрагменты реальности (реальные и виртуальные «другие» люди и рабочие места, разные социальные процессы и пр.).

Подобные изменения ставят новые задачи управления человеческими ресурсами, задачи лучшего управления взаимодействиями людей в малых и больших социальных группах, порождающими новые социально-психологические эффекты, открывающими новые возможности человека.

Литература

Водопьянова Н.Е. Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда (на примере специалистов «субъект-субъектных» профессий): Автореф. дисс... докт. психол. наук. СПб., 2014.

Капцов А.В. Личностное и интеллектуальное развитие студентов в условиях учебной группы современного вуза. Самара: Самарский научный центр, 2011.

Карпинский К.В. Смысл жизни и ресурсы его реализации: К пониманию механизмов личностного кризиса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. №4. - С.3-33.

Колесникова Е.И. Адекватность оценки сформированности компетентности студента вуза // Инновационные процессы в современном образовании. Новосибирск: СИБАК, 2013. - С.85-102.

Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010.

Митина Л.М. Психология личностно-профессионального развития учителя. СПб.: Нестор-История, 2014.

Поваренков Ю.П. Психология профессионального становления личности. Саратов: Изд-во СГПУ, 2013.

Слепко Ю.Н. Теоретическая и эмпирическая структура отношения учащихся к учителю // Ярославский педагогический вестник. 2012. - №4. - С.252-256.

Толочек В.А. Профессиональная успешность субъекта: психологические и социальные контексты // Методы исследования психологических структур и их динамики / под ред. Т.Н.Савченко и Г.М.Головиной. М.: ИП РАН, 2007. - С.69-81.

Толочек В.А. Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. - №3. - С.27-61.

Толочек В.А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: ИП РАН, 2015.

Толочек В.А. Психология труда. СПб.: Питер, 2016.

Толочек В.А., Винокуров Л.В. Профессиональная пригодность субъекта: ретроспектива и перспектива оценки // Акмеология. 2006. -№1 (17). - С.70-81.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Тучина О.Р.

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия
Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 14-13-23009 а(р)

Исторический опыт является неотъемлемой и существенной частью национальной идентичности, поскольку именно чувство собственной причастности историческому процессу во многом определяет осознание принадлежности к своему народу как единой общности. В современной социокультурной ситуации становится актуальным исследование процедур личностного осмысления исторического опыта в контексте самопонимания национальной идентичности, поскольку формирование способности истолковать себя в собственной полноте и самоотжественности через принадлежность к истории народа, чтобы не стать объектом чьих-либо манипуляций, становится не только теоретической проблемой, но и социальной необходимостью.

Ключевые слова: личность; экзистенциальный опыт; исторический опыт; национальная идентичность.

HISTORICAL EXPERIENCE AND NATIONAL IDENTITY

Tuchina O.R.

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Historical experience is an integral and essential part of national identity, as the sense of belonging to the historical process largely determines the awareness of belonging to their nation as a unified community. The research of personal understanding of historical experience procedures in scope of national identity self-understanding is relevant in modern social and cultural context. The formation of the ability to interpret oneself in their own completeness and self-identity through belonging to the history of the nation in order not to become the object of someone's manipulation, becomes not only a theoretical problem but also social necessity.

Keywords: identity; existential experience; historical experience; national identity.

В связи с неопределенностью, неустойчивостью современного социального ландшафта, противоречивостью и разнонаправленностью тенденций развития современной цивилизации (национальное единство и мультикультурализм, глобализация и локализация, международная миграция населения) остро встает проблема самоопределения человека, как в рамках собственной жизни, так и в более широком контексте – своего народа, своей нации.

Понятия «нация» и «народ» многозначны: в зависимости от тех или иных методологических установок термин «нация» связывается или с категорией «этничность» (народ) или «гражданственность» (нация-государство). В XIX веке европейские философы выдвинули теорию национальной принадлежности, которая основывалась на синтезе двух концепций: рационалистическом постулате Ж.-Ж. Руссо о праве народа быть верховным суверенным в политической жизни и представлениях немецких и английских романтиков об иррациональной природе наций (единство по языку, крови, фольклорным традициям).

На сегодняшний день понятие нации также остается трудноопределимым. В этой связи ряд исследователей считают перспективным обращение к категории национальной идентичности, поскольку она акцентирует субъектную сторону национальной принадлежности, вовлеченность человека в социокультурные и политические процессы, что предполагает рассмотрение народа в качестве предикативной стороны личностной самодетерминации (Бадмаев, 2005).

В социологии и социальной психологии также наблюдаются эти две тенденции трактовки и соответствующих эмпирических исследований национальной идентичности: как этнокультурной и как национально-гражданской. В области социальной психологии ряд исследователей считают, что гражданская и этническая идентичности имеют разное когнитивное содержание (Иванова, Мазилова, 2008; Дробижева, 2006).

Если этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории, то гражданская идентичность – на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. При этом в современных социологических работах подчеркивается важность различения гражданской и государственной идентичностей, что соотносится с одним из пониманий гражданства. Отмечается, что гражданская идентичность, в отличие от государственной не подразумевает единой культуры, одной ценностной ориентации или мифической «национальной территории». Гражданство выступает как институт, сообщество, которое создается не историей и природой, а социальным договором. Гражданская идентичность, таким образом, является специфическим «изобретением» сообщества людей, и ее политическая значимость связана с поддержанием чувства «быть как дома», чувства собственного достоинства и веры (Киселев, Смирнова, 2001).

Осознание принадлежности к определенному народу является едва ли не наиболее константной характеристикой самосознания человека, национальная идентичность формируется в процессе осмысления своей истории, своего нынешнего положения и возможных и желаемых перспектив. Национальная идентичность как социальный феномен – это «заданная национальным образом мира и национальной историей, основная идея, которой живет социум в данную историческую эпоху. Идентичность несет в себе ответ на вопрос о сущности своего народа, нации, ее месте, роли и задачах в мировой истории и идеальных формах ее существования» (Бадмаев, 2005, с. 12). Соответственно, исторический опыт, особенно опыт переживания критических, роковых событий истории определяет осознание принадлежности к своему народу как единой гражданской общности. С другой стороны, чувство принадлежности к своему народу является определяющим фактором при переосмыслении прошлого и включении его в оценку настоящего.

Несмотря на активные исследования феномена исторической памяти в современных гуманитарных науках, практически неизученным остается вопрос о функционировании исторической памяти на уровне индивидуального сознания. Среди исследований исторической памяти можно выделить работы, в которых индивидуальный исторический опыт анализируется в рамках автобиографической памяти (Barsalou, 1998; Brewer,

Liechtenstein, 1982.), функционирование исторического опыта в обыденной психической жизни людей (Нуркова, 2009), а также роль исторической памяти в субъективной картине жизненного пути личности (Трегубенко, 2012).

Анализируя подходы к изучению феномена национальной идентичности, мы пришли к выводу, что в ее формировании особую, возможно определяющую роль играет исторический опыт личности, рассматриваемый как разновидность экзистенциального опыта. В современной психологии экзистенциальный опыт трактуется не просто как совокупность переживаний, но их особая целостность, продукт обработки, которые каждый раз приводят к новому рубежу личностной зрелости и связанному с нею принятию сложностей судьбы (Касавина, 2014). Экзистенциальный опыт проходит различные ступени и формируется как на уровне бытийствования, повседневности, живого опыта, так и на уровне ситуаций культуры (под влиянием, например, конкретных произведений или исторических событий), где в очищенном, артикулированном виде дан смысл реальных жизненных событий и переживаний. Структуру экзистенциального опыта исследователи рассматривают не столько как горизонтальное сопряжение его элементов, но как проекцию в будущее и прошлое. Экзистенциальный опыт состоит из опыта не только своего, но и чужого, а также включает в себя не только отражение и порождение социокультурных ситуаций, но и проживание субъекта в них (Знаков, 2013). Экзистенциальный опыт – это «опыт проживания экзистенциальных проблем», который основан на их внепонятийном постижении (Гришина, 2013, с. 384). Поскольку феномен исторического опыта, сопряженный с процедурами самопонимания раскрывается как интерпретация своего личностного опыта через опыт группы, мы рассматриваем исторический опыт в контексте экзистенциального опыта личности.

В нашем исследовании в качестве основного мы предлагаем концепт «исторический опыт», рассматриваемый как непосредственное переживание человеком как исторического события, так и исторической дистанции между прошлым и нынешним временем (Анкерсмит, 2007).

Основа подобного опыта – эмоциональное переживание отчуждения от чего-то жизненно важного, чувство ностальгии по ушедшей подлинности в контексте неопределенного и неподлинного настоящего. Подобный опыт позволяет увидеть и выявить то существенное в себе, что определяет собственную самотождественность, ведь обращаясь к значительности событий прошлого, мы становимся гораздо более современными людьми, чем были до обращения к прошлому. Эта особенность исторического опыта соединяет линейность истории как движение от прошлого к будущему, при котором прошлое – это то, чего уже нет, и, вместе с тем, ее цикличность, как вечное возвращение того, что определяет человеческое в человеке и обществе.

Таким образом, в связи с назревшей потребностью в акцентировании внимания на историческом опыте народа для глубинного осмысления национальной идентичности конкретного индивида и общности в целом, мы предлагаем в качестве важного элемента национальной идентичности рассматривать психологический аспект восприятия исторических фактов и их отражения в национальном самосознании народа (Аполлонов, Тучина, 2014).

Эвристичность данного подхода состоит в том, что феномен исторического опыта на основе субъектного подхода рассматривается в контексте экзистенциального опыта личности. Новизна предлагаемого подхода состоит в том, что феномен исторического опыта, сопряженный с процедурами самопонимания раскрывается как интерпретация своего личностного опыта в контексте опыта своего народа.

Литература

Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.

Аполлонов И.А., Тучина О.Р. Исторический опыт: попытка концептуализации // Научные труды КубГТУ. 2014. - № 3.

Бадмаев В.Н. Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ). Волгоград; Элиста, 2005.

Гришина Н.В. Экзистенциальный опыт: эмпирические описания // Человек, субъект, личность в современной психологии // Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 1. М.: ИП РАН, 2013. - С.383-386.

Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданская, этническая и религиозные идентичности в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. - С.10-30.

Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б. Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях // Вопросы психологии. 2008.- № 2. - С. 83–93.

Знаков В.В. Непостижимое и таинственное в экзистенциальном опыте субъекта // Человек, субъект, личность в современной психологии // Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 1. М.: ИП РАН, 2013. - С. 394-398.

Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт как феномен культуры // Вопросы философии. 2014. - № 10. - С. 46-56.

Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Формирование идентичности в российской провинции. М.: ИП РАН, 2001.

Нуркова В. В. Социальное прошлое в индивидуальной памяти // Историческая психология и социология истории. 2009. - № 1. - С. 5-27.

Трегубенко И.А. Историческая память и субъективная картина жизненного пути личности // Научные труды (Институт имени И.Е. Репина). 2012. - Вып. 23. - С. 105-126.

Barsalou L.W. The content and organization of autobiographical memories / Remembering reconsidered: Ecological and traditional approaches to the study of memory / U. Neisser, E. Winograd. (Eds.). N.Y.1998. - P. 193-243.

Brewer W.F. Liechtenstein E.H. Stories are to entertain: A structural-affect theory of stories / W.F. Brewer // J. Pragmatics. 1982. 6. - P.473-486.

ФАКТОРЫ, ДЕЙСТВУЮЩИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ АДАПТАЦИЮ ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Улугова Ш.М.

Бухарский государственный университет, Узбекистан

В статье исследованы и научно обоснованы факторы, действующие на социально-психологическую адаптацию женщин в условиях рыночных отношений. Особое внимание обращено на исследование женщин-предпринимателей.

Ключевые слова: адаптация, факторы, темп, отношения рынка, предприниматель.

FACTORS OF SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF WOMEN WITHIN MARKET ECONOMY CONDITIONS

Ulugova Sh.M.

Bukhara State University, Uzbekistan

Factors influencing women's social-psychological adaptation within market economy are revealed in this article. The key point is to draw the attention to the activities of women entrepreneurs.

Keywords: social-psychological adaptation, factors, market, enterprise, woman entrepreneur.

Изменение мировоззрения современных узбекских женщин и формирование нового экономического мышления создает новые условия, при которых сами женщины решают, в какой области трудовой деятельности они будут специализироваться. В то же время указанная тенденция создает новые социально-психологические условия и трудности адаптации на пути построения демократического общества.

В новых условиях женщины сами могут ознакомиться с деятельностью, которую должны выполнять, и адаптировать свойства своей лично-

сти к требованиям рабочей среды. То насколько быстро привыкает человек к новому трудовому коллективу, является основным фактором результативности его труда. В нашей республике, где процесс перехода на отношения рынка осуществляется поэтапно, субъекты экономики ставят очень строгие условия для адаптации женщины-предпринимателя к экономическим условиям.

По нашему мнению, такого рода проблемы являются основными трудностями при прохождении процесса адаптации. Кроме этого, еще есть ряд организационно-экономических и социальных факторов, которые затрудняют адаптацию женщин, которые выбрали предпринимательскую деятельность, и они представляют собой группу объективных факторов. Сюда входят неудобные трудовые условия, тяжелый труд, неправильное распределение обязанностей среди работников, неточное распределение прав, несоответствие профессиональным требованиям квалификации, нехватка ресурсов, ошибки, допущенные в системе поощрения и заработной платы, разного рода нарушения трудовой дисциплины и т.п.

Психолог И.И. Махмудов, проанализировав действующие факторы в условиях рыночной экономики и предпринимательской деятельности, считает, что недостаточное внимание к адаптации кадров в организации ведет не только к организационным затруднениям, но ведет и к материальным убыткам. Как отмечает автор, несчастные случаи во время работы часто случаются с вновь устроившимися на работу. Среди уволившихся с работы большинство кадров составляют те, которые работают меньше шести месяцев (Махмудов, 2006).

По нашему мнению, поэтапный переход к экономике рынка, финансово-экономический кризис, а также данные, полученные в результате моделирования различных условий, в которых действуют субъекты предпринимательской деятельности, позволяют сделать вывод о том, что необходим гибкий подход при организации предпринимательской деятельности. Для полной адаптации к существующим условиям деятельности женщина-предприниматель должна хорошо знать свои способности, суть своей деятельности и условия ее осуществления, наличные потребности и качество получаемой информации. Надо также иметь ввиду то, что достаточно разработанная «Y-теория» МакГрегора, которая все же ограничена в своих возможностях, не может дать точной оценки имеющимся факторам. Кроме этого, хорошо представляя вышеизложенное, при даче оценок людям очень легко можно ошибиться. Для этого при изменившихся условиях женщина-предприниматель должна заново рассмотреть исходные подходы, внести быстрые изменения в свои управленческие решения, и всегда должна быть готова к такому варианту развития событий.

Как было определено, из женщин, которые выбрали предпринимательскую деятельность, немногие желают остаться в этой должности или на этой работе долго. Большинство их ответственно и активно стараются

для расширения, увеличения деятельности. Выбрав в своей прежней работе, где она хорошо показала себя как одна из лидеров, единственный стиль и поработав над ним терпеливо долгие годы, в новой работе (в новой должности) (например, в зарубежной совместной работе в открывшемся совместном предприятии). Работавшие под ее руководством, стремятся в этих условиях развиваться профессионально и личностно и достичь успеха в работе, но не всегда могут заниматься предпринимательской деятельностью.

Приняв во внимание литературные данные, во многих обстоятельствах подобные случаи могут представлять собой переход сотрудниц их государственного сектора в сферу предпринимательской деятельности, что часто также связывается с творческим подходом. Надо также признать, что условия предпринимательской деятельности требуют определенных изменений в личности человека, к чему не все готовы. Наши эмпирические наблюдения и исследования показывают, что таких женщин, готовых к столь радикальным изменениям, очень мало, что женщины, предвидящие будущее, адекватно оценивающие обстоятельства, умеющие изменить метод руководства, готовые к гибким подходам тем не менее составляют большинство женщин-предпринимателей, и они демонстрируют способности социально-психологической адаптации к условиям рыночной экономики.

По мнениям специалистов, в условиях экономического рынка женщина-предприниматель, которая собирается добиться определенных результатов от своих подчиненных людей, которые работают под их руководством, работающая плодотворно в своей предпринимательской деятельности, не должна ограничиться только одним методом управления сотрудниками. По нашему мнению, женщина-предприниматель должна уметь использовать многие методы, способы, которые отвечают современным условиям, условиям мирового финансово-экономического кризиса, применяя их в предпринимательской деятельности. Если поставить вопрос прямолинейно, то лучший способ деятельности – это согласованность различных интересов и усилий, это, согласно К. Арджирису, способ, направленный на реальность. Давая описание способу, направленному на реальность, К. Арджирис развивает его по многим направлениям. Кроме этого, разрабатываются правила для принятия решений, когда и в каком виде надо принять решения, направленные для изменения управленческих стилей. Если, изучив литературу сделать анализ, то считавшийся «самым плодотворным» стиль, несмотря на очевидные обстоятельства, изменяется, по этой причине именно этот один стиль не считается плодотворным. Поэтому, самый плодотворный предприниматель – считается предприниматель, который в реальных обстоятельствах может гибко адаптироваться к обстоятельствам (Арджирис, 2004).

Как считает ряд специалистов, предпринимательство, как и бизнес в известной степени является искусством. Мы сравниваем состоятельные

подходы с предпринимательством, так как после какой-то известной подготовленности предприниматели могут выбрать соответствующий обстоятельству стиль, и демонстрируют специфику гендера. В некоторых обстоятельствах, особенно в условиях экономического кризиса (по сравнению с мужчинами) женщины-предприниматели плодотворность своих работ: систематизируют выполняемую задачу, ясно определяют задачу каждого и организуют в заранее спланированной ситуации, могут повышать ее через всестороннюю поддержку. Именно в этой ситуации мужчины-предприниматели, не систематизировав задачи, считают правильным для подчиненных в какой-то степени самостоятельное принятие решений и самостоятельных действий (Антоненко, 1995; Журавлев, Позняков, 1995; Савицкая, 2008).

Как утверждают Б.Ю. Ходиев и другие, в обществе, основанном на отношениях рынка, предпринимательская способность отличается от простой рабочей силы и выполняет отдельную задачу, состоящую в управлении производством. Он от природы являлся знатоком своего дела, значит воплощение отдельной способности, высокого знания, специальной подготовленности и ответственности. Кроме этого, такая способность не соединяется материальными факторами, а обеспечивает плодотворное соединение факторов с рабочей силой, получение хороших результатов из экономической деятельности (Антоненко, 1995; Ходиев и др., 2004).

А.Л.Свенцицкий (2005), опираясь на результатах ряда социально-экономических и социально-политических исследований в изменяющейся социальной среде, делит факторы, которые действуют на адаптацию женщин и их плодотворный труд, на три:

1. Техника – технологический уровень производства (насколько совершенна техника, настолько эффективней труд).
2. Качество, собственно, человеческого фактора (если уровень знаний предпринимателей, выбравших вид новой деятельности высок, квалификация и опыт большой, то процесс адаптации проходит быстро, увеличивается его эффективность).
3. Естественные условия производства (чем удобней это условия, тем больше ускоряется процесс социализации и будет выше эффективность труда).

Ввиду результатов исследования, проведенного В.М.Каримовой и Ф.А.Акрамовой (2005), эти общие выводы могут быть развиты далее. По мнению авторов, «Стало известно то, что женщины, непосредственно участвовавшие в общественно полезном труде, особенно имеющих высокую степень образования, при изучении образа «Я» и умеющих заниматься самооценкой, считают себя умнее, знающими, привлекательными, более открытыми при общении. Если женщина кроме семьи имеет содержательную, удовлетворительную, творческую работу и если она полностью получает от них удовлетворение, то она со своей стороны, рассуждая творче-

ски, считает себя хорошей мамой и хорошей женой. Вообще, при беседе, проведенной с нашими узбекскими женщинами, наши выводы, взятые из многих проведенных исследований, показали, что общественный труд сегодняшней женщины показывает положительное воздействие на ее личность и семейное отношение. И также отношения мужа с женой зависят от профессиональной позиции и образования женщины в семье».

С точки зрения вышеизложенного, можно заключить, что улучшенные условия труда, технологически развитое производство, стратегическое планирование предпринимательской деятельности, здоровая психологическая среда в трудовом коллективе, – все это в своей совокупности повышают степень социально-психологической адаптации женщин в условиях рыночной экономики, а деятельность женщины предпринимателя делают успешной и эффективной.

Литература

Антоненко И.В. Личностный аспект деятельности предпринимателя. Автореф. дисс... канд. психол. наук. М., 1995.

Арджурис К. Организационное научение. М.: ИНФРА-М, 2004.

Журавлев А.Л., Позняков В.П. Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия. М.: ИП РАН, 1995.

Ишмухамедов А.Э., Эшов М.П., Суннатов М.Н. Бозор иқтисодиёти ва бизнес асослари (Принципы рыночной экономики и бизнеса). Тошкент: ТДИУ, 2006.

Каримова В.М., Акрамова Ф.А. Иқтисодий психология (Экономическая психология). Тошкент: ТДИУ «Талаба», 2005.

Махмудов И.И. Бошқарув психологияси Психология управления). Тошкент: Рахбар, 2006.

Савицкая Г.В. Анализ эффективности и рисков предпринимательское деятельности: методологические аспекты. М.: ИНФРА-М, 2008.

Свенцицкий А.Л. Социальная психология. М.: Проспект, 2005.

Ходиев Б.Ю., Саматов Ф.А., Юсупов М.С. Мелибоев Ш.А., Ишмуратов С.Т., Эшов М.П. Кичик тадбиркорлик фаолияти асослари (Основы малого бизнеса). Т.1. Тошкент, 2004.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ТЕСТОВ

Усманова М.Н., Рахманова Д.Б.

Бухарский государственный университет, Узбекистан

В работе говорится о внедрении тестового метода отбора абитуриентов в вузы Узбекистана и о трудностях, с которыми столкнулись разработчики тестов, так как тесты весьма сильно связаны с культурной средой, в которой они созданы. Обосновывается мысль о том, что

нельзя использовать тесты путем прямого перевода с одного языка на другой, приводятся мнения различных школ психологов. Специфические черты культуры народов Узбекистана неизбежно проявляются и в особенностях восприятия и понимания тестов. Использование (критериально-ориентированных тестов, апробированных педагогических тестов международного уровня, их перевод на узбекский язык с последующей адаптацией) дало положительные результаты на начальном этапе внедрения тестового отбора абитуриентов. В настоящее время в Узбекистане существует отечественная школа разработчиков педагогических тестов.

Ключевые слова: тест, тестов достижений, критериально-ориентированные тесты, тестовая культура, традиции, язык, валидность, адаптация.

CROSSCULTURAL DISTINCTIONS AT COMPILING TESTS

Usmanova M.N., Rahmanova D.B.
Bukhara State University, Uzbekistan

In this research it is told about introduction of test method of selection applicants in high schools of Uzbekistan and about difficulties which developers of tests as tests are rather strongly connected with the cultural environment in which they have compiled have faced. The thought that it is impossible to use tests by direct transfer from one language into another is proved, opinions of various schools of psychologists are resulted. Peculiar features of culture of the people of Uzbekistan inevitable are shown and in features of perception and understanding of tests. Use (the criteria-based tests, approved pedagogical tests of the international level, their transfer into the Uzbek language with the subsequent adaptation has yielded positive results at the initial stage of introduction of test selection of entrants. Now in Uzbekistan there is a domestic school of developers of pedagogical tests.

Keywords: the test, achievement tests, the criteria-based tests, test culture, traditions, language, a validity, adaptation.

Известно, что применение тестового метода отбора абитуриентов в вузы Узбекистана связано с поездкой в 1992 году Президента И.А. Каримова в Турцию и ознакомлением там с работой центра тестирования ОСЕМ, который осуществляет отбор и распределение по набранным при тестировании баллам абитуриентов между университетами страны.

Внедрение в систему образования Узбекистана объективного метода контроля знаний обусловило потребность в педагогических тестах по всем учебным дисциплинам. Между тем опыт начального этапа освоения педагогического тестирования показал, что определенная часть тестов, разра-

ботанных педагогами республики, имело низкое качество из-за отсутствия опыта, дефицита литературы по методике разработки педагогических тестов, малочисленностью в республике научных кадров по этой проблеме и достаточной сложностью самой задачи составления тестов, которая основана на современном математическом аппарате (математическая статистика, корреляционный анализ; факторный анализ и др.).

Составление педагогических тестов - это творческая деятельность достаточно высокой квалификации. Разработчик тестов должен быть высококвалифицированным специалистом-профессионалом и педагогом, знакомым с методикой разработки и применения педагогических тестов. Он должен также, по-нашему мнению, обладать хорошо развитой педагогической рефлексией (способность человека отразить внутренний мир свой и людей). Можно добавить сюда еще способность построить в своем сознании модель мышления студента в процессе решения тестового задания.

Правомерна постановка вопроса: можно ли удовлетворить хотя бы на первых порах потребности Узбекистана в качественных педагогических тестах за счет прямого заимствования (перевода) американских и турецких тестов. К сожалению, такие возможности ограничены, так как тесты весьма сильно связаны с культурной средой, в которой они созданы. "Ни один тест не может быть одинаково применимым или равно "справедливым" для всех культур". Многие исследования социальных психологов, лингвистов и этнографов показывают, что у каждого народа есть собственный "взгляд" на мир, зафиксированный его родным языком, так как каждый народ по-разному категоризирует действительность. Картина внешнего мира, запечатленная в языках неодинаковым образом, не является единой схемой операций познавательной деятельности. Узбекский язык, как и другие языки, имеет свою специфику. До недавнего времени не стоял вопрос о прямом переводе с английского или турецкого языков на узбекский. Достижения науки, как правило, переводились вначале с английского (или другого языка) на русский, и только потом становился возможным перевод с русского языка на узбекский.

С обретением независимости Узбекистан получил прямой доступ к общению с развитыми странами. Однако создание собственной переводческой школы требовало времени. Во всяком случае, до 1992 года в Узбекистане не было опубликовано на узбекском языке ни одного из широко известных в США и других странах тестов достижений. В тестологической литературе в США неоднократно обсуждались проблемы перевода тестов. Ученые отмечают, что перенесение теста из одной социальной среды, где он был разработан, в другую связано с определенными трудностями. Испытуемые, принадлежащие к другой культуре, по-своему воспринимают тест, переосмысливают на свой лад его задания, поскольку они оперируют своей системой значений и семантических отношений между ними. Л. Кронбах (1972) отмечал, что переведенный тест не может рассматри-

ваться как подлинный, такой же, как и оригинал... Внимательное рассмотрение нередко показывает: "умный" ответ на задание в оригинале не есть лучший ответ в новой культуре.

Московская школа психологов придерживается такой же точки зрения: культура каждой социальной общности проявляется в круге господствующих научных и житейских представлений, каждое из которых имеет свои корни в истории этой общности. Она проявляется и в стереотипах мышления, складывающихся в процессе исторически обусловленной деятельности, и во взаимном общении людей, постоянно связывающих эти представления с определенными признаками, т.е. в системах устойчивых семантических отношений.

Д. Кемпбелл (1980) рассматривает трудности, с которыми сталкивается переводчик при попытке перевода теста с одного языка на другой. "С одной стороны, существует симметричный, или децентрированный перевод, стремящийся сохранить как верный смысл, так и привычность, и разговорность как в том, так и в другом языке. С другой стороны, существует ассиметричный, или уницентрированный перевод, в котором доминирует верность одному из языков, обычно языку оригинала. И хотя в обоих случаях идеал непостижим, на практике мы сталкиваемся с большими различиями.

Попытки ученых-тестологов создать тесты, свободные от влияния культуры, не увенчались успехом. Культурой пропитаны почти все контакты человека со средой. А поскольку всякое поведение подвержено влиянию культурной среды, в которой индивид воспитывается и "тест есть не больше, чем выборка поведения", то культурное влияние будет и должно сказываться на выполнении теста. Национальные особенности, стереотипы, национальные установки могут создавать так называемые "психолого-гносеологические барьеры", которые характеризуют человека со стороны психологических установок, внутренних стереотипов, программ поведения и т.п. В конце 60-х - начале 70-х годов даже появились справочники по проблемам тестирования межкультурных различий и использования тестов в развивающихся странах, в которых было отмечено, что особую трудность представляет "почти невыполнимая задача" перевода и адаптации теста действия, "языком" действия является задаваемое культурой восприятие на его слова (Аванесов, 1994; Анастази, 1982).

Народу Узбекистана исторически присущи коллективистические начала, корнями уходящие в традиционно общинный уклад жизни. Нормой межличностных отношений является почитание старших, забота о семье и детях, открытость, доброжелательное отношение к людям независимо от национальности, чувство сострадания к чужой беде и взаимопомощи. Характерные черты населения Узбекистана - любовь к узбекской земле, к своей Родине, трудолюбие, особо уважительное отношение к знаниям, учителям, просветителям. Важную роль играет исламский фактор. Он проявляется и в укладе жизни, психологии людей, формировании духовно-

нравственных ценностей, и в стремлении к сближению с народами, исповедующими эту религию.

Определяющее воздействие на все стороны жизни людей, проживающих в этом регионе, оказывают его древняя история и культура, тот огромный вклад, который внесли жившие здесь мыслители и философы Востока в развитии мировой цивилизации. Исследователи указывают на то, что этническое своеобразие человека может выражаться в специфике его реального поведения, в сфере сознания и самосознания личности. Исходными понятиями при анализе этнического сознания могут служить ценности и ценностные ориентации, являющиеся атрибутом культуры и отражающие этническое своеобразие этой культуры. Человек, используя в своей жизни исторический опыт этноса для построения самого себя, делает все по-своему. Развивая свою психику, человек умножает культуру.

Ученые отмечают национально-специфические черты в семьях Узбекистана, где у детей с самого раннего детства традиционно формируется почтительное отношение к старшим, приобщение к труду. Детей приучают в присутствии старших соблюдать строжайшую дисциплину, беспрекословно выполнять все поручения. У узбекского народа существует постоянная взаимопомощь и самая близкая связь между родственниками, уделяется огромное внимание семейным праздникам. Наибольшее значение в определении жизненных планов узбекских ребят имеет семья. Национально-бытовые традиции оказывают большое влияние на структуру свободного времени и его бюджет, проявляющиеся во временных затратах узбекских школьников на домашний труд.

Эти и другие специфические черты культуры узбеков неизбежно проявляются и в особенностях восприятия и понимания тестов. Из двух типов педагогических тестов, широко применяемых в образовании - тестов достижений и критериально-ориентированных тестов первые в большей, а вторые в меньшей степени зависят от той культурной среды, в которой они созданы. Среди всех типов стандартизованных тестов тесты достижений превосходят все остальные. Они создавались для измерения эффективности программ в процессе обучения.

Критериально-ориентированные тесты дают информацию о тех операциях и действиях, которые может выполнить испытуемый. Их применение не связано со сравнением результатов индивида с социально-ориентированными нормами, т.е. с тем, как выполняли данный тест большие выборки испытуемых, что делается при оценке результатов тестов достижений. Именно результаты тестирования репрезентативной выборки, стандартизации тестов достижений в наибольшей степени подвержены влиянию определенной культурной среды, поэтому норма, сформированная в этой среде не должна применяться в условиях другой культуры без проведения адаптации теста и проверки его валидности в новых условиях.

Таким образом, переводные критериально-ориентированные тесты в меньшей степени подвержены ограничениям для применения в условиях другой культуры. Однако критериально-ориентированные тесты по сравнению с тестами достижений имеют более узкую сферу применения.

Большие затруднения возникают у преподавателей при попытке перевода теста с русского языка на узбекский язык, и наоборот. Например, до сих пор не разработана четкая терминология по курсу математики узбекской школы, что нередко приводит к произвольным толкованиям тех или иных понятий. Например, термин "истинно" переводится с русского языка на узбекский как "рост", "тўғри", "хақиқат", "чин"; термин "ложно" - "елғон", "тўғри эмас", "хақиқат эмас", "сохта", "чин эмас", "ноҳақиқат"; термины "высказывания", "суждения", "предложения" переводятся на узбекский как "мулоҳаза", "фикр", "ўз фикрини баён қилиш", "айтилган фикр". Такая многозначность может привести при переводе теста к искажению смысла тестового задания.

Рассмотрим некоторые трудности, которые могут возникнуть при переводе тестовых заданий с русского на узбекский:

Вопрос: Тестовое задание, в котором пропущено слово и не предлагаются варианты ответов, называется

Ответ: открытым.

Отвечая на открытое задание, студент дописывает ответ в месте про черка (или записывает ответ на специальном листе ответов).

При переводе открытого теста на узбекский язык, необходимо помнить, что в нем на последнем месте в предложении должен стоять глагол. Перестроить фразу так, чтобы на последнем месте стояло "ключевое слово" (существительное или прилагательное) практически невозможно. Таким образом, в силу отмеченных причин переводной тест должен быть подвергнут адаптации, которая может представлять собой процедуру, не менее сложную, чем разработка нового теста. В связи с этим, целесообразен и полезен перевод на узбекский язык апробированных педагогических тестов международного уровня с их последующей адаптацией. Поэтому на первом этапе внедрения педагогических тестов в систему образования Узбекистана главные усилия были сосредоточены на овладении всем преподавательским корпусом Узбекистана тестовой культурой и на создание узбекской научной школы педагогической тестологии.

Литература

- Аванесов В.С.* Научные проблемы тестового контроля знаний. М., 1994.
Анастаси А. Психологическое тестирование: В 2т. М.: Педагогика, 1982.
Кемпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М.: Прогресс, 1980.
Cronbach L.J., Drenth P.J.D. Mental Tests and Cultural Adaption. The Hague: Mouton, 1972.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЛОЯЛЬНОСТЬЮ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ КЛИМАТОМ В ГРУППЕ

Ушакова В.Д.

Российский государственный университет имени Г.В. Плеханова, Москва

В данной статье рассмотрены проблемы лояльности и психологического климата в организации. Проведено исследование, которое выявляет существование взаимосвязи между составляющих компонентов лояльности (организационная лояльность) и корпоративной культуры (психологический климат). На основе представленного исследования автором предлагается использование знаний о полученной тенденции для улучшения рабочих условий в организации и повышения эффективности организационной деятельности.

Ключевые слова: лояльность, организационная лояльность, профессиональная лояльность, лояльность к труду, корпоративная культура, психологический климат, А.Н. Занковский.

RESEARCH OF CORRELATION BETWEEN ORGANIZATIONAL LOYALTY AND PSYCHOLOGICAL CLIMATE IN GROUP

Ushakova V.D.

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

This article examines a problem of loyalty and psychological climate in an organization. The research identified that in a group there is a correlation between components of the loyalty (organizational loyalty) and the corporative culture (psychological climate). Basing on the presented research the author offers to use this information for improvement of working conditions in the organization and for increasing of efficiency of the organizational activity.

Keywords: loyalty, organizational loyalty, professional loyalty, loyalty to labour, corporative culture, psychological climate, A.N. Zankovsky.

В современных условиях эффективного функционирования многих компаний все большее внимание уделяется их человеческому капиталу. В литературе уже неоднократно упоминалось, что именно сотрудники представляют собой потенциал для эффективной деятельности организации. Именно персонал обеспечивает развитие, конкурентоспособность и интеллектуальную собственность компании. Поэтому каждой компании, стремящейся быть лидером и закрепить свое положение на рынке, следует уделять должное внимание феномену организационной лояльности и психологическому климату, который образуют сотрудники организации. На

данный момент многие организации задаются вопросом о лояльности к организации, как управлять и диагностировать ее. Данная работа позволит выявить ключи, которые помогут разобраться с вышеперечисленными вопросами.

А.Н. Занковский определяет корпоративную культуру так: «Корпоративная культура представляет собой приобретенные смысловые системы, передаваемые посредством естественного языка и других символических средств, которые выполняют репрезентативные, директивные и аффективные функции и способны создавать культуральное пространство и особое ощущение реальности» (Занковский, 2009).

Приобретая индивидуальный и личный опыт, работники формируют, сохраняют и изменяют свои смысловые системы, в которых отражены их отношения к различным явлениям — миссии организации, планированию, мотивационной политике, производительности, качеству труда и т. д. Такие системы координат неочевидны и редко полностью совпадают с декларируемыми целями, однако очень часто они детерминируют поведение в большей мере, чем формальные требования и правила. То, что делает менеджер или любой член организации, в значительной мере является функцией совокупности его представлений об окружающем его мире. В экстремальных случаях эти системы координат работают против организационных целей и, расширяя или ограничивая диапазон поведенческих и когнитивных возможностей работников, снижают эффективность коллективной деятельности.

Корпоративная культура ориентирована на внутреннюю среду и проявляется, прежде всего, и главным образом в организационном поведении сотрудников. Сюда следует отнести устойчивость, эффективность и надежность внутрисистемных организационных связей; дисциплину и культуру их исполнения; динамизм и адаптивность к нововведениям в организации; общепринятый (на всех уровнях) стиль управления, основанный на сотрудничестве; активные процессы позитивной самоорганизации и многое другое, что проявляется в корпоративном поведении работников в соответствии с принятыми нормами и признанными ценностями, объединяющими интересы отдельных людей, групп и организации в целом (Палт, 2015). Корпоративная культура (Попов, 2007) состоит из: мировоззрения, организационных ценностей, стилей поведения, норм, психологического климата. Наибольший интерес для нас представляет такой элемент корпоративной культуры как психологический климат. А.Н. Занковский определяет психологический климат в группе как «климат в организации, с которым сталкивается человек при взаимодействии с ее сотрудниками» (Занковский, 2009). Психологический климат представляет собой преобладающую и относительно устойчивую духовную атмосферу, определяющую отношения членов коллектива друг к другу и к труду.

Теперь перейдем к понятию лояльности к организации. Термин «лояльность» часто употребляется в различных теоретических и практических исследованиях, однако вопрос о том, что подразумевают различные авторы под данным термином, остается открытым. В большинстве случаев под лояльностью понимается корректное, благожелательное отношение, соблюдение установленных правил и норм, что говорит о наличии нормативного и эмоционального компонентов лояльного поведения. Для подобного рассмотрения существуют объективные причины.

Корни понятия «лояльность» уходят в представления о законопослушности, принятии правил и условий, возникающих в ходе возникновения договорных отношений (Доминьяк, 2006). Договор, письменный или же устный, официальный или негласный, закрепляет за каждой из сторон права и обязанности, ответственность, связанную с возникновением данных отношений. Наряду с нормативными компонентами лояльность предполагает также возникновение эмоциональной связи. Именно она позволяет говорить о лояльности в терминах преданности и верности, наиболее часто используемых как синонимы для ее определения.

Лояльность в организации разделяют на организационную лояльность, профессиональную и лояльность к труду (Валуженич, 2007). Рассмотрим подробнее организационную лояльность. На сегодняшний день организационную лояльность рассматривают с двух основных позиций: как основной залог благонадежности и безопасности сотрудников для организации (И.Г.Чумарин, К.В.Харский, А.В.Ковров) (Чумарин, 2000; Харский, 2003; Ковров, 2004) и как эмоциональную связь, доброжелательное отношение и привязанность сотрудников к своей организации (М.И.Магура, Л.Портер, Я.Браун) (Магура, 1998; Портер, 1974; Браун, 1996). В первом случае делается акцент на нормативных компонентах лояльности, связанных с принятием, подчинением и разделением сотрудниками норм и правил организации, на отсутствии саботажа и проявлений нелояльного поведения. Однако эмоциональный уровень отношений в данном случае не рассматривается и может сводиться к идеям терпимости и безразличия. Во втором случае акцент делается именно на возникновении у сотрудников эмоций и чувств по отношению к организации, что представляет большой интерес для психологического исследования: сотрудники проявляют интерес и озабоченность состоянием дел организации, гордятся своей причастностью к ее команде, принимают участие в решении ее проблем и развитии. Данные критерии наиболее часто используются различными авторами как характеристики организационной лояльности сотрудников.

Гипотезой нашего исследования было то, что существует корреляция между психологическим климатом и организационной лояльностью. Диагностический материал составляли две методики: модифицированная экспресс-методика по изучению психологического климата в трудовом кол-

лективе О.С. Михалюка и А.Ю. Шалыто; методика измерения лояльности С.С. Баранской.

Полученные результаты были следующими:

Подшкала «Гордость за организацию» - средний уровень. Это говорит о том, что сотрудники считают свою организацию не лучше и не хуже других. Возможно, это связано с тем, что они ограничены в получении информации о других организациях и не знают, каково там.

Подшкала «Вовлеченность в дела организации» - средний уровень. Средний показатель уровня вовлеченности в дела организации показывает то, что респонденты вовлечены в организационные дела, но не во все, они далеки от дел и не всегда стремятся разделять проблемы и потребности организации.

Подшкала «Нелояльное поведение» - средний уровень. Нельзя сказать, что участники исследования нелояльны к своей организации. Скорее всего, это связано с тем же, что и в первой подшкале.

Шкала «Организационная лояльность» - средний уровень. Средний показатель говорит о том, что сотрудники, в основном преданы своей организации и считают оправданным выбор данной организации.

Шкала «Профессиональная лояльность» - высокий уровень. Высокий показатель по шкале говорит о стремлении сотрудников совершенствовать себя и развиваться в своей профессиональной области. Главной задачей таких сотрудников является построение карьеры, становление себя как профессионала, повышение мастерства работы. Такие сотрудники стремятся работать исключительно в своей профессиональной области с возможностью использовать и оттачивать соответствующие навыки.

Шкала «Лояльность труду» - средний уровень. В целом, сотрудники лояльны к труду, но иногда избегают от дополнительных нагрузок и отлынивают от дел.

По тесту на измерение психологического климата, получился высокий уровень удовлетворенности психологическим климатом и низкий уровень эмоционального выгорания сотрудников.

После проведения корреляционного анализа, мы получили следующее:

- Между организационной лояльностью и психологическим климатом существует отрицательная корреляция (с увеличением одной единицы уменьшается другая);

- Сильнее всего коррелирует такая составляющая организационной лояльности как «вовлеченность в организационные дела»;

Можно предположить, что с увеличением уровня психологического климата в группе уменьшается вовлеченность в организационные дела (организационная лояльность) или наоборот.

Таким образом, организационная лояльность и психологический климат коррелируют между собой. Благодаря полученным результатам можно предположить о такой тенденции, что вовлеченность группы в дела

организации зависит от психологического климата внутри группы. Если он благоприятен, то группа не ищет возможности интересоваться делами организации, а если психологический климат в группе не благоприятный, то участники группы будут активно вовлекаться в дела организации и тем самым будут более лояльны к организации. Если организации необходимо повысить лояльность сотрудников, то нужно вовлечь как можно больше участников коллектива в организационные дела, и тем самым будет повышаться лояльность коллектива к организации.

Литература

Валюженич Н.Е. Организационная культура и трудовая мотивация как факторы лояльного отношения персонала к организации // Управление персоналом. 2007. - №16.

Доминяк В.И. Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации. СПб., 2006.

Занковский А.Н. Организационная психология. М.: Форум, 2009.

Палт Е.А. Некоторые результаты диагностики типа корпоративной культуры крупных организаций // Системогенез учебной и профессиональной деятельности Материалы VII Международной научно-практической конференции. Ярославль, 2015. - С.254-256.

Попов Б. Формирование корпоративной культуры // Управление персоналом. 2007. №4.

Сафаров С.М. Социокультурный подход к реформированию сферы управления ЖКХ // Научное и кадровое обеспечение деятельности организаций постиндустриального общества. Калуга, 2004.

Управление персоналом / под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. М., 2002.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ РАЗНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ

Ушнев С.В.¹, Онзимба Ленюнго Ж.Б.², Аймаутова Н.Е.²

¹Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

²Российский университет дружбы народов, Москва

В исследовании мы сопоставляем индивидуально-психологические особенности и ценностные ориентации молодежи с разной направленностью личности – студентов-психологов и молодых специалистов в сфере продаж. Индивидуально-психологические свойства личности являются предпосылкой для выбора профессии и формирования системы ценностей, соответствующих данному виду деятельности. Под воздействием внешних обстоятельств эта система может трансформироваться и вызывать внутренний конфликт личности.

Ключевые слова: индивидуально-психологические свойства, ценностные ориентации, психологи, менеджеры по продажам.

INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS AND VALUE ORIENTATION OF YOUNG PEOPLE FROM DIFFERENT PROFESSIONAL TYPES

Ushnev S.V.¹, Onzimba Lenungo Z.B.², Aymautova N.E.²

¹Moscow State University of Design and Technology, Russia

²Russian University of Friendship of Peoples, Moscow

In the study we mapped individually-psychological features and value orientation of young people with different orientation of the personality – psychology students and young professionals in the field of sales. Individual psychological properties of personality are a prerequisite for the choice of profession and of formation of system of values appropriate to this type of activity. Under the influence of external circumstances, this system can be transformed and cause the internal conflict of personality.

Keywords: individually-psychological properties, value orientations, psychologists, sales managers.

Выбирая профессию, человек, по сути, выбирает определенный образ жизни в соответствии со своими склонностями и интересами. Направленность активности личности на тот или иной вид профессиональной деятельности формирует систему профессионально-важных качеств, которые проявляются на этапах жизненного и профессионального пути (С.Л. Рубинштейн, К.В. Карпинский, Е.А. Климов). «Профессиональное самоопределение, - утверждает Климов, - это, прежде всего образы желаемого будущего, особенности осознания себя и своего места в системе деловых межлюдских отношений» (Климов, 1996). Каждая профессия предъявляет к будущему профессионалу определенные требования в соответствии с типом деятельности, целей и условий работы (В.А. Бодров, Е.А. Климов). Бодров определял профессиональную пригодность специалиста как совокупность индивидуальных особенностей человека, влияющих на успешность освоения какой-либо трудовой деятельности и эффективности ее выполнения. (Бодров, 2006, с.12). Существуют различные типологии профессий и типов людей, отличающиеся склонностью к той или иной профессиональной деятельности. В основе этих типологий часто положено разделение людей на интровертов и экстравертов, подробно описанных К. Юнгом: «Прежде всего, выделяются два различных типа, которые я назвал типом интровертным и типом экстравертным. Наблюдая за течением человеческой жизни, мы замечаем, что судьба одного человека более обусловлена объектами его интереса, тогда как судьба другого более

обусловлена его собственной внутренней жизнью, его собственным субъектом... но каждому человеку присущи оба механизма экстраверсии и интроверсии, и лишь относительный перевес того или иного определяет тип» (Юнг, 1995, с. 14).

Выраженными представителями этих двух типов можно назвать профессионалов «психологов» и «торговый представитель, менеджеров по продажам». Оба эти виды профессий по классификации Е.А. Климова относятся к типу «Человек – человек», предметом интереса здесь являются социальные системы, сообщества, люди разного возраста; сюда он включает и продавцов продовольственных товаров, и учителя, и психолога. (Климов, 1996). Но, по классификации Дж. Холланда, они уже расходятся по разным типам: на «социальный тип», который характеризуется стремлением поучать и воспитывать, имеет психологический настрой на человека, гуманность, женственность; и «предприимчивый тип» - избирает деятельность, которая позволяет проявить энергию, энтузиазм, импульсивность, стремление к лидерству, признанию, руководству, приключениям (Зеер, Рудей, 2008, с.164). Принципиальные различия представителей этих двух видов профессий хорошо отражено в наставлениях Е.А. Климова студентам-психологам о профессиональной культуре психолога: «Важно предусмотреть душеведческую направленность мышления, интерес к стороннему человеку и владение элементами психологического познания; важно, чтобы психогностическая направленность ума сочеталась с культивированием в себе высокого уровня терпимости к индивидуальной неповторимости других людей, их «непохожести» на некоторый ожидаемый в данном социальном слое стандарт» (Климов, 1988, с.184). И совершенно другие требования к личностным качествам предъявляются к менеджерам. Г.С. Никифоров, давая обобщенную психологическую характеристику профессии менеджера, выделил, прежде всего, способность к предпринимательству, под которой понимается умение не упустить свой шанс, инициатива и самостоятельность в решении деловых задач. Он подчеркивает также, что менеджеру необходима уверенность в себе, вера в свои способности выполнить стоящие перед ним задачи. «Чтобы справиться с ними, менеджер должен обладать высоким волевым потенциалом, быть целеустремленным и готовым постоянно прилагать требуемые от него усилия. В последнее время заметно возрос интерес к нравственной сфере личности менеджера, его моральной надежности» (Никифоров, 2007, с.260).

В своем исследовании мы сопоставляем индивидуально-типические особенности и ценностные ориентации молодежи разных профессиональных типов и с разной направленностью личности. Для исследования индивидуально-типологических особенностей «психологов» и «менеджеров» применялась типология индивидуально-личностных свойств, разработанная Л.Н. Собчик в русле теории ведущих тенденций. Данная типология может быть представлена схемой, в которой ортогональные признаки ин-

троверсии – экстраверсии дополнены противопоставляемыми друг другу: тревожность – агрессивностью, ригидностью – лабильностью и сензитивность – спонтанностью (Собчик, 2005, с. 41-42).

Для исследования индивидуально-психологических свойств личности психологов и менеджеров нами использовался опросник ИТО (индивидуально-типологический опросник), построенный на основе теории ведущих тенденций и выше описанной типологии (Собчик, 2005, с. 64-72). Для выявления соотношения индивидуально-типологических свойств личности и ценностных ориентаций использовался опросник М. Рокича (Rokeach, 1973) в модифицированном варианте (Зеер, Рудей, 2008, с. 211).

Система ценностных ориентации определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений к друзьям и близким людям, к себе самой, к духовному и профессиональному совершенствованию, основу жизненной концепции в профессиональной и личной жизни. Таким образом, ценностные ориентации, определяющие жизненные цели человека, выражают, соответственно, то, что является для него наиболее важным (являются метапотребностями) и обладает для него личностным смыслом.

В нашем исследовании принимали участие студенты - психологи третьих-пятых курсов московских вузов, в общей сложности 158 человек, средний возраст – 22,2 года. А также сотрудники крупной торгово-производственной московской компании (торговые представители, супервайзеры и менеджеры по продажам), занимающиеся продвижением продуктов компании на российском и зарубежных рынках. Эти специалисты отличаются между собой размерами подконтрольной территории и объемами продаж; в общей сложности 144 человека (имеющие законченное или не законченное высшее экономическое или управленческое образование), средний возраст – 24,1 года.

Были получены следующие результаты:

По методике (ИТО) получили ожидаемые результаты – у «менеджеров» наибольшие средние значения по показателю «экстраверсия» - 5,9 (максимальные значения по ИТО 9 баллов), минимальные – по показателю «интроверсия» - 2,3 балла; у «психологов», соответственно – 4,57 и 4, 26 (значимые различия по показателю «интроверсия», при $P > 0,01$); значимые различия были получены также по показателям «ригидность», «спонтанность» и «сензитивность», при $P > 0,05$; по другим показателям индивидуально-типологических свойств значимых различий не обнаружено.

По модифицированному варианту методике М. Рокича из 20 терминальных ценностей у «менеджеров» и у «психологов» первые три ранга занимают: «здоровье», «друзья», «любовь», соответственно; дальше идут расхождения: на четвертом месте у «менеджеров» - «образование» (у «психологов» - духовный рост), на пятом месте – «карьера» (у психологов – «семья»), на шестом месте – «материальные блага» (у психологов –

«удовлетворенность жизнью»), на седьмом месте – «деньги» (у психологов – «образование»), на восьмом месте – и у «менеджеров» и у психологов – «интересная работа», на девятом – у «менеджеров» – «семья» (у психологов – «красота»), на десятом – «спорт» (у психологов – «помощь людям»). По первым десяти ценностям уже видно, что на первых местах находятся общечеловеческие ценности наиболее характерные для молодежного возраста. Далее видно, что «менеджеры» уже включены в производственные и рыночные отношения и для них значимы «образование» (многие стараются получить второе высшее, MBA, учат иностранные языки для будущей карьеры), материальные ценности. Для студентов – психологов, наоборот, в первых рядах пока еще духовные ценности; «карьера» у них на тринадцатом месте, «спорт» – шестнадцатом, «деньги» – на восемнадцатом месте (не знают что это такое). Будущие психологи даже на пятом курсе смутно представляют, где они смогут сделать карьеру по своей специальности и получать достойную зарплату. Под давлением экономических обстоятельств некоторые студенты-психологи, в большей степени экстравертированные, начинают работать в сфере продаж, и, поработав, например, барменом уже не хотят возвращаться в психологию. Традиционно, интровертированным психологам сложнее перестроиться на виды деятельности, требующих спонтанной активности, экстравертированности, что вызывает у них внутренне напряжение и конфликт.

Есть встречное движение и со стороны менеджеров по продажам, которые интересуются психологией и стараются применять психологические знания в своей работе, они также выделяются из своей группы и по индивидуально-типологическим свойствам и по ценностным ориентациям. И это не удивительно, вспомним купцов-меценатов, построивших в Москве на свои средства больницы, театры, музеи, оснащали современным оборудованием кафедры и факультеты в МГУ, а окружающим и близким людям они казались чудачками и не вполне нормальными. Отец и дочь Щукины построили первый в России институт психологии, который проработал более ста лет, а современные «купцы», с явно искаженной системой ценностей, стремятся забрать то, что им не принадлежит и пустить в свой оборот.

Литература

Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. М.: ПЕР СЭ, 2006.

Зеер Э.Ф., Рудей О.А. Профессиональное самоопределение в ранней юности. М., 2008.

Карпинский К.В. Психология жизненного пути личности. Гродно: ГрГУ, 2002.

Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: МГУ, 1988.

Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Никифоров Г.С. Психология менеджмента. Психологические основы профессиональной деятельности. М.: Логос, 2007.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2003.

Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб.: Речь, 2005.

Юнг К.Г. Психологические типы. М.: Прогресс, 1995.

Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y., 1973.

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАДЕЖДЫ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ ЛИЧНОСТИ

Фадеева Т.Ю.

Саратовский государственный университет, Россия

В статье на основе эмпирических данных обсуждаются взаимосвязи между надеждой и совладающим поведением личности. В исследовании приняло участие 216 человек. Полученные результаты указывают на то, что высокий уровень надежды взаимосвязан с выраженностью конструктивных способов совладания, а низкий уровень надежды – с деструктивными.

Ключевые слова: личность, надежда, копинг-стратегии, представления о надежде.

CORRELATION OF HOPE AND COPING STRATEGIES IN PERSONALITY

Fadeeva T.Yu.

Saratov State University, Russia

The article presents research results that demonstrate correlation between hope and coping behavior of the personality. The total number of the participants which took part in the above research is two hundred sixteen (216). According to the results obtained the high level of hope is subject to the intensity of creative coping strategies while the low level of hope is correlated with the destructive coping strategies.

Keywords: personality, hope, coping strategies, the concept of hope.

Надежда на благоприятный исход – одно из обязательных условий человеческого существования. Человек, утративший надежду, теряет веру в себя, в свое дело, тем самым дезорганизует не только себя, но и других людей. Появление безнадежности, как негативного ожидания, связывают с искажением когнитивных процессов, которые приводят к интенсификации негативных эмоций. Ожидание негативного результата (безнадежности), парализуя волю, становится преградой для достижения целей, решения проблем (Бек и др., 2003). Считают, что надежда регулирует поведение че-

ловека в стрессовых или угрожающих его жизни ситуациях (Лабунская, 2011). Причем возникновение надежды связывают с предчувствием или успешным удовлетворением потребности (Леонтьев, 2002; Рейковский, 1979). Тогда как процессы совладания определяют как стратегии действий, направленные на активное изменение ситуации и удовлетворение потребностей (Карвасарский, 2000).

Проблема надежды в современных условиях приобретает все большую социальную значимость в контексте защиты личности от травмирующих воздействий, а именно способов совладания, так как психологическая адаптация личности в условиях стресса происходит, главным образом, с помощью именно этих механизмов. Надежда возникает в состоянии неопределенности, ожидания достижения цели – удовлетворения потребности. В зависимости от интерпретации ситуации: либо как неизбежной, либо как преодолеваемой посредством активности, субъект использует определенный потенциал совладающего поведения. Таким образом, можно предположить, что надежда неразрывно связана с совладающим поведением личности, выступает фактором определяющими выбор способов преодоления трудностей. В своей работе надежду мы будем рассматривать как способность к концептуализации целей, поиск путей к достижению этих целей, несмотря на возникающие препятствия, и мотивацию для использования этих путей (Snyder et al., 2002).

В исследовании приняло участие 216 человек в возрасте от 20 до 56 лет (мужчин – 90, женщин – 126 человек). Средний возраст 34 года. В качестве психодиагностического инструментария использовались: шкала диспозиционной надежды С.Р. Снайдера, адаптированная К. Муздыбаевым; методика «Копинг-тест Лазаруса», адаптированная Т.Л. Крюковой, Е.Ф. Куфтяк, М.С. Замышляевой. С помощью описательных методов (нахождение среднего значения, стандартного отклонения) данные полученные с помощью «Шкалы надежды» Р.Снайдера были разделены на группы по степени выраженности обобщенного показателя надежды, а также ее аддитивных шкал: способность находить пути и настойчивость в достижении цели (высокий, средний, низкий). Среднее значение обобщенного показателя надежды в данной выборке 23,5 (стандартное отклонение – 3,88), среднее значение шкалы «способность находить пути» – 12 (стандартное отклонение – 2,18), среднее значение шкалы «настойчивость в достижении цели (сила воли)» – 11,5, (стандартное отклонение – 2,45). Сравнительный анализ с помощью U-критерия Манна-Уитни показал, что у респондентов с высоким уровнем надежды наблюдается большая выраженность конструктивных способов совладания, таких как положительная переоценка ($U_{эмп} = 879$ при $p \leq 0,01$) и планирование решения проблем ($U_{эмп} = 746$ при $p \leq 0,01$), а у респондентов с низким уровнем надежды – деструктивный, бегство-избегание ($U_{эмп} = 1070,5$ при $p \leq 0,05$).

Можно предположить, что индивиду с развитой способностью находить пути для достижения поставленных целей, настойчивостью при их достижении в большей степени свойственно преодолевать проблемы, трудные ситуации, анализируя их, планируя собственные действия. Преодоление негативных эмоций происходит за счет положительного переосмысления ситуации, рассмотрения ее как стимула для движения вперед, для личностного роста. Субъект, не способный в проблемных ситуациях быстро и оперативно находить новые пути достижения цели, имеющий небольшой опыт, необходимый для реализации планов и адекватной ориентации в различных ситуациях, не признает своей ответственности за достижение цели, своей роли в решении проблем. Он уклоняется от негативных переживаний и проблем, преодолевает препятствия на пути достижения цели, отрицая их и ожидая лучшее.

Далее нами изучались взаимосвязи представлений о надежде с копинг-стратегиями личности, так как представления индивида, фиксируя отношения субъекта к объектам и явлениям действительности, влияют на становление личности и определяют его дальнейшие поступки. На основе пилотажного исследования были разработаны метрические шкалы, с помощью которых оценивалось отношение к пониманию надежды. Предлагались такие ее интерпретации, как иллюзия; способ не прилагать усилий в полной мере для достижения намеченной цели или задачи; стечение обстоятельств, счастливое обстоятельство, помогающее преодолевать препятствия на пути к цели; чувство, помогающее добиваться поставленных целей; способ сохранять психологическое равновесие, помогающее преодолевать препятствия на пути к цели; позитивная ценность; бессилие, отсроченное разочарование.

Далее нами был осуществлен корреляционный анализ r-Спирмена, с помощью которого были выявлены значимые корреляционные взаимосвязи между представлениями о надежде и копинг-стратегиями. Представление о надежде как способе не прилагать усилий для достижения намеченной цели имеет значимые положительные взаимосвязи с конфронтационным копингом ($r = 0,223$ при $p = 0,01$) и бегством-избеганием ($r = 0,159$ при $p = 0,05$). Субъект с данным представлением в состоянии надежды, возможно, склонен пытаться повлиять на ситуацию либо с помощью отрицания проблем и неоправданным ожиданием изменения ситуации, либо с помощью хаотичной поведенческой активности, часто прямолинейной, без надлежащей гибкости, сопровождающейся эмоциональным возбуждением.

Такие копинг-стратегии как «поиск социальной поддержки» ($r = 0,162$ при $p = 0,05$) и «бегство-избегание» ($r = 0,14$ при $p = 0,05$) взаимосвязаны с представлением о надежде «стечение обстоятельств, помогающее преодолевать препятствия на пути к цели». Можно предположить, что субъектам с данным представлением в состоянии ожидания характерна пассивность, уход от проблем, проектирование благоприятных вариантов

развития ситуации, при этом избегание собственных активных действий на фоне сохранения надежды на позитивных исход. Однако с целью ослабить эмоциональное напряжение происходит привлечение внешних сил: взаимодействие и общения с другими людьми, в данном случае с друзьями (на что указывают значимые корреляционные взаимосвязи с данными объектами надежды).

Представление о надежде как чувстве, помогающем добиваться поставленных целей положительно коррелирует с копинг-стратегией «планирование решения проблем» ($r = 0,138$ при $p = 0,05$), это может свидетельствовать о том, что данное представление взаимосвязано с сознательным решением проблем, на основе анализа ситуации, обращения к прошлому опыту.

Копинг-стратегии «самоконтроль» и «положительная переоценка» имеют значимые взаимосвязи с представлениями о надежде как положительной ценности ($r = 0,138$ при $p = 0,05$; $r = 0,211$ при $p = 0,01$) и способе сохранять психологическое равновесие, помогающем преодолевать препятствия на пути к цели ($r = 0,208$ при $p = 0,05$; $r = 0,208$ при $p = 0,05$). Можно предположить, что индивидам с данными представлениями характерны сознательные усилия по сдерживанию спонтанных эмоций, сохранению самообладания, стремление к контролю поведения. Переосмысление ситуации, себя, своих отношений и фокусирование на положительных аспектах, сохранение оптимизма и веры в лучшее. С целью снижения напряжения обращение к Богу, надежде на семью и друзей.

Однако представление о надежде как положительной ценности наряду с описанными выше коррелирует с копинг-стратегиями «принятие ответственности» ($r = 0,137$ при $p = 0,05$) и «поиск социальной поддержки» ($r = 0,145$ при $p = 0,05$), что указывает на амбивалентность направленности данного представления: с одной стороны – оптимизм и поведенческая активность по сохранению самообладания в ситуации ожидания, с другой – отчаяние, растерянность, самокритика, отсутствие четкого плана действия, застревание на ошибках. Это можно объяснить тем, что смысловое содержание данного представления преломляется через индивидуальные жизненные ценности индивида, выражая его устремления и определяя его основные смыслы.

Исследование показало, что высокий уровень надежды взаимосвязан с большей степенью выраженности конструктивных способов совладания, таких как «положительная переоценка» и «планирование решения проблем», а низкий уровень надежды – деструктивного, «бегство-избегание». Пессимистическое восприятие надежды пассивной направленности, не предполагающие активность самой личности связаны с деструктивными психологическими защитами. Конструктивные копинг-стратегии взаимосвязаны с оптимистическими представлениями о надежде, как о некоем стимуле побуждающем к действию или способе сохранять психологическое равновесие.

Литература

Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Питер, 2003.

Лабунская В.А. Надежда как условие психологической безопасности личности и общества // Социальная психология и общество. 2011. - №4. -С.15-26.

Леонтьев В.О. Классификация эмоций. Одесса, 2002.

Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979.

Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б.Д. Карвасарского. М., 2000.

Snyder C.R., Rand K.L., Sigmon D.R. Hope theory: a member of the positive psychology family // Snyder C.R. and Lopez S.J. (Eds.). Handbook of positive psychology. NY: Oxford University Press, 2002. - P.257-347.

ДЕВИАЦИИ КРЕАТИВНО-ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ

Фетискин Н.П.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, Россия

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 15-06-10868/15*

Статья посвящена рассмотрению различных детских девиаций предпосылкой, которых служили креативность и проявления одаренности. Исследования различных девиантов (гэмблеров, наркоманов, пироманов и др.) обнаружили у них поликритериальные проявления креативности, высокий уровень интеллектуального развития гиперспособностей. Среди базовых мотиваторов девиантного поведения креативно-одаренных детей служили отсутствие социального признания, невостребованность творческого потенциала и неадекватность его актуализации в повседневной жизнедеятельности.

Ключевые слова: креативность, детская одаренность, девиантное поведение, творческий потенциал, направленность девиации, мотиваторы девиации.

DEVIATIONS OF CREATIVE AND GIFTED CHILDREN

Fetiskin N.P.

Nekrasov Kostroma State University, Russia

The article is devoted to various children's deviations caused by creativity and manifestation of giftedness. The studies of various deviants (gambling addicts, drug addicts, pyromaniacs, etc.) found polycriterial manifestations of cre-

ativity, high level of intellectual development of hyperabilities. Among the basic motivators of deviant behavior of creative-gifted children the authors examines the lack of social recognition, the absence of demand of creativity and the inadequacy of its actualization in daily life activities.

Keywords: creativity, children giftedness, deviant behavior, creative potential, orientation of deviation, motivators of deviation.

В ряде зарубежных и отечественных работ высказывается положение об идентичности отдельных личностных черт у девиантов и креативных лиц. К числу таких сходных особенностей относят поисковую активность, направленную на удовлетворение потребности в новой формации, в новых переживаниях, расширении своего опыта (Аршавский, Ротенберг, 1984). Ряд авторов находит сходство между девиантными и креативными личностями по таким особенностям, как самостоятельность суждений, способность находить привлекательность в трудностях, эстетическая ориентация и способность рисковать (Барон, Харрингтон, 1981). Следуя этому, некоторые авторы, даже выделяют особый тип личности – Т-личность. Она определяется как «искатель возбуждения». Люди с таким типом личности могут достигать либо высокой степени креативности, либо демонстрировать деструктивное поведение (Менделевич, Фарли, 2007). В обобщенном виде идентичность между девиантными и креативными личностями показана в виде семи базовых векторов (Симонтон, 1994).

По мнению автора креативную личность характеризуют такие особенности, как например: стремление выйти за рамки, «нарушить границы», оригинальность и нестандартность; открытость ко всему новому и необычному; независимость взглядов и неконформность суждений; устойчивость к неопределенным ситуациям; конструктивная активность в предметной деятельности; сила «Я», связанная с возможностью автономного функционирования и устойчивостью к давлению социального окружения; чувствительность к красоте в широком смысле.

Подобные личностные проявления имели место и в группе девиантов. К числу их отличительных особенностей относятся: неконформность, неадаптивность поведения и суждений, вследствие скрытого комплекса неполноценности; жажда острых ощущений, необычных переживаний, склонность к риску, эпатажность; хорошая переносимость кризисных ситуаций в сочетании с плохой адаптацией к обыденным ситуациям; высокий уровень поисковой активности в сфере девиантных интересов; независимость в недевиантных сферах деятельности, сочетаемая со стремлением обвинять окружающих, и зависимость в сфере аддикции; внешняя социальность, сочетающаяся со страхом перед стойкими контактами; стремление уходить от ответственности; стремление говорить неправду; тревожность.

Результаты сравнения личностных особенностей между креативными личностями и девиантами (Симонтон, 1994; Менделевич, 2005) подтверждают их сходство и свидетельствуют о том, что нельзя отрицать, что многие лица с девиантным поведением – творческие люди. Сказанное позволяет судить о том, что независимо от направленности личности (продуктивной или деструктивной), креативность включает творческие возможности (способности) индивида, характеризующиеся готовностью к продуцированию принципиально новых идей. Фундаментом креативности служит дивергентное мышление – способность мыслить равноценными альтернативами в ответ на требования новой ситуации.

В этой связи в ряде работ выявлено, что девианты (наркоманы) являются более творческими личностями, чем здоровые (не наркоманы). Они обладают достаточной силой Я-авторского, чтобы справляться с жизненными трудностями, т.е. имеют инстанцию, относительно независимую от внешних влияний. Однако показатели таких инстанций, как Я-превращенное и Я-вторящее, говорят о самоотчуждении и подверженности влиянию социальных ролей на самовосприятие, что может также трактоваться как «отказ от авторского Я в пользу переживаний внешних впечатлений и событий» (Дорфман, 1995).

В работах, посвященных исследованию наркозависимости, было показано, как это не покажется парадоксальным, что им были свойственны некоторые качества самоактуализирующейся личности: высокая потребность в познании, открытость новому опыту, автономность, стремление к самораскрытию в общении с другими людьми (Менделевич, 2005, с.16). Автор объясняет этот феномен тем, что опыт фобического и иных разновидностей невротического отклоняющего поведения нередко приводит к личностному росту и раскрытию творческих способностей бывшего девианта. У бывших наркоманов и членов их семей также в случае положительного эффекта терапии регистрируется личностный рост и креативность (Менделевич, 2005, с.17).

Сходная картина отмечается и в других группах девиантов. Так, например, активные игроки (гемблеры) обладают более высоким уровнем интеллектуального развития по сравнению с обычными людьми – не игроками (Custer, 1981). Отклоняющееся поведение порой оправдано активным творческим поиском, имеющим, однако, неадаптивную и зачастую саморазрушающую направленность. Отличие заключается в том, что в подлинном творчестве (идеальной норме) удовольствие доставляет сам процесс поиска, а отрицательный результат только усугубляет знание о предмете и сигнализирует о том, что направление поиска должно быть изменено, в то время, как для девиантной разновидности поисковой активности основной целью является результат – удовольствие.

Особого внимания заслуживают девиации, обусловленные гиперспособностями человека, способности которого значительно выше среднестатистических.

тистических. В данном контексте речь идет об одаренных детях в какой либо познавательной-деятельностной сфере. Детская одаренность в одной сфере часто сопровождается девиациями в обыденной жизни. Как правило, такой ребенок нередко не приспособлен к «бытовой, приземленной» жизни. Он не способен правильно понимать и оценивать поступки и поведение других людей, оказывается наивным, зависимым и неподготовленным к трудностям повседневной жизни. Если при делинквентном поведении наблюдается противоборство во взаимодействии с реальностью, при аддиктивном – уход от реальности, при патохарактерологическом и психопатологическом – болезненное противостояние, то при поведении, связанном с гиперспособностями – игнорирование реальности. Человек существует в реальности («здесь и теперь») и одновременно как бы живет в иной, собственной реальности, не размышляя о необходимости «объективной реальности», где действуют другие окружающие люди. Он расценивает обычный мир как что-то малозначимое, несущественное и поэтому не принимает никакого участия во взаимодействии с ним, не вырабатывает стиля эмоционального отношения к поступкам и поведению окружающих, принимает любое происходящее событие отрешенно. Вынужденные контакты воспринимаются человеком с гиперспособностями как необязательные, временные и не относятся к значимым для его личностного развития. Внешне в обыденной жизни поступки такого человека могут носить характер чудачковатости. К примеру, он может не знать, как пользуются бытовыми приборами, как совершаются обычные действия. Весь интерес сосредоточен на деятельности, связанной с его неординарными способностями, например: музыкальными, математическими, художественными и иными (Менделевич, 2007, с.40).

При наркотическом девиантном поведении, на базе гиперспособностей, основными мотивами наркотизации являются мода, престиж, чувство принадлежности к рангу избранных, особых, богемы, эпатаж, стремление «взорвать ситуацию», разрушить ненавистную ему действительность, изменить и переделать ее под себя. На эту психопатологическую девиацию гиперспособных лиц социум отвечает попытками изменить и реадaptировать их к реальности или изолировать в целях реабилитации.

Среди социальных факторов, обуславливающих девиантную направленность у креативно-одаренных людей, следует отнести настороженное и даже агрессивное отношение социума к людям с различными проявлениями одаренности. Как отмечает М.А. Холодная – «Социально-государственный инстинкт отвержения «чересчур умных», несомненно, связан с боязнью инакомыслия как явления, способного разрушить общепринятые социальные ценности» (Холодная, 1993, с.33). Личностными мотиваторами наркозависимости у креативных детей нередко выступают: скука, поиск новых ощущений, интерес к экспериментированию, любопытство, пытливість ума (Максимова, 2001).

Одним из главных драйверов делинквентного поведения креативных детей является нереализованность творческого потенциала. В ряде работ показано, что одаренные дети, чьи реальные достижения ниже их возможностей, переживают серьезные проблемы в личностной и эмоциональной сфере, а также в сфере межличностных отношений. То же относится и к детям с IQ выше 180 баллов (Хорвиц, Байер, 1988). Подобной позиции придерживаются и ряд других авторов, подтверждающих, что заблокированное стремление к творчеству может приводить к сильному внутреннему дискомфорту и ощущению безысходности, личностной несостоятельности. Выход из этого состояния человек видит в употреблении наркотиков (Максимова, 2007).

По сравнению с представителями нормативного и даже гармоничного поведения, не склонных к поисковой активности, они стремятся максимально избежать риска, а значит, новых ситуаций, новой информации, новых переживаний, нового опыта. Они устремлены на сохранение status quo. В этом ракурсе они предстают нелюбознательными, ищущих гарантий и стабильности, а не знаний, ощущений и переживаний. Девиант же, напротив, излишне любознателен, крайне нестабилен и в высшей степени склонен к риску и существованию в неопределенности (Менделевич, 2007, с.14).

Говоря о девиациях в детско-молодежной среде, необходимо отметить, что дети обладают разными способностями, сознательно выбирают антисоциальный путь, приспособивая к нему все остальное и которым незнакомо понятие (Сагатовская, 1973). Так, например, у младших подростков с выраженными техническими способностями в процессе занятий техническими поделками и моделированием со временем появлялись антисоциальные девиации. С чего бы они не начинали, почти всегда заканчивали занятия изготовлением какого-либо оружия, были склонны производить взрывы, поджоги, звонки в полицию о предполагаемых террористических актах в школах, причем делали все мастерски, часто обнаруживая хорошие технические способности. Террористические акты в форме силы взрывов, звуков, цветовых эффектов вызвали у них скорее восхищение, чем осуждение (Фетискин, Миронова, Шепелева, 2015, с. 95).

Литература

Аршавский Г.А., Ротенберг В.С. Поисковая активность и ее влияние на экспериментальную и клиническую патологию // Журнал высшей нервной деятельности. 1976. - №2. - С.424-428.

Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир. М., 1995.

Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб., 2011.

Максимова С.В. Творческая активность у лиц с наркотической зависимостью // Вопросы психологии. 2006. - №1.- С.118-127.

Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. СПб., 2005.

Сагатовская Л.Г. К вопросу о путях изучения поведения личности «трудного» подростка // Психолого-педагогические проблемы воспитания и образования. Томск, 1973. - С.3-20.

Фетискин Н.П., Миронова Т.И., Шепелева С.В. Детско-молодежная девиантология. Кострома, 2015.

Холодная М.А. Психологические механизмы интеллектуальной одаренности // Вопросы психологии. 1993. - №1. - С.32-39.

Хоровиц Ф.Д., Байер О. Одаренные и талантливые дети: состояние проблемы и направления исследований // Общественные науки за рубежом. Серия: Науковедение. М., 1988. - №1. - С.34-36.

Barron F., Harrington D. Creativity, intelligence and personality // Annual Review of Psychology. 1981. - V. 32. - P. 439-476.

Custer R.L. Profile of the pathological gambler // J. Clin. Psychiatry. 1984. - Dec. Vol.45. - № 12. - Pt 2.- P.35-38.

Simonton D.K. Individual differences, developmental changes and social context // Behavioral and Brain Science. 1994. - V.17. - P.552-553.

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ, ОБЩЕНИЕ, САМОВОСПРИЯТИЕ

Филонова О.В., Ионцева М.В.

Государственный университет управления, Москва, Россия

В работе представлены результаты теоретического исследования в области социальной перцепции, общения и самовосприятия. Анализируются и интерпретируются термины «перцепция», «общение», «коммуникация». Проводится анализ подходов к изучению самовосприятия.

Ключевые слова: социальная перцепция, самовосприятие, восприятие группы, общение, самооценка, самоидентификация, самоэффективность.

SOCIAL PERCEPTION, COMMUNICATION, SELF-PERCEPTION

Filonova O.V., Ionceva M.B.

State University of Management, Moscow, Russia

The paper presents the results of theoretical studies of social perception, communication, self-perception. Analyzed and interpreted the terms "perception", "communication", "communication". Different approaches were analyzed to the study of self-perception.

Keywords: social perception, self-perception, group perception, communication, self-esteem, self-identity, self-evaluation, self-efficacy.

Теории и исследования в области социальной перцепции имеют дело с природой, причинами и последствиями восприятия социальных субъектов, а также самого себя, других людей, социальных категорий или групп, к которым субъект восприятия может и не принадлежать. Причем содержание восприятия может быть практически любого характера. Атрибуты восприятия индивида могут включать в себя личностные черты, поведенческие диспозиции, физические характеристики и оценки способностей. Атрибуты восприятия группы могут включать в себя такие свойства, как размер, сплоченность, культурные особенности, закономерности стратификации, сетевые модели, законность и историю возникновения и функционирования группы. Поле социального восприятия традиционно подчеркивает микро стороны, т.е. обычно происходит концентрация на отдельных выводах в отношении одного лица или небольшого количества других лиц, хотя бывают и исключения.

Американский социолог Барри Марковский (Markovsky, 1994), знаменитый своими исследованиями в области групповых процессов и социальной психологии считает, что понятие «социальная перцепция» можно представить в качестве зонтика, который покрывает широкий спектр связанных и, как правило, слабо сформулированных теоретических домыслов и связанных с ними исследований. По его мнению, социальное познание " возможно более актуальное понятие, чем социальная перцепция, т.к. оно включает в себя теории и исследования, относящиеся к многочисленным другим отраслям: восприятие человека, социальные суждения, теория социальной репрезентации, теория референтной группы, теория формирования впечатления, теории атрибуции и так далее.

Термины «перцепция» и «восприятие» были заимствованы из общей психологии, поэтому постоянно возникали трудности в определении точных значений данных терминов. Из-за отсутствия в английском языке эквивалентов Р. Тагиури одним из первых предложил французское выражение «*connaissance d'outroi*», что в переводе означает «познание другого». Отсутствие единой трактовки терминов - одна из многих проблем, возникших из-за различий в общепсихологическом и социально-психологическом подходах к изучению перцептивных процессов.

При изучении социального восприятия легко заметить, что оно является важной частью процесса общения или коммуникации, вследствие чего стоит упомянуть и о различиях интерпретации этих терминов. В современной отечественной литературе термин «общение» и термин «коммуникация» чаще всего употребляются как синонимы. Однако есть и другой подход, на мой взгляд, более корректный. Дело в том, что термин «коммуникация» или «*communication*» был заимствован из английского языка, в то время как термина «общение» в английском просто не существует. Г.М. Андреева описала общение как «сложный процесс взаимодействия между людьми, заключающийся в обмене информацией, а также в воспри-

ятии и понимании партнерами друг друга». По ее мнению, общение – более широкое понятие, чем коммуникация. Она выделяет коммуникативную сторону общения, интерактивную сторону общения и перцептивную сторону общения, где коммуникативная сторона общения – это, по сути, и есть коммуникация, которая заключается в обмене информацией между индивидуумами. Интерактивная сторона общения заключается в «организации взаимодействия между общающимися индивидами», в процессе которого происходит обмен знаниями, идеями и, что особенно важно, действиями. Процесс восприятия друг друга общающимися индивидуумами, познания ими друг друга, а также установления между ними взаимопонимания относится к перцептивной стороне общения (Андреева, 2003).

Любое восприятие начинается с того, что человек получает энергетические импульсы из внутренней и внешней среды, которые, в свою очередь, влияют на сенсорные аппараты, как ощущения и трансформируются мозгом в восприятия. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи между восприятиями, которые образуются и последующими действиями, предпринятыми из-за их влияния. Например, на основе представлений о личных качествах других людей (и восприятия чужих восприятий этих качеств), человек формирует суждения об этих качествах (например, хорошо это или плохо); на основе этих суждений, он формирует намерения относительно того, как он будет вести себя по отношению к другим (например, планируют сотрудничать с ними или избегать их); на основе этих намерений, действиях других людей, преобладающего контекста, и так далее, человек формирует свои впечатления и планирует свои действия в социальных взаимодействиях. В основе восприятия лежат его свойства: предметность, целостность, структурность, константность, осмысленность, избирательность.

Хотя социальная перцепция является лишь одним из проявлений феномена человеческого восприятия, по объекту восприятия ее можно разделить на восприятие группы, восприятие другого индивидуума и самовосприятие, на котором остановимся подробнее. Самовосприятие – это социальное восприятие себя как объекта. Через самоанализ и информацию полученную от других людей, люди формируют представления о многих качествах своей личности: личностные свойства, внешность, поведенческие тенденции, моральные качества, спортивные данные и тому подобное. "Я-концепция" – это общий термин, описывающий систему представлений личности о себе. Несмотря на то, что самоанализ является источником самопознания (Andersen and Williams, 1985), существует свидетельство о том, что он не является доминирующим источником, хотя люди и привыкли считать его таковым. Информация, полученная в результате самоанализа, является предвзятой и неточной (Росс, Нисбетт, 1999).

Одна из основных областей исследований в самовосприятии фокусируется на неточности в самопознании, а вторая на том, как информация,

полученная от других людей, формирует самооценку. Пример научной работы в первой отрасли – обзор Гринвальда (Greenwald, 1980) трех типов самостоятельных концептуальных предубеждений: (1) эгоцентризм: крайняя важность собственных суждений, воспоминаний, мысленных экспериментов, при этом происходит приписывание качеств другим людям, основываясь на собственных; (2) бенэфектанс (соединение двух английских слов - "выгодность" и "эффективность"); тенденция интерпретировать событие таким образом, чтобы представлять в нем свою роль преимущественно в положительном свете, в то время как ошибки и промахи списать на "объективные обстоятельства" или на других участников события; (3) когнитивный консерватизм: устойчивость к когнитивным изменениям.

Ч. Кули описал "Зеркальную я-концепцию" как использование чужих оценок в качестве зеркальных отражений "истинного" себя. Дж. Мид заметил, что образы людей, которые эти люди формируют, сильно зависят от того, какую значимость они приписывают реакции других людей и их оценке. Теория социального сравнения (Festinger, 1954; Suls and Miller, 1977) - при отсутствии объективных стандартов для оценки своих личностных черт и качеств человек ищет других людей, чтобы через сравнение с ними оценить себя.

К теме самовосприятия можно отнести так же самоэффективность, самооценку, самоуважение и самоидентификацию. Самоэффективность - это восприятие своей компетенции в отношении конкретных задач (Bandura, 1986). Самооценка – степень развития у индивида чувства самоуважения, ощущения собственной ценности и позитивного отношения ко всему тому, что входит в сферу его «Я» (Rosenberg, 1979). Концепция самооценки после того, как была отделена от эффективности и достоинства, была использована в теории и исследованиях относительно того, как характеристики оценивающих влияют на самооценки в конкретных ситуациях решения коллективных задач. Есть два основных подхода к самоидентификации: теория идентичности и социальная теория идентичности. Хотя в этих подходах есть много общего, теория идентичности делает больший акцент на выполнении социальных ролей как источнике самоопределения; в противоположность этому, теория социальной идентичности подчеркивает способы, в которых само-категоризация зависит от характерных свойств групп, к которым индивиды себя относят.

Чем сильнее идентичность человека «привязана» к определенной социальной роли или категории, тем больше степень сопереживания этого человека другим носителям этой социальной роли или категории. Если бы у индивида размылась граница между собой и другими, то усилились бы сопереживания индивида по отношению к другим ему подобным людям, особенно во время значимых для них событий независимо от того плохие эти события они или хорошие.

Следует отметить, что самовосприятие индивида, его собственный имидж напрямую зависит от его типа личности. Как сказал известный американский писатель Нил Уолш: «Подобное притягивает подобное». Например, люди практически всегда покупают продукт, который соответствует их представлениям о самих себе. Исследования в области самовосприятия проводятся довольно давно. Например, так же широко известна взаимосвязь самовосприятия и успеха. Вследствие чего, появилась точка зрения, что самовосприятием нужно научиться управлять. Ведь именно самовосприятие определяет самооценку, а та в свою очередь возможности личности, уровень притязаний.

Теории социальной перцепции и исследования в этой области охватывают несколько уровней анализа: когнитивная обработка, индивидуальное и межличностное поведение, представления групп и групповое поведение. На сегодняшний день теории социального восприятия являются одними из самых многообещающих. Несомненно, большая доля исследований социальной перцепции в ближайшем будущем будет проходить в сфере бизнеса. По большей части, однако, отсутствие определенности и строгости привело к минимальному уровню конкуренции между различными подходами. Более того, еще не проверены временем концептуальные и методологические уточнения. Тем не менее, для большого числа психологов и социологов эта область остается привлекательной, частично из-за того, что до сих пор много вопросов остаются без ответов и повсеместности проявлений этого феномена. Например, с появлением компьютерных технологий и виртуальной реальности процесс восприятия значительно изменился, что требует проведения дополнительных исследований в этой области.

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2003.

Межличностное восприятие в группе / под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация: Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.

Andersen S.M., Williams M. Cognitive / affective reactions in the improvement of self-esteem: When thoughts and feelings make a difference // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. - №49.

Bandura A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1986.

Festinger L. A theory of social comparison processes // *Human relations*. 1954. - №7. - P.117-140.

Greenwald A.G. The totalitarian ego: Fabrication and revision of personal history // *American Psychologist*. 1980. - V.35. - №7.

Markovsky B. Group processes: sociological analyses / ed. by Martha Foschi, Edward J. Lawler. Chicago: Nelson-Hall Pub., 1994.

Rosenberg M. Conceiving the Self. New York: Basic Books, 1979.

Suls J., Miller R. Social comparison process. Theoretical and empirical perspective. Hemisphere Publishing Corp., Washington, 1977.

**ЛИЧНОСТНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В ОРГАНИЗАЦИИ
(к проблеме социально-психологических особенностей
русского менеджмента)**

Флоровский С.Ю.

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

В работе обсуждаются результаты исследований особенностей социально-психологической регуляции управленческого взаимодействия руководителей современных российских организаций. Проводится их сопоставление с данными, полученными в рамках концепции психологического обмена в организационном лидерстве на выборках менеджеров развитых западных стран. Показана специфика социально-психологических критериев и механизмов формирования ин-групп и аут-групп в организационном окружении российских руководителей. Полученные данные интерпретируются с позиций представлений С. Кови о трех парадигматически различных стадиях развития личности: зависимость – независимость – взаимозависимость.

Ключевые слова: управленческое взаимодействие, система связей «руководитель-руководитель», личностная регуляция, концепция психологического обмена в организационном лидерстве, ин-группа, аут-группа.

**PERSONAL DETERMINATION OF MANAGERIAL
INTERACTION IN ORGANIZATIONS
(to a problem of social psychological features
of the Russian management)**

Florovski S.Yu.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

The paper presents the results of researches of features of social and psychological regulation of managerial interaction in the modern Russian organizations. These results are compared with results of the researches executed on selections of managers of the developed western countries according to the leader-member exchange theory. Specifics of social psychological criteria and mechanisms of formation of in-group and out-group in an organizational envi-

ronment of the Russian managers are shown. The obtained data are interpreted from positions of S. Covey's ideas of three paradigmatically various stages of personality's development: dependence – independence – interdependence.

Keywords: managerial interactions, linkage system «manager-manager», personal regulation, leader-member exchange theory (LMX), in-group, out-group.

Включаясь в совместную с другими руководителями деятельность по решению управленческих проблем и задач, интегрируясь в управленческое сообщество организации и проживая в нем значительную часть своей профессиональной жизни, каждый управленец не просто «вписывается» в существующие отношения «руководитель–руководитель», но и сам оказывает большее или меньшее влияние как на эти отношения, так и на реализующих их индивидуальных и групповых субъектов (Журавлев, 2004). Выявление взаимозависимостей между социально-психологическим статусом руководителей как партнеров по управленческому взаимодействию и свойствами их личностной организации не только дает возможность понять какие именно личностные характеристики и каким образом содействуют (или препятствуют) руководителям в достижении высокого уровня их функционально-ролевой приемлемости со стороны членов менеджерского сообщества, но и эксплицитировать регулирующие общение и совместную деятельность руководителей реально-действующие нормы, представляющие собой один из валидных индикаторов важнейшего, но трудно объективируемого «пласта» культуры организации, а именно – ее «глубинного» уровня (Schein, 1992).

Существенный вклад в изучение данного социально-психологического аспекта управления внесли работы, выполненные одним из создателей концепции психологического обмена в организационном лидерстве Дж. Греном (Graen, 2003; Graen & Uhl-Bien, 1995 et al.).

Одним из важнейших положений данной концепции является постулирование того факта, что поведение вышестоящего руководителя в отношении нижестоящих опосредствуется тем в какой мере топ-менеджер склонен воспринимать управленцев среднего и первичного звена (мидл- и праймер-менеджеров, соответственно) в качестве представителей «своей» группы (ин-группы). Основанием же причисления к ин-группе оказываются следующие параметры субъективной категоризации: 1) насколько подчиненные компетентны и квалифицированы; 2) в какой степени им можно доверять; 3) насколько они готовы принимать на себя ответственность. Противоположные черты обуславливают попадание мидл- и праймер-менеджеров в аут-группу. В отношении членов ин-группы руководитель предпочитает реализовывать модель «лидерского обмена», предполагающую преимущественное использование демократического и партисипативного стилей управления с акцентом на неформальных методах. Отно-

шения же с аут-группой строятся на основе более авторитарной и формальной модели «администраторского обмена». Соответственно удовлетворенность от взаимодействия с вышестоящими руководителями оказывается выше у представителей ин-групп, поскольку они не только испытывают влияние со стороны управленцев более высокого ранга, но и сами оказываются в состоянии влиять на них, кроме того, имея значительно большую поддержку и внимание со стороны топ-менеджмента организации, нежели их коллеги, не сумевшие развить подобную модель отношений.

Последующие исследования обнаружили высокую вариативность социально-психологических критериев дифференциации руководителем своего окружения в организации на «своих» и «не своих» людей в зависимости от факторов социокультурного (национальный менталитет), организационно-культурного (содержание культуры конкретной организации) и социоэкономического (периоды экономического спада-подъема, стабильности и кризиса) порядка (The Oxford Handbook..., 2015).

В этой связи закономерными представляются следующие вопросы. Что представляют собой ин-группы и аут-группы на ведущих уровнях управления в современных российских организациях? По каким психологическим критериям происходит формирование таких групп? Каков стиль обращения управленцев высшего ранга (топ-менеджеров) с руководителями среднего звена (мидл-менеджерами), входящими в их ин-группы?

Данная работа представляет собой попытку хотя бы «в первом приближении» дать ответы на эти вопросы. Основанием для написания статьи послужили два основных источника. Во-первых, анализ и обобщение длительного (более четверти века) профессионального опыта автора по изучению закономерностей и механизмов личностно-психологической регуляции совместной управленческой деятельности, консультированию и социально-психологическому обучению руководителей (Флоровский, 2000, 2005, 2010). Во-вторых, реинтерпретация результатов отечественных социально-психологических исследований, посвященных проблемам интеракционных процессов на ведущих уровнях управления организаций в условиях масштабных социальных трансформаций (Дырин, 2008; Журавлев, 2004; Новиков, Мануйлов, Козлов, 2009 и др.).

Ин-группы и аут-группы в управленческих сообществах российских организаций: какие они? Чаще всего ин-группы оказываются весьма немногочисленными по составу. Нередко имеет место ситуация, когда для руководителя ин-группой является лишь он сам. Все остальные коллеги по «аппарату управления» организацией воспринимаются принадлежащими к одной большой аут-группе, в лучшем случае сегментированной на подгруппы, отличающиеся одна от другой лишь степенью психологической «чуждости» для руководителя.

Психологические критерии формирования управленческих ин-групп и аут-групп. Психологический портрет руководителя среднего звена,

имеющего наибольшие шансы на вхождение в ин-группу менеджеров более высокого ранга, включает в себя следующие черты: снижение уровня субъективного контроля над значимыми событиями в области производственных отношений; выраженность мотивационной тенденции избегания неудач; низкую личностную значимость ценностей самостоятельности, независимости, повышения уровня образования и общей культуры; дефицитарность эмоционального самоконтроля, слабость «Я», тревожность, неуверенность в межличностных отношениях; ограниченность лидерских притязаний, предпочтение субдоминантной, зависимой позиции в интерперсональном взаимодействии; недостаток социальной опытности, проницательности и т.д. Иначе говоря, руководители высшего управленческого ранга российских организаций отдают предпочтение в качестве партнеров по повседневному деловому общению не активным, инициативным, предприимчивым, стремящимся к повышению уровня профессиональной компетентности и личностного роста, а более «удобным» и «управляемым» с точки зрения ситуационного взаимодействия руководителям среднего звена.

Стиль и стратегии управленческого взаимодействия руководителей высшего и среднего звена в ин-группе. Различается и стиль обращения вышестоящих руководителей с нижестоящими управленцами, входящими в их ин-группу. Необходимо подчеркнуть, что этот стиль не просто произвольно избирается топ-менеджерами и затем навязывается ими управленцам среднего звена, а напротив, «программируется» и поддерживается соответствующими ожиданиями со стороны последних.

1. Первый паттерн ожиданий в целом соответствует стилю отношения топ-менеджеров к представителям «своей» группы, описанному Дж. Греном. В этом случае в качестве наиболее приемлемых вышестоящих партнеров по управленческому взаимодействию рассматриваются топ-менеджеры, которые склонны к демократическому стилю руководства, имеют выраженную установку на сотрудничество, открыты для контактов.

2. Системообразующим фактором второго паттерна выступает «жесткость» стиля управленческого общения руководителей высшего звена, являющаяся функцией ряда личностных особенностей традиционно рассматривающихся в качестве составляющих психологического симптома-комплекса «сильной личности» (направленность на себя, высокая интраперсонально-референтированная самооценка, практичность, реалистичность, хороший эмоциональный самоконтроль). Высокий уровень приемлемости таких топ-менеджеров со стороны нижестоящих управленцев обусловливается, по-видимому, тем, что последние считают данные особенности социального поведения (к тому же органично «вписывающиеся» в целостную психологическую индивидуальность субъектов) первых вполне естественными и закономерными в контексте субординационных отношений. Кроме того, поведение «жестких» авторитарных руководителей, характеризуясь транситуационной преемственностью и последовательно-

стью, облегчает подчиненным задачу прогнозирования процессуальной динамики и исходов «вертикальных» деловых интеракций.

3. Характерной особенностью следующего набора экспектаций оказывается превалирование либеральных компонентов в структуре общих и ситуационно-специфических характеристик индивидуального стиля руководства формирующих ин-группу топ-менеджеров. Этот факт является отражением значимости для мидл-менеджеров в условиях межуровневого управленческого взаимодействия не только возможности оказывать влияние на вышестоящее начальство, активно участвуя в принятии совместных решений (как это имеет место в первом случае), но также – расширения и автономизации области собственной компетентности, определенных гарантий невмешательства «свыше» в дела возглавляемого структурного подразделения.

4. Ядром четвертого типа «восходящих» ожиданий оказывается наличие у их адресата ряда характеристик рассматривающихся обычно как проявление «личностной слабости»: снижение самоконтроля и мотивации достижения, присутствие дезинтегративных тенденций в личностной организации, умеренность притязаний на лидерство и независимость, избегание конкуренции, конформность, уступчивость, доверчивость, склонность «принимать условия от других». Можно предполагать, что рост уровня функционально-ролевой приемлемости в качестве партнеров по управленческим интеракциям обуславливается «податливостью» таких топ-менеджеров воздействиям со стороны управленцев среднего ранга (в т.ч. манипулятивным и агрессивно-прессинговым), что делает возможным использование мидл-менеджерами представителей вышестоящего руководства в своих целях.

Ожидания, составляющие описанный выше спектр «восходящих экспектаций», отражая поливариантность культуры современных российских организаций, могут быть использованы в качестве одного из оснований типологии управленческих команд, групп и клик, объединяющихся вокруг тех или иных руководителей высшего звена.

Зафиксированные выше особенности механизмов личностной регуляции управленческого взаимодействия на ведущих уровнях управления российских организаций (достигающие уровня «с точностью до наоборот» в сравнении с данными Дж. Грена) заставляют вспомнить мысль, высказанную С. Кови. По его мнению, развитие человека происходит по оси «зависимость – независимость – взаимозависимость». Зависимость выражается Ты-парадигмой («ты заботаешься обо мне»). На смену ей приходит парадигма независимости – Я-парадигма («я могу это сделать», «я полагаюсь на самого себя»). Взаимозависимость выражается Мы-парадигмой («мы можем, объединив наши индивидуальные потенциалы, создать вместе что-то ценное и значительное»). Наиболее зрелой, прогрессивной и эффективной концепцией является именно взаимозависимость (Covey, 2004).

Управленческая культура развитых западных стран преодолела переход в этой цепочке от второго звена к третьему. Именно этим обстоятельством объясняется органичная инфильтрация в профессиональное сознание «среднестатистического» западного руководителя идей командного менеджмента. Для российского управленческого сообщества в настоящее время характерна фиксация на идеях независимости, причем в большинстве случаев без корреспондирующей с ней ответственности. Нередко происходит «соскальзывание» и на более архаичный уровень (в различных ценностных контекстах ассоциирующийся с темами «коллективизма», «соборности», «бригадности»).

Осознание этого факта позволяет конкретизировать содержание и вектор решения задач, стоящих перед сообществом российских организационных психологов и консультантов. Путь к повышению эффективности совместной деятельности на ведущих уровнях управления российских организаций предполагает кропотливую работу по оказанию психологической помощи руководителям в преодолении инерционности «зависимого» и «независимого» мировоззрения в контексте личностно-смыслового распремечивания и освоения ими «парадигмы взаимозависимости».

Литература

Дырин С.П. Управление персоналом: многовариантный характер современной российской практики. СПб.: Петрополис, 2008.

Журавлев А.Л. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: ИП РАН, 2004.

Новиков В.В., Мануйлов Г.М., Козлов В.В. Психологическое управление в кризисных социальных сообществах. М.: МАПН, 2009.

Флоровский С.Ю. Совместная управленческая деятельность и общение руководителей: личностные факторы и механизмы регуляции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Ярославль: МАПН, 2000.

Флоровский С.Ю. Личностная регуляция совместной управленческой деятельности руководителей и культура организации (психологические механизмы со-бытийности в управленческих коллективах и командах) // Личность и бытие: теория, исследования, практика / под ред. З.И. Рябикиной и др. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. - С.251-279.

Флоровский С.Ю. Совместная управленческая деятельность руководителей как источник угроз для безопасности организации // Человек. Общество. Управление. 2010. - №3. - С.4-13.

Covey S.R. The Seven Habits of Highly Effective People. Powerful Lessons in Personal Change. New York: Free Press, 2004.

Graen G.B. Interpersonal workplace theory at the crossroads: LMX and transformational theory as special cases of role making in work organizations // G.B. Graen (Eds.). Dealing with Diversity. Greenwich: Information Age Publishing, 2003. - P.145-182.

Graen G.B., Uhl-Bien M. Relationship-based approach to leadership: Development of leader-member exchange (LMX) theory of leadership over 25 years: Applying a multi-level multi-domain perspective // *Leadership Quarterly*. 1995. - №6. - P.219-247.

Schein E.H. Organizational Culture and Leadership. Construction, Evolution and Development. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1992.

The Oxford Handbook of Leader-Member Exchange / T.N. Bauer, B. Erdogan (Eds.). New York: Oxford University Press, 2015.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СИНДРОМ ЭКСТЕНСИВНОЙ ИНВАЛИДИЗАЦИИ

Чернышов М.Ю.

Президиум Иркутского научного центра СО РАН, Россия

В статье обсуждаются итоги многолетнего междисциплинарного исследования социального положения инвалидов и сопряженных психологических аспектов психосоциальной инвалидизации. Рассматриваются содержание процессов инвалидизации по объективным причинам и психосоциальной инвалидизации, его психологические причины психосоциальной инвалидизации. Обсуждаются основания для выбора социальной группы инвалидов в качестве объекта исследования.

Ключевые слова: инвалидизации по объективным причинам; психосоциальная инвалидизация; социальное положение инвалидов; социальные проблемы.

SOCIAL PROBLEMS AND THE SYNDROME OF EXTENSIVE DISABILIZATION

Chernyshov M.Yu.

Presidium of Irkutsk Scientific Center, SB of RAS, Russia

The paper discusses some results of a long-term interdisciplinary investigation of both the social status of disabled persons and the related psychological aspects of psychosocial disabilization. The content of processes of disabilization due to objective reasons, psychosocial disabilization and their psychological causes are considered. The reasons of choosing the social group of disabled persons in the capacity of the object for investigations are discussed.

Keywords: disabilization due to objective reasons; psychosocial disabilization; social status of disabled persons; social problems.

Рассмотрим результаты многолетнего междисциплинарного исследования положения социальной группы инвалидов (СГИ) России, пред-

ставляющегося важным для судеб россиян первой половины XXI в. Численность СГИ до недавнего времени, имела тенденцию к экстенсивному росту. Важно было найти пути решения проблемы.

Рассмотрим обоснования выбора социальной группы инвалидов в качестве объекта исследования и постановки задач исследования.

(1) Идеологическое обоснование. В мире демократии принято считать, что важным показателем цивилизованности любого общества, показателем социального и психологического здоровья его граждан является гуманное отношение его членов к инвалидам, предполагающее защиту гражданских прав инвалидов, экономическую, социальную, медицинскую, психологическую и иную поддержку членов этой экономически обделенной, в психосоциальном отношении неблагополучной и постоянно растущей социальной группы. В РФ принята концепция социальной защиты инвалидов. Однако разве абстрактной «защитой инвалидов» могут исчерпываться действия демократического общества в отношении инвалидов? Разве можно сводить вопрос о демократичности общества или вопрос о социально-правовой и психологической безопасности граждан к поддержке лишь одной социальной группы? В силу сложившихся стереотипов регулирования экономики, обеспечение инвалидов (и наполнение федерального бюджета по этой статье) зависят от налоговых отчислений в бюджет, перечисляемых теми предприятиями, где трудятся здоровые люди. Чем больше реально трудящихся граждан, тем легче госструктурам планировать выделение средств на пенсии инвалидов. Итак, благополучие инвалидов не является показателем благополучия общества в целом. В условиях капитализма благополучие инвалидов ни при каких условиях не может быть связано с их способностью трудиться. Настоящий инвалид не может трудиться по определению, в противном случае ему несправедливо выдано удостоверение инвалида. Однако ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» предусматривает улучшение положения именно трудящихся инвалидов.

Говоря об инвалидах России, мы поведем речь о социально-правовом положении и психосоциальном здоровье всех граждан России, которые, трудясь на общество и отдавая ему свои силы и время, пока не могут быть уверены в том, что они живут и действуют в условиях правового поля, гарантирующего гражданам социальную и правовую безопасность.

(2) Другим основанием для обращения к СГИ стали объективные показатели, характеризующие ее. Это – численность, а также состав и статус СГИ. Сегодня, социальная группа рабочих, трудящихся в производственной сфере насчитывает около 15,7 млн. человек, а группа крестьян ничтожно мала, СГИ является крупнейшей целостной группой, насчитывающей 16,9 млн. чел. Если добавить 4,5 млн. инвалидов, не сумевших получить удостоверения, то имеем 21,4 млн. чел. (в 48 раз больше, чем число инвалидов после Первой мировой войны) – самую большую социальную

группу России, собравшую в себе представителей различных социальных групп: бизнесмены, рабочие, крестьяне, интеллигенты, студенты, школьники, маленькие дети и глубокие старики.

(3) В выборе объекта исследования важен был учет недостатков в механизмах обеспечения социально-психологической граждан, ставших причинами увеличения численности СГИ. Вопрос о несовершенстве концептуального содержания и вербального выражения формулировок законов и необходимости их корректировки был не случайно в июне 2009 года поставлен Д.А. Медведевым в его бытность Президентом РФ. Эта проблема была затронута им в Послании Федеральному собранию РФ от 30 ноября 2010 г.: положение дел таково, что любой гражданин по той или иной случайной или неслучайной причине – авария на транспорте, взрыв на заводе, резкие нарушения чистоты окружающей среды (воды и воздуха), воздействия многообразных инфекций-артефактов, намеренный поджог в лесу или в населенном пункте и т. д. – может оказаться инвалидом. Отсюда – психосоциальные реакции, различные фобии.

(4) В выборе объекта исследования не менее важным был учет объективных процессов, протекающих в обществе в принципе и в связи с наличием в нем СГИ. Нельзя не сказать и о необычных и весьма значимых социальных явлениях и процессах, произошедших в жизни России в последние 20 лет. Такие явления и процессы были открыты в исследованиях автора.

После публикаций автора в журналах “Социальная политика и социология”, “Пробелы в Российском законодательстве”, “Вестник Российского государственного социального университета”, “Бизнес в законе”, “Черные дыры в Российском законодательстве”, а также в журналах других регионов РФ (Чернышов, 2009–2016) и появления монографий ”Актуальные проблемы инвалидов России и их социально-правовая и психологическая поддержка в условиях экстенсивной инвалидизации” (Чернышов, 2013) и “Дискурс, который нужен всем” (Чернышов, 2014) уже не секрет, что, начиная с критического периода 1998–2009 гг., Россия столкнулась с новым социальным явлением, не характерным ни для одной страны мира: экспоненциальный рост числа инвалидов. Оно было квалифицировано нами как явление экстенсивной инвалидизации населения. Показательна динамика процесса инвалидизации. В 1999 г. число зарегистрированных инвалидов в стране не превышало 3,3 млн. человек, а на начало 2009 г. оно составило около 16,3 млн. человек (т.е. приблизительно 11,6% населения) (рис.).

В тот период инвалидизация стала социально значимым процессом, который нельзя было игнорировать. По мнению акад. РАМН В.П. Казначеева, с начала XXI в. остро стоит проблема выживания населения России, и нужно искать иные инструменты управления, позволяющие отслеживания значимые социальные процессы (Казначеев, 2002). Но

большинство специалистов, не подозревали о сложности социальной ситуации и предлагали приемы социально-экономического управления (в 2006 г. В.И. Жуков и Г.С. Жукова предложили методологию матмоделирования механизмов управления социальными процессами), которых было явно недостаточно. Требовалось понимание внутренних механизмов инвалидизации, имевших психосоциальные корни.

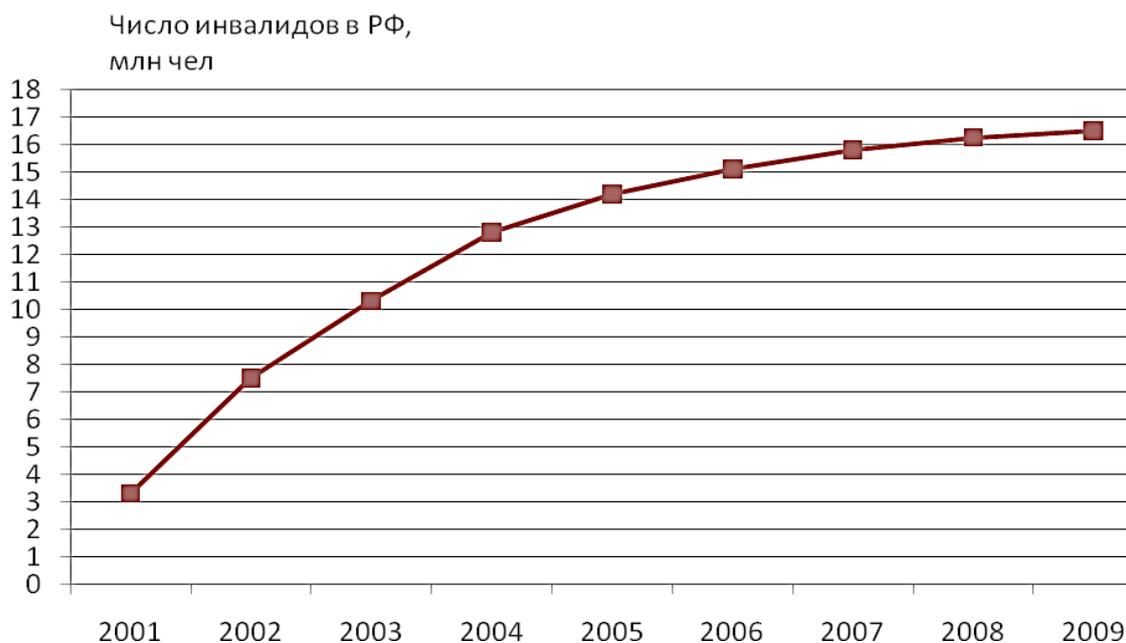

Рисунок. Динамика процесса инвалидизации в РФ в 2001–2009 гг.

По убеждению автора, важно понимать, что: (а) ситуация такова, что ни один человек в России не застрахован от факторов, способствующих инвалидизации; (б) инвалидизация имеет социальные, психосоциальные и иные причины; (в) она социально опасна, и настало время задуматься о принципах государственной политики и социально-экономического устройства общества. Наша задача заключалась в подготовке и проведении исследований, с целью вскрыть истоки процессов, предложить решения. Требовалось проведение исследований социального, психологического, экономического и правового положения инвалидов России.

(5) При выборе объекта исследования автор учитывал, что сохранение темпов инвалидизации было чревато не только результатом в форме утраты значительной части рабочей силы, но также экономическим изматыванием страны, вынужденной направлять все большую часть ресурсов федерального бюджета на поддержание растущей СГИ.

Известно, что темпы прироста числа инвалидов в РФ с начала 2009 г. резко снизились. Однако снижение было достигнуто прямым запретом властей увеличивать число инвалидов. Многих инвалидов, имевших “незначительные дефекты” (одна почка, нелевостороннее положение сердца,

отсутствие пальцев на левой руке и т.п.) просто “избавили” от инвалидности. Получение инвалидности во многих случаях стало проблемой для инвалидов. Между тем, бывшие уголовники по-прежнему покупают инвалидность 1-й группы по “общему заболеванию”. По их примеру появился целый слой граждан, квалифицированный как психосоциальные инвалиды, которые покупают инвалидность себе и детей приучают к мысли о нетрудовом образе жизни, когда, купив инвалидность можно заниматься коммерцией и жить в свое удовольствие, не работая на страну. Доля таких “инвалидов” в общем числе инвалидов РФ на 2009 г. составила 62%. Отрадно сознавать, что рост общего числа инвалидов в стране сверху притормозили, но проблемы, порождающие реальную (травматическую, экологическую и др.) инвалидизацию, остались.

Автор проводил свои исследования с 1990 г. и был бы рад сотрудничеству с другими исследователями, занимающимися проблемами инвалидов. Но этому не способствовали (i) традиционно формальный подход большинства авторов к исследованию психологии, социального, правового и иного положения инвалидов России (когда исследование проводится по некой условной схеме, и ведется, например, учет перечня вещей в доме инвалида), (ii) неожиданное изменение отношения к инвалидам, выразившееся в подтасовке государственных статистических данных о численности инвалидов в РФ за последние 20 лет и в «новации» в представлении об инвалидах (с 2009 г. об инвалидах стало принято говорить почему-то как о “лицах с ограниченными возможностями” (ЛОВ) или даже о “лицах с ограниченными возможностями здоровья” (ЛОВЗ), что в смысловом отношении звучит явно некорректно, ведь у здоровья не может быть возможностей); (iii) ложь, доносимая через средства массовой информации лицами явно не озабоченными проблемами инвалидов, которая гласит, что «Инвалид – не инвалид – люди так не делятся». Однако люди всегда делились по экономическому, социальному, правовому, медико-физиологическому, психологическому и иным статусам.

Еще недавно лгущие могли бы сослаться на то, что за термином ЛОВ кроется стремление общественности определять инвалидов гуманно, хотя в удостоверениях инвалидов все равно значится «инвалид». Однако за таким подходом кроется вовсе не ошибка, а намеренная ложь людей, во-первых, не желающих понимать страдания настоящих инвалидов, болеющих по причине рака последних стадий, сердечнососудистых заболеваний, туберкулезом и т.п.; во-вторых, хорошо знающих, что термин “лица с ограниченными возможностями” служит русскоязычным вариантом прикрытия того термина, который обозначен в решениях ООН (people with special needs) и обозначает категорию гомосексуалистов, трансвеститов и иных растлителей, которых международное правительство желает приравнять к инвалидам, чтобы они получали пенсии, а детей-извращенцев подsunуть в

отечественные школы (принцип «инклюзивного образования»), создав еще одно условие для разрушения системы образования в России.

Печальнее всего то, что употребляя термин “лица с ограниченными возможностями”, чиновники, возможно, не знают о разнице между ЛОВ и инвалидами: последние имеют статус инвалида (регулярно проходят медицинское освидетельствование в отделениях ГС МСЭ и имеют не только удостоверения инвалида). В последние 5 лет официальные лица, представляющие Правительство РФ, и СМИ регулярно говорят о поддержке ЛОВ. Однако согласно ФЗ “О социальной защите инвалидов в РФ”, правом на социальную, экономическую и правовую поддержку располагают только инвалиды. Это представляется неправильным.

Как справедливо заметил Президент РФ В.В. Путин, “исполнительная власть бессильна улучшить что-либо без законодательной базы, в то же время законы бессильны без механизма их реализации, без инициативы исполнительной власти” (Путин, 2003). Мы уверены, что только сочетание и единство усилий ученых-исследователей, законодательной и исполнительной властей даст ту силу, которая может позволить подступиться к решению проблем. Повышение уровня законности предполагает исключение взяточничества и введение антикоррупционного стандарта. Этому вопросу постоянно уделяет внимание Президент РФ В.В. Путин. Мы одобряем внимание Президента и Правительства РФ к тому, чтобы в СМИ были полно представлены проблемы, с которыми сталкиваются граждане России.

Видя важнейшее условие успеха в совершенствовании социально-экономического устройства общества, автор взялся за исследование. Однако оказалось, что даже решение проблем психосоциального характера требует, во-первых, понимания и воли представителей законодательной власти в деле совершенствования существующего законодательства в отношении не только инвалидов, но и всех граждан страны. Во-вторых, конечно же, потребуется понимание и адекватная реализация новых законов через усилия исполнительной власти.

Явление психосоциальной инвалидизации приобрело форму социального синдрома, т. е. формы социально-психологического расстройства. Уже на первых этапах исследования (проводившегося с 1990 г.) выяснилось, что открытые нами процесс и явление (синдром) не характерны для других стран. Они являются типично российскими.

Социально-психологические, социально-правовые, социально-экономические и идеологические проблемы, связанные с рассматриваемыми нами явлением и процессом оказались весьма сложными. Но можно ожидать, что они станут еще более значительными в перспективе, если позволить негативным процессам развиваться или если будут приниматься неадекватные решения. Необходимость скорейшего решения этих проблем

обусловлена необходимостью поддержания высокого престижа России как демократической державы.

Литература

Казначеев В.П. Выживание населения России. Проблемы “Сфинкса XXI века” / В.П. Казначеев, А.И. Акулов, А.А. Кисельников. Новосибирск: Наука, 2002.

Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 17 мая 2003. - С. 1.

Чернышов М.Ю. Актуальные проблемы инвалидов России и их социально-правовая и психологическая поддержка в условиях экстенсивной инвалидизации (Серия «В поддержку инвалидов России». Книга 3) / М.Ю.Чернышов, В.В.Чистяков, А.В. Каверзина. М.: Изд. дом Юр-ВАК, 2013.

Чернышов М.Ю. Дискурс, который нужен всем. Книга 1. Размышления о содержании, значении и целях вербального и невербального воздействия и взаимодействия в жизни человека и общества (междисциплинарный взгляд на проблему) / М.Ю. Чернышов, Н.В. Абасов, А.М. Журавлева и др. / под ред. М.Ю. Чернышова. М.: Изд. дом Юр-ВАК, 2014.

Чернышов М.Ю. Принцип смыслообразования как формирования смысловых и чувственных образов в индивидуальном сознании в ответ на многообразные стимулы. М.: Изд. дом «Юр-ВАК», 2016.

СКРЕПОВЫЙ ПРИНЦИП ИНТЕГРАЦИИ В АСПЕКТЕ ПСИХОЛОГИИ И ФИЗИОЛОГИИ

Чернышов М.Ю.

Президиум Иркутского научного центра СО РАН, Россия

В статье обсуждается постулированный автором принцип смыслообразования регулирующий формирование объективных смыслов, а также субъективных смысловых и чувственных образов путем их структурно-функциональной интеграции. Этот принцип оказался применимым в лингвистике, психологии, музыкальной семантике и физиологии. В аспекте физиологии исследуются связи между базовыми и скреповыми нейронными ансамблями коры больших полушарий головного мозга. Учет этого принципа позволил подступить к решению проблемы восстановления участков мозга, недоразвитых вследствие радиации.

Ключевые слова: смыслообразование; формирование субъективных смысловых и чувственных образов; объективно выраженный смысл; субъективный смысл; скреповый принцип интеграции смыслов; скреповые нейронные ансамбли

THE PRINCIPLE OF INTERACTION LINKS IN PSYCHOLOGY AND PHYSIOLOGY

Chernyshov M. Yu.

Presidium of Irkutsk Scientific Center, SB of RAS, Russia

The paper discusses the principle of sense-making which controls objective as well as subjective meanings and sensual images by their structural-functional integration. This principle turned out to be applicable in linguistics, psychology, musical semantics and physiology. In relation to physiology, the relations between the basis and the linking neuronal cortex human brain ensembles are investigated. With this principle, one can approach the problem of restoring some parts of the brain absent or underdeveloped as a result of radiation damage.

Keywords: sense-making; subjective meaning; sensual images; objectively expressed meaning; subjectively expressed meaning; the principle of integration links; linking neuronal ensembles.

Смысл – абстрактная сущность, представление о которой были нечеткими еще в начале 2014 года. Специалисты уклонялись от ее определения, в лучшем случае определяя смысл как неделимый (гештальт) кусок информации (Агафонов, 2003; Кобозева, 2004) и игнорируя тот факт, что информация – количественный показатель, а неделимая абстрактная сущность может быть лишь качественным показателем.

В 2014 г., вопреки тенденции рассуждать об условном нечто, квалифицируемом как “личностные смыслы”, была завершена первая часть многолетних междисциплинарных исследований автора, с привлечением физиологии, математики, логики, искусственного интеллекта, технологий вычислительного моделирования, обеспечивавших, наконец, системность подхода, которой недоставало прежде. Эти исследования были направлены, во-первых, на получение общего представления о разнотипных (по типу отображения, ведь смысл не существует для наблюдателя без его отображения) объективно выраженных (т.е. доступных для непосредственного восприятия) смыслах (смыслы, отображаемые в вербальные, визуальные, музыкальные формы, в формы языков математики, программирования и т.д.); во-вторых, на постижение принципов внутренней структурно-функциональной организации смысла, который, конечно же, декомпозитивен. Автором был построен и применен уникальный вычислительный комплекс (ВК) LMPL-Software (Чернышов, 2014а), который позволил без вмешательства человека (1) выполнять анализ смысловых структур объективных смыслов, отображенных в различные носители (рис. 1–3); (2) наблюдать такие смысловые структуры в статике и динамике; (3) предложить метод идентификации и выявить смыслы-скрепы в множестве форм ото-

бражений (подтвержденная гипотеза автора), обеспечивающие связь (интеграцию) между собой элементарных смыслов в целостный смысл; (4) постулировать прежде неизвестный принцип интеграции (т.е. связывания) смыслов; (5) с помощью ВК LMPL-Software сделать наглядными связи между базовыми и скреповыми составляющими объективного смысла, показав, как формируются смыслы; (6) углубить представление об интеграции смыслов (см. развитие представлений на рис. 1–3). Успешные итоги анализа отображений смыслов (а) в вербальные конструкции (тексты и дискурсивные формации), (б) в музыкальные формы (тексты клавиров), (в) в тексты компьютерных программ позволили подтвердить высказанную автором гипотезу о скреповой структурной организации смысла и сформулировать скреповый принцип интеграции объективно выраженных смыслов (Чернышов, 2014а; 2014б).

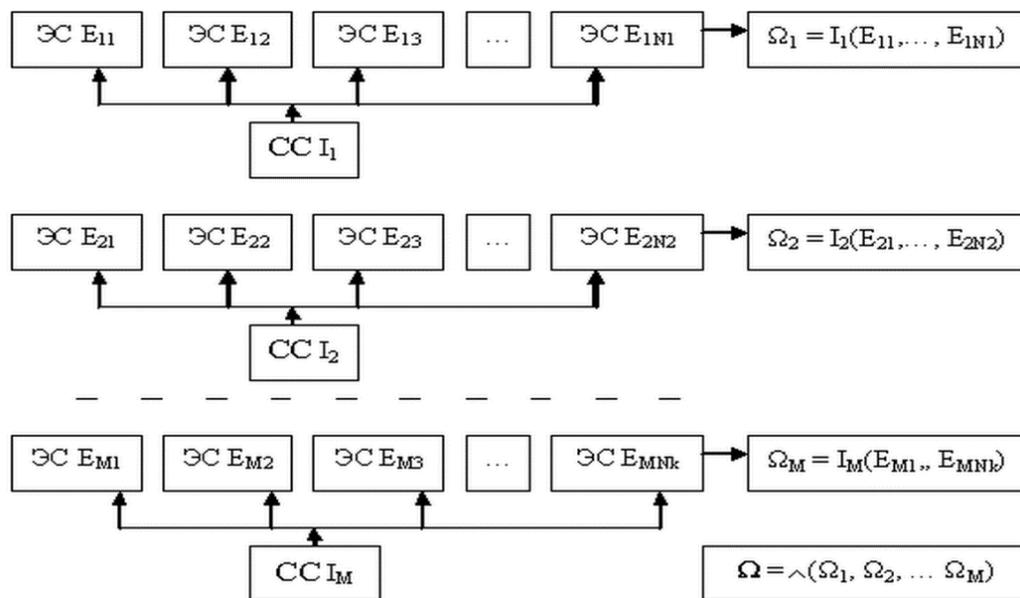

Рисунок 1. Обобщенное теоретико-модельное представление отношений интеграции ядерного смысла, выраженного текстом и связываемого с помощью смыслов-скрепов (ЭС – элементарный смысл; СС – смысл-скреп)

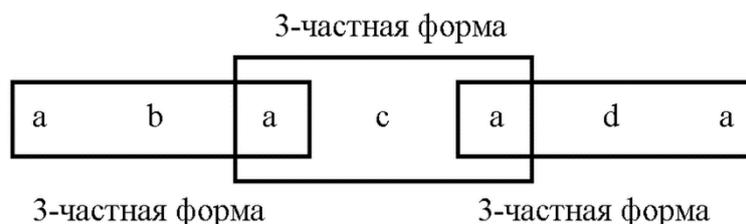

Рисунок 2. Модель структурно-смысловой интеграции двух смыслов в типичной форме рондо с помощью третьего (скрепового) смысла

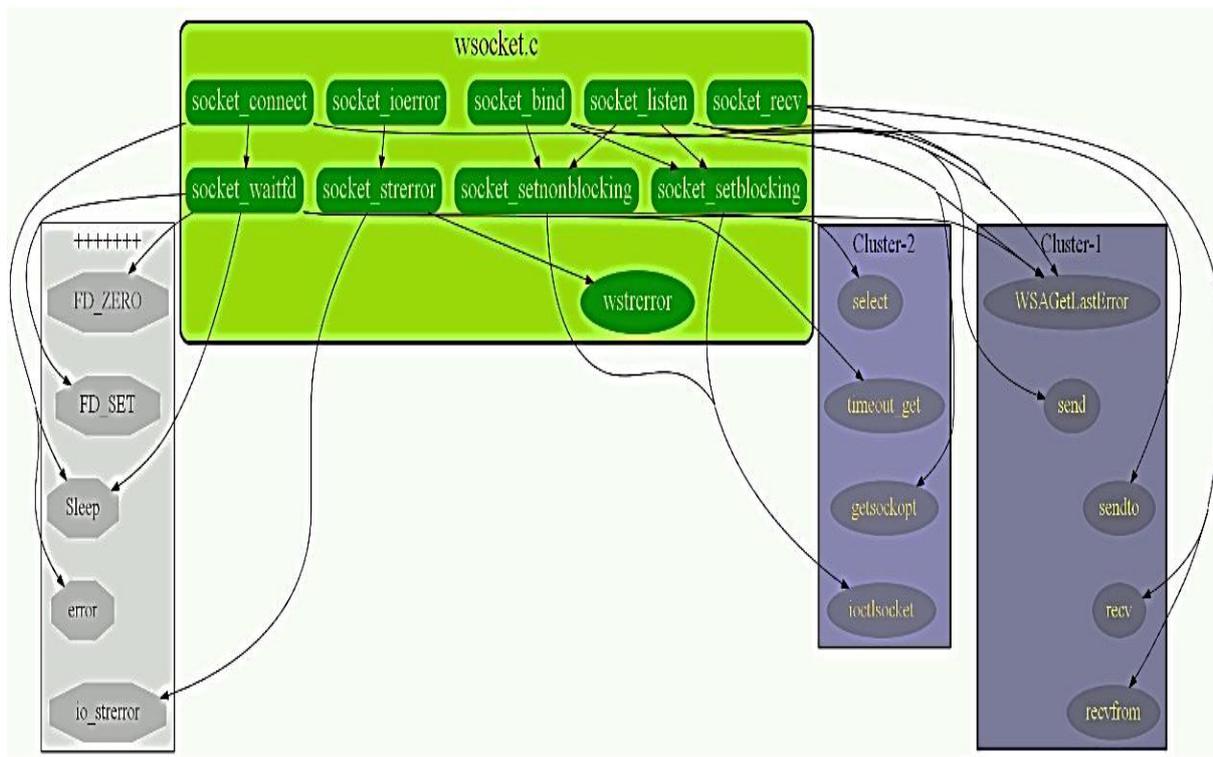

Рисунок 3. Орграф управляющих функционально-смысловых связей между множеством функций внутри исходного кода программы и смыслом-скрепом этого множества функций, представленным множеством файлов типа sys

Принцип интеграции объективно выраженных смыслов оказался весьма продуктивным. Прежде всего, он позволил подступиться к открытию принципа смыслообразования как формирования не только субъективных смысловых, но и чувственных образов (на этот раз в индивидуальном сознании) в ответ на многообразные стимулы. Автором выполнено исследование механизмов синтеза смысловых и чувственных образов индивидуальном сознании в ответ на стимулы в форме фрагментов симфонических музыкальных произведений (Чернышов, 2016). Здесь принцип интеграции смыслов тоже оказался скреповым.

Скреповый принцип интеграции пригодился и в физиологии, позволив сделать неожиданные анатомио-физиологические открытия. Нельзя не сказать о том, что проводимые под руководством автора исследования организации нейронных ансамблей коры и подкорки мозга, полученные с помощью средств электроэнцефалографии, показали, что налицо – дифференциация нейронов мозга по функциям. Можно говорить о базовых нейронных ансамблях (БНА) и скреповых НА (СНА), причем, интегративные связи очевидны как в БНА, так и в СНА (рис. 4).

Такая функциональная дифференциация должна предполагать анатомические различия нейронов мозга, и в настоящее время проверка этой гипотезы проводится.

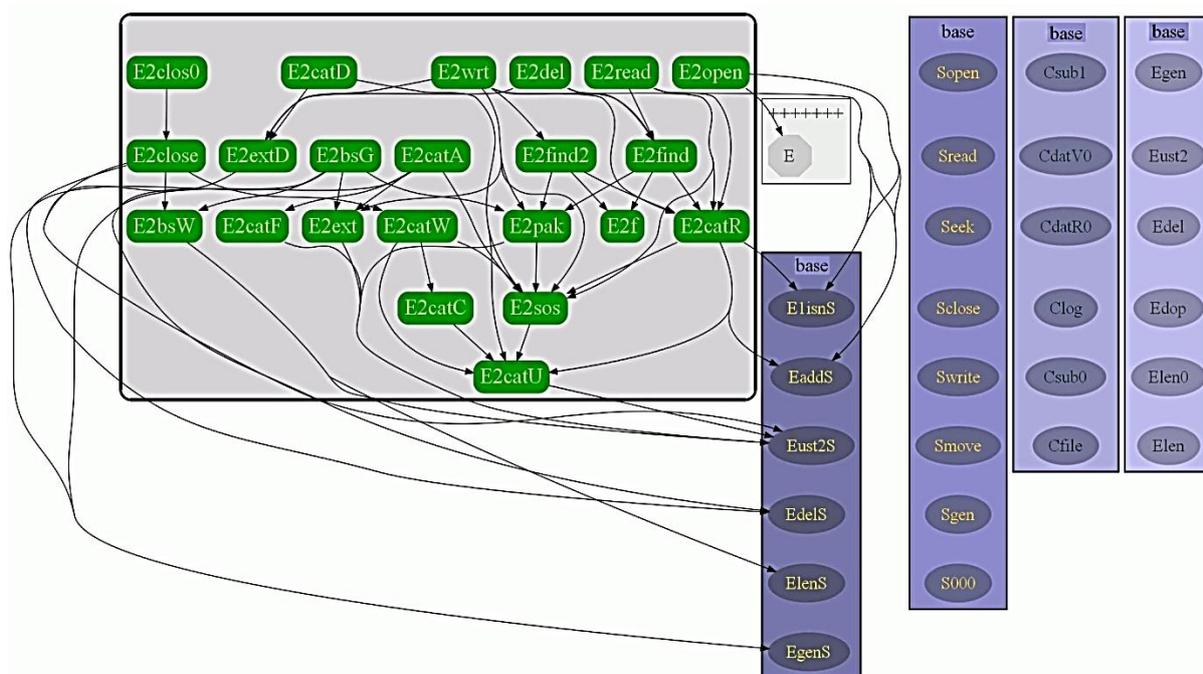

Рисунок 4. Связи между базовыми и скреповыми нейронными ансамблями

Новейшие открытия, сделанные на основе открытого нами принципа скреповой интеграции, но при системном междисциплинарном подходе, позволили подступиться к решению необычной проблемы, решение которой до сих пор считалось невозможным. Речь идет о восстановлении участков коры больших полушарий головного мозга, отсутствующих вследствие генетического недоразвития, имеющего радиационную природу. Первые успешные результаты уже получены.

Итак, итоги исследований позволяют утверждать, что скреповый принцип интеграции является фундаментальным принципом полезным в физиологии и психологии.

Литература

Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания. СПб: Речь, 2003.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник. М.: Эдиториал УРСС, 2004.

Чернышов М.Ю. Принцип интеграции смыслов в аспекте психологии мышления. М.: Изд. дом Юр-ВАК, 2014а.

Чернышов М.Ю. Дискурс, который нужен всем. Книга 1. Размышления о содержании, значении и целях вербального и невербального воздействия и взаимодействия в жизни человека и общества (междисциплинарный взгляд на проблему) / М.Ю. Чернышов, Н.В. Абасов, А.М. Журавлева и др. / под ред. М.Ю. Чернышова. М.: Изд. дом Юр-ВАК. 2014б.

Чернышов М.Ю. Принцип смыслообразования как формирования смысловых и чувственных образов в индивидуальном сознании в ответ на многообразные стимулы. М.: Изд. дом «Юр-ВАК», 2016.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Чумакова В.А.

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

В статье анализируется одна из форм самостоятельной работы обучающихся – работа с научным текстом. Представлены результаты исследования восприятия и понимания текстов на бумажном и электронном носителях информации, определены особенности работы с текстом в условиях электронного обучения, а также обозначены некоторые проблемные аспекты обучения в электронной среде.

Ключевые слова: электронное обучение, понимание, восприятие, электронный текст.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF PERCEPTION AND UNDERSTANDING OF THE TEXT INFORMATION IN THE E-LEARNING ENVIRONMENT

Chumakova V.A.

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

The method of independent workout of students, in particular, the workout with the scientific text is analyzed in the article. The research results of perception and understanding of texts on paper and via electronic media are shown. The features of working out with text by means of e-learning are identified. The problematic aspects of learning within electronic environment are also determined.

Keywords: e-learning, understanding, perception, electronic text.

В последние годы электронные формы обучения уверенно укрепляют свои позиции в системе современного образования. Данные формы обучения предполагают активное использование электронных технологий, обеспечивающих гибкий доступ к обучающим ресурсам, сервисам и услугам, и предоставляющих возможность сделать обучение доступным вне зависимости от временных и географических барьеров. Электронное обучение начинает приобретать популярность в качестве поддержки классических форм очного и заочного обучения, а также как более высокий уровень развития дистанционного обучения (Можаева, 2012; Sampson, 2013). Один из актуальных вопросов, привлекающий все большее внимание специалистов различных областей, заключается в качестве понимания и возможностях эффективного усвоения знаний в электронной образовательной среде,

в особенности в условиях самостоятельной работы обучающихся. Традиционно одной из форм самостоятельной работы, в том числе и в электронной образовательной среде, является работа с научным текстом.

Цель проведенного исследования – определить психологические особенности восприятия и понимания электронного текста. Эмпирическую базу исследования составили 147 респондентов в возрасте 17-25 лет, из которых 42% – респонденты мужского пола, 58% – женского. Для сбора данных использована анкета, содержащая текст научной тематики, а также вопросы на прояснение понимания данного текста. 84 респондента получили текст и анкету в электронном виде и изучали ее посредством различных носителей информации (компьютер, ноутбук, планшет, мобильный телефон), 63 респондента – в печатном виде. Статистическая обработка проводилась при помощи χ^2 -критерия Пирсона и частотного анализа.

Одной из задач проведенного исследования стало выявление психологических особенностей восприятия и понимания текста на электронном носителе в сравнении с печатным вариантом. Посредством статистического анализа была выявлена взаимосвязь между оценкой респондентами понимания текста и видом носителя информации – бумажным и электронным ($\chi^2=5,281$ на уровне значимости $p=0,05$). Последующий частотный анализ показал, что из всех респондентов, работающих с текстом в электронном формате, 62% респондентов оценили собственное понимание текста как достаточно высокое. Число респондентов, анализирующих печатный текст и отметивших высокий процент понимания текста, составляет 90%. Следовательно, можно предположить, что текст на бумажном носителе оценивается респондентами как более доступный к анализу и пониманию, чем электронный текст.

Следует отметить, что полученные статистические данные подкрепляются также отметками респондентов об особенностях восприятия электронного текста: «...нагрузка от компьютера. Легче читать с бумажного носителя», «...постоянное движение страницы вниз при прокрутке документа сбивало с нужной строки», «Тяжело усваивается информация с текста в электронном варианте. Намного лучше усваивается информация с листа бумаги/книги» и другие. Также значимым результатом можно считать то, что некоторые респонденты вопреки инструкции о необходимости чтения текста с электронного носителя, распечатывали анкету и заполняли ее в письменном варианте (5% от числа респондентов с анкетами на электронных носителях), аргументируя это тем, что работа с печатным текстом удобнее и в таком виде текст воспринимается лучше.

Полученные данные могут свидетельствовать о том, что электронный текст оценивается как более сложный в плане анализа и понимания в сравнении с печатным вариантом текста. Данное положение согласуется с исследованиями А. Манген: чтение электронных текстов способствует исчезновению у субъектов ощущения количества и полноты, в то время как

чтение бумажного текста способствует связи между сенсорно-моторными и когнитивными процессами, а также электронный текст теряет свою целостность и не позволяет создать ментальную карту содержания текста. Исследователь подчеркивает, что отвлекающие от содержания текста действия (использование мышки, клавиатуры, настроек монитора и прочее) не позволяют субъекту сосредоточиться и нарушают процессы восприятия, следствием чего становится потеря ощущения непрерывности, связанности материала, снижается возможность понять и глубинно проанализировать материал (Mangen, 2008).

В качестве дополнительной задачи исследования мы попытались выявить взаимосвязь между оценкой понимания и конкретным видом электронного носителя (чтение текста посредством компьютера, ноутбука, планшета, мобильного телефона). Определено, что статистически значимая связь между переменными при применении χ^2 -критерия Пирсона отсутствует. Можно сделать вывод, что существенных различий между собственной оценкой понимания текста и каждым видом электронного носителя текста не отмечается. Вероятно, что могут наблюдаться различия в аутентичности понимания, а не в собственной оценке понимания, что требует дальнейших исследований и анализа.

Также значимым результатом в группах респондентов, выполняющих задания на электронных носителях, являются следующие выявленные особенности выполнения заданий с предложенным текстом. Респондентам необходимо было ответить на ряд открытых вопросов по тексту. Анализ показал, что респондентами в ответах на вопросы активно использовались стратегии копирования: фрагменты исходного авторского текста копировались и помещались в качестве ответов на вопросы анкеты. В работе с печатными анкетами также использовалась данная стратегия, однако данный способ применялся в основном в работе с малоизвестной терминологией. В электронной анкете данная стратегия использована в работе с различными категориями вопросов.

Достаточно часто в работе с электронным текстом использовалась стратегия вычленения «знакомого» и «искомого» (копировались фразы с искомым словом: «В чем суть изучения Минска через культурную политику?», в качестве ответа копировался первый тезис авторского текста с упоминанием словосочетания «культурная политика»). Также в ответах практически не представлены рассуждения и осмысление прочитанного, практически не используется собственный категориальный аппарат.

Подобные стратегии указывают скорее на поверхностную, формальную работу с электронным текстом, чем осмысленную (сканирование, ориентация в тексте и репродуктивное воспроизведение фабулы), на слабую рефлексивность при изучении материала, недостаточную мотивацию к изучению, а также функциональность изучения: оценку воспринимаемой информации по принципу «значимо/не значимо» для решения конкретной за-

дачи (в данном контексте – для ответа на вопросы анкеты), без глубинной оценки содержания и смысла.

Также следует отметить, что большое количество респондентов (около 40%), работающих с электронным текстом, отмечали недостаточный уровень понимания текста (средний или ниже среднего). В качестве причины недостаточного понимания текста отмечалось в основном наличие малоизвестной терминологии, а также научный стиль текста, нагрузка от чтения в электронном формате, сложность текста. Выявлено, что, несмотря на отметки о непонимании фрагментов текста и необходимости выполнения заданий по представленному тексту, только 10% респондентов обращались к литературным источникам, указанным в списке после текста и 5% респондентов обращались к другим материалам по теме статьи (в основном отмечены Интернет-источники).

Нами были проанализированы причины, по которым респонденты не обращались к дополнительной информации при наличии сложных для понимания фрагментов текста. Респондентами были отмечены следующие причины: «Не было необходимости», «Не вижу смысла, т.к. тема не интересует, да и слабо понятна», «Не обращалась, передо мной не стояло такой задачи», «Выполнение задания не требовало использования информации из списка литературы», «Не обращался, потому что не было времени», «Содержания самого текста для ответов на вопросы было достаточно», «А нужно было?», «Тема мне не интересна» и пр.

Вероятно, что полученный нами результат может свидетельствовать об особенностях работы в условиях электронного обучения. Данная работа не предполагает непосредственного контакта и прояснения личностных смыслов и точек зрения, для подобных форм обучения характерна слабо организованная система обратной связи и сниженная возможность контроля за качеством выполнения заданий, и как следствие – низкая мотивация обучающихся к выполнению заданий, формальное чтение без прояснения смысла, доля безответственности в выполнении предложенных заданий. Кроме того, в данных условиях обучения при слабо организованной коммуникации затруднительно сформировать поле для развития интертекстуальности и интересубъективности, что существенно усложняет и сужает процесс выстраивания аутентичного понимания информации (Макеева, 1999). Само по себе предоставление доступа к информации без организации квалифицированной помощи для ее анализа, полноценной коммуникации не позволяет сформировать эффективную образовательную среду, превращая ее в многообразие несистематизированной информации (Dede, 1996). Подобная асимметрия в коммуникации субъектов образования не позволяет в полной мере развивать и согласовывать смысловые позиции. Именно формирование согласованного контекста позволяет интерпретировать смысл и обеспечить базу для понимания, а соответственно – эффективного обучения.

Таким образом, в статье представлены результаты исследования, демонстрирующие ряд психологических особенностей восприятия и понимания текста в электронной среде. На основе полученных данных определены некоторые проблемные аспекты, которые могут проявляться в обучении в электронной среде: низкая мотивация, слабая организация обратной связи и ее асимметрия, сниженная возможность контроля за качеством выполнения заданий и усвоением знаний. Возможно, что более эффективное обучение в электронной среде при работе с текстовой информацией может быть достигнуто посредством грамотной организации системы образовательной коммуникации, возможности активного диалога в электронной среде, что позволит сделать интерактивный вклад участниками образовательного процесса в достижение понимания, а также поспособствует построению эффективной системы мотивации обучающихся.

Литература

Макеева М.Н. Интертекстуальность как авторская техника программирования читательского восприятия художественного текста // *Hermeneutics in Russia*. 1999. - Вып. 3. - С.118-124.

Можжаева Г.В. Электронное обучение в ВУЗе: современные тенденции развития // *Гуманитарная информатика: междисциплинарный сборник статей*. Томск: ТГУ, 2012. - Вып.7.

Dede C. The Evolution of Distance Education: Emerging Technologies and Distributed Learning // *The American Journal of Distance Education*. 1996. - Vol. 10. - № 2. - P.4-36.

Mangen A. Hypertext fiction reading: haptics and immersion // *Journal of Research in Reading*. 2008. - Vol. 21. - № 4. - P.404-419.

Sampson D.G. Ubiquitous and Mobile Learning in the Digital Age. New York: Springer Science & Business Media, 2013.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Шепелева С.В., Фетискин Н.П.

Костромской государственный университет им. Н.А.Некрасова, Россия
Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-06-10868/15

Работа посвящена рассмотрению девиантного поведения в контексте антропологического подхода, включающего национальные, расовые, религиозные факторы. В этой связи оценка нормативности и девиантности поведения увязывается с учетом этнокультурной специфики. Следуя, логике антропологической девиантологии в работе показана взаимосвязь

этнокультурных и этнопсихологических механизмов на актуализацию химических и нехимических аддикций.

Ключевые слова: девиантное поведение, этнокультурные факторы, этнокультурные девиации, национальные традиции, стереотипы, архетипы.

ANTHROPOLOGICAL BASES OF DEVIANT BEHAVIOR

Shepeleva S.V., Fetiskin N.P.
Nekrasov Kostroma State University, Russia

The work is devoted to the consideration of deviant behavior in the context of anthropological approach, including national, racial, religious factors. In this regard, the assessment of normativity and deviance behavior is associated with accounting at ethnic and cultural specifics. Following the logic of anthropological criminology in the work it is shown the relationship between ethnic and cultural and ethnic and psychological mechanisms and chemical and non-chemical addictions.

Keywords: deviant behavior, ethnic and cultural factors, ethnic and cultural deviation, national traditions, stereotypes, archetypes.

Общеизвестно, что девиантологическую значимость антропологического подхода представляют аспекты, учитывающие роль этнокультурного (национального, расового) и религиозного факторов. Они в большей степени, чем другие, связаны с базисными личностными установками, формирующими потенциальные внутриличностные конфликты и полимодальные девиации, требующие психологической помощи. По мнению (Пезешкиан, 1995), именно социокультурные факторы, к которым относятся этнопсихологические параметры и религиозные предпочтения, имеют принципиальное значение в формировании девиантных форм поведения, невротических и психосоматических расстройств.

Отдельные этнокультурные особенности выходят далеко за рамки патопластических, создавая условия для возникновения целого ряда девиаций. Примером сказанного могут служить традиции некоторых народностей употреблять наркотические вещества или стереотипы поведения членов определенных африканских племен, предписывающие девушке совершать первый сексуальный контакт с собственным отцом в присутствии родственников.

Поэтому оценка нормативности и девиантности поведения возможна лишь внутри каждой группы, связанной с этнической, расовой, этнокультурной спецификой. В этой связи совершенно не оправдано оценочное сравнение этнокультурных норм и поведенческих стереотипов, так как они составляют основу этнического самосознания, выход за которого трактуется как отклоняющееся поведение. В этом контексте некоторые народные

традиции, даже при оценке противоправных действий, могут существенно различаться. Так, например, «кровная месть», которая в рамках этнокультурной специфичности расценивается как праведное поведение и ради которой представители народностей Кавказа готовы долгие годы строить свою жизнь и деятельность, объективно может расцениваться как криминальное деяние (представителя Кавказа с швейцарским пилотом, причастного к гибели его семьи). Из этого следует, что основу антропологического или этнокультурного подхода в генезисе поведенческих девиаций составляют два момента, когда: одним и тем же действиям придается различное содержание в разных этнических культурах, и когда одно и то же содержание находит различное выражение в поступках (Кон, 2003; Менделевич, 2005). Поэтому главной задачей антропологической девиантологии является обоснование того, какое влияние оказывают этнические, национальные, культурные особенности человека на механизмы возникновения и формирования, клинические проявления и закономерности течения девиантных форм поведения, а также на особенности их коррекции, терапии и профилактики, основываясь на том, что те или иные культуры и этносы, формируя строго заданные ценностные ориентации, способствуют появлению определенных девиантных форм. Так, в условиях российского этноса, доминирует табу на разновариантное прогнозирование, диктуя человеку необходимость эспектации лишь эмоционально положительных событий. Подобная традиция приводит к тому, что в условиях неспрогнозированности нежелательное событие оказывается психотравмирующим и способствует формированию отклоняющихся невротических стереотипов поведения (Менделевич, 2005). Среди российских этнокультурных поведенческих выделяют мереченье, включающее автоматизированное выполнение приказаний окружающих при формально ясном сознании, а также такое девиантное поведение, обозначаемое как юродливое поведение (юродство). Основными проявлениями данной девиации являются: отказ от мирского благополучия (добровольный отказ от своего имущества, аскетический и смиренный образ жизни), сочетающийся с сознательным асоциальным поведением (буйствованием, странничеством, пародированием церковной службы и т.д.), дар пророчества, стремление обличать царящую в мире неправду, исходя из норм христианской морали (Кон, 2003; Почебут, 2005).

К числу девиаций, имеющих этнокультурную природу, относится целый ряд известных девиантных форм поведения. Так, например, факт широкой распространенности суицидального поведения среди представителей угро-финской этнической группы. На риск суицидального поведения влияет и фактор вероисповедания. В католических странах (Италия, Испания, Португалия) отмечается низкий процент самоубийств, так же, как и в странах ислама. Лидирующее положение Венгрии по суицидальности связано с понятием «венгерского характера», который включает такие качества, как смелость, чувство собственного достоинства, самонадеянность, из-

бегание демонстрации собственной слабости, открытость и отсутствие поддержки (Отто, Менделевич, 2005).

Среди этнокультурных вариантов ритуального суицидального поведения выделяются ритуалы сати и харакири. Сати – это ритуальное саможжение индийских вдов после смерти мужа, а харакири – традиционный способ ухода из жизни японских самураев (наряду с суицидом в форме откусывания собственного языка), соответствующий их кодексу чести (Комер, 2002). Особое место занимает девиантное поведение в виде злоупотребления веществами, изменяющими психическое состояние, имеет специфичные этнокультурные особенности. В случаях, когда таким веществом становится алкоголь, указывается на «традиции питья», паттерны алкогольного поведения, мотивы употребления спиртных напитков. При этом традиции употребления алкогольных напитков рассматриваются в связи со структурой личности, национального характера, способами совладания со стрессовыми ситуациями, социальной этиологии алкоголизма. Общеизвестно, что алкоголь издревле потребляется населением большинства районов земного шара. Первые известные попытки ограничить продажу и употребление спиртных напитков относятся к 1700 г. до н.э. (кодекс Хаммурапи). Фармакологически воздействие алкоголя заключается в том, что он, особенно в больших дозах, подавляет психическую и физическую активность и вместе с тем, особенно в малых дозах, действует как стимулятор, снимая сознательное торможение и открывая тем самым простор подавленным мотивам и импульсам.

В традициях стран и народов со «спиртовой культурой», в отличие от «винных и пивных культур», грань между патологией (или девиацией) и нормой алкогольного поведения крайне незначительна. Так, например, считается, что нормой является способность хорошо переносить большие дозы алкоголя («Чем больше, тем здоровее, нормальнее человек»). Нередко в таких культурах девиацией называют трезвеннические установки и поведение, обосновывая это нетактичностью, нелюдимостью, недружелюбностью отказывающегося от употребления спиртных напитков. Интересным представляется широкая платформа культурного оправдания или осуждения алкогольного поведения, сочувственного или негативного отношения к выпившему или пьяному (Менделевич, 2005, с.164).

В Европейских этнокультурных традициях не меньше распространена тенденция в ситуациях стресса, фрустраций, жизненных трудностей увеличения употребления не алкоголя, а пищи. Меньшая распространенность алкоголизма встречается в среде евреев и итальянцев (Комер, 2002; Менделевич, 2005). Структура употребления наркотических веществ подвержена этнокультурному влиянию в меньшей степени. Однако в некоторых государствах употребление «легких наркотиков» (марихуаны) не расценивается, как серьезная девиация и даже узаконено их использование в медицине.

Пищевые девиации аддиктивного типа в виде анорексии характерны для лиц с высоким культурным уровнем (Мандель, 2013; Старшенбаум, 2006). Существенное значение для формирования девиаций пищевого поведения имеет значимость процесса питания. Для многих культур и стран с западным психологическим типом взаимоотношений еда не является ценностью (особенно ее количество). В других же регионах мира (на Востоке) гостеприимство подразумевает обильное потребление пищи и угощение ею. Кроме того, разнятся стандарты красоты и внешней привлекательности, влияющие на способ приема пищи и пищевые стереотипы. Восточный тип красоты подразумевает полноту, западный – худобу. Определенные личностные культурно обусловленные особенности выражаются и в таком нарушении пищевого поведения, как гиперфагическая реакция на стресс. Оно возникает вследствие невозможности найти правильный (непищевой) выход из конфликтной ситуации или использовать совершенные способы психологической защиты (Менделевич, 2005, с.165).

Считается, что сексуальные девиации и перверсии имеют существенную этнокультурную обусловленность. Их диагностика и оценка нередко всецело зависят от культурных традиций и верований. По мнению И.С. Кона, сексуальное поведение – это социокультурное, а не биологическое явление, и, следовательно, оценка девиаций должна строиться лишь с учетом сексуальной культуры индивида. Некоторые формы сексуальных отклонений поведения регистрируются чаще, чем другие. Так, гиперсексуальность более типична для представителей южных народов по сравнению с северными, выбору гомосексуального поведения нередко способствует стиль жизни, причастность к определенному субкультурному кругу людей («богеме»). Известно, что оценка сексуальных девиаций может зависеть от конфессиональных регламентаций (Мандель, 2013).

Характеризуя этнокультурную природу сверхценных и психопатологических девиантных увлечений, необходимо отметить, что трудовголизм присущ в большей степени выходцам из западной психологической культуры (немцам, американцам), а увлечение азартными играми (гемблинг) характерно для лиц с восточной психологией.

Коммуникативные девиации обусловлены этнокультурным пониманием нормы коммуникации и особенно общительности. Так, например, представители южноамериканских и африканских государств более экспрессивны и коммуникабельны, чем северяне. Вследствие этого диагностика аутистического поведения и гиперобщительности должна различаться в различных регионах мира. Коммуникативная девиация в виде ревности обусловлена этнокультурными нормами верности мужчин и женщин на социальном уровне семьи. Так, в авторитарных семейных этнокультурах понятия ревности и верности носят более девиантную выраженность, нежели в демократической структуре семейных отношений.

Девиации в форме безнравственного, аморального и неэстетического поведения больше других зависят от доминирующих этнокультурных традиций (Емельянова, 2006; Менделевич, 2005; Романов, 2015).

В заключение можно отметить, что в разных этнокультурах мира доминируют специфические формы девиантного поведения и психопатологические симптомокомплексы, основанные на национальных архетипах, стереотипах и традициях. Эти факторы необходимо учитывать при диагностике девиаций, их психопрофилактике, психотерапии и объяснении противоправных актов (хулиганство, насилие и др.).

Литература

Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.

Комер Р. Патопсихология поведения. СПб, 2002.

Кон И.С. Ребенок и общество. М., 2003.

Мандель Б.Р. Психология зависимостей. М., 2013.

Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. СПб, 2005.

Пезешкиан Н. Психотерапия повседневной жизни. М., 1995.

Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур: методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межкультурной толерантности. СПб., 2005.

Романов К.М. Психологическая культура личности. М., 2015.

Старшенбаум Г.В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М., 2006.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2015.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ В ВУЗЕ

Шмелева Е.А., Кисляков П.А.

Ивановский государственный университет, Шуйский филиал, Россия

Российский государственный социальный университет, Москва

В статье представлены структура инновационного потенциала личности, включающая инновационную направленность, компетентность и креативность. К функциям относятся целевая, мотивационная, креативная, прогностическая, трансформационная, а также функции развития, формирования инновационного опыта и практико-ориентированности. Рассмотрены основы формирования в вузе инновационного потенциала педагога.

Ключевые слова: инновационный потенциал, направленность, компетентность, креативность, подготовка педагога.

INNOVATIVE POTENTIAL OF PERSONALITY: PSYCHOLOGY OF FORMATION IN THE UNIVERSITY

Shmeleva E.A., Kislyakov P.A.
Ivanovo State University, Shuya branch, Russia
Russian State Social University, Moscow

The paper presents the structure of the innovative potential of personality. It includes the innovative orientation, competence and creativity. The authors define the objective function, the motivational function, the creative function, the predictive function, the transformational function, as well as the functions of development, formation of innovation experience and practical application. The authors examine the bases of formation of the innovative potential of the teacher in the university.

Keywords: innovative potential, orientation, competence, creativity, preparation of teacher.

Необходимость развития инновационного потенциала личности обусловлена возрастающими требованиями общества к компетентному включению специалиста со сформированным высоким уровнем потребности в инновационной деятельности в профессию, в личностно-профессиональном развитии и саморазвитии личности. Инновационный потенциал личности рассматривается как совокупность свойств, качеств и способностей, обеспечивающих ее психологическую готовность генерировать новые формы деятельности по созданию, освоению и распространению инновационных продуктов, а также саморазвитие и личностный рост как стратегический фактор продуктивной профессиональной деятельности (Шмелева, 2013).

В соответствии с концептуальными системно-антропологическими построениями, в инновационном потенциале выделяется ресурсная часть, способная проявляться на поведенческом уровне в качестве предпосылки саморазвития; диспозиционная часть, обозначающая переход возможностей в процессуальный план, когда они проявляются как отношение, готовность, интенция, отражающие наполнение целями и смыслом, позволяющими ресурсам заявить о себе в моделируемых ситуациях; процессуально-динамический уровень, на котором фиксируется превращение ресурсной составляющей (возможностей) в потенции – силы, запускающие их реализацию, что обуславливает выход человека за пределы наличного опыта, запуск механизмов саморазвития (Ключко, Краснорядцева, 2010). В качестве основных компонентов инновационного потенциала личности как субъекта инновационной педагогической деятельности мы рассматриваем инновационную направленность, инновационную компетентность и инновационную креативность (Шмелева, 2013).

Инновационная направленность интегрирует совокупность мотивов и ценностей, определяющих инновационный характер педагогической деятельности, стремление к достижению вершин профессионального мастерства, обогащению инновационного опыта, осознание значимости инновационных процессов, отражает психологическую установку на развитие личности обучаемых и собственное саморазвитие как личностно-необходимое. Для обогащения опыта инновационной деятельности необходимы наличие познавательной мотивации, стремление к саморазвитию, осознание значимости инновационных процессов в образовательной практике, активная жизненная позиция, ориентация на творческие способы деятельности, умение анализировать процесс и результат деятельности, положительное отношение к своей работе.

Инновационная компетентность предполагает наличие знания теории продуктивной деятельности, педагогической инноватики; наличие умений осуществлять процесс проектирования, разработки, презентации и внедрения инновационных продуктов. Инновационная компетентность предусматривает сформированную способность оценивать изменения условий педагогической реальности, соотносить возможности личности и внешние условия, анализировать ситуации, корректировать собственную деятельность, способность отказываться от стереотипов, преодолевать инерцию мышления, способность к применению, апробации и внедрению получаемых инновационных продуктов.

Инновационная компетентность предполагает наличие опыта инновационной деятельности по разработке, внедрению и распространению качественно новых продуктов; востребованных профессиональной средой результатов инновационной деятельности, обеспечивающих ее эффективность. Мы рассматриваем инновационную компетентность педагога как его готовность создавать и применять в образовательной практике продукты инновационной деятельности, использовать процесс их получения, внедрения и распространения в качестве механизма саморазвития, личностного и профессионального роста, выражающегося в осознании личностью своей профессиональной деятельности как ценности, раскрывающегося в реализации инновационных умений и личного опыта на уровне практико-ориентированного знания.

Инновационный потенциал личности во многом обусловлен ее творческим потенциалом. Поэтому в качестве структурного компонента инновационного потенциала мы выделяем инновационную креативность. Для понимания креативной составляющей инновационного потенциала личности как субъекта инновационной педагогической деятельности необходимо обратиться к понятию «педагогического творчества». Н.В. Кузьмина продуктом педагогического творчества считает духовные продукты – физические, психические, акмеологические новообразования в свойствах субъекта образования как индивида, личности, субъекта деятельности, индивиду-

альности, содействующие или препятствующие самодвижению к вершинам продуктивности и профессионализма деятельности (Кузьмина, Шмелева, 2013).

Целостный психолого-педагогический образовательный процесс основывается на интеграции образовательной, научной и инновационной деятельности, на фундаментальных или прикладных научных исследованиях (Шмелева и др., 2012). Включение студентов в работу научных коллективов, научных школ, совместное получение и внедрение результатов научных исследований в образовательный процесс для получения конечных инновационных продуктов определяет инновационный потенциал высшего образования (Кисляков, 2011).

Понятия «креативность» и «инновации» тесно взаимосвязаны: креативность проявляется в процессе творчества, в генерировании новых идей, которые можно распространять, но характер инновационных они приобретают только в том случае, если применяются в практической деятельности. Мы рассматриваем инновационность и креативность различными состояниями. Инновационная креативность предполагает не только получение в ходе продуктивной педагогической деятельности конечного инновационного образовательного продукта, обладающего новыми качествами, но и способность к его распространению и использованию в образовательной практике. Таким образом, инновационная креативность рассматривается нами как способность к творчеству, инновациям, прогнозированию, направленная на выполнение конкретной практической цели, предполагающая генерирование новых, потенциально полезных идей и получение качественного нового результата, готового к использованию в практике.

Целевой функцией инновационного потенциала личности является реализация в профессиональной деятельности ее инновационного ресурса (объективных и субъективных результатов), обуславливающего ее дальнейшее развитие. Мотивационная функция инновационного потенциала личности задает потребность в реализации готовности к инновациям в образовании, потребность в новых формах поведения и деятельности по созданию и использованию инновационных образовательных продуктов, системе отношений, а также в собственном саморазвитии, самосовершенствовании и развитии обучаемых.

Креативная функция инновационного потенциала личности создает условия для обобщения знаний, поиска закономерностей и открытий в решении поставленных задач, проявляется в способности обладать целостным, системным мышлением, широким кругозором; в способности к творческому осмыслению явлений, самостоятельному поиску истины, критическому восприятию противоречивых идей; в способности к системному видению педагогической реальности, анализу деятельности, самостоятельным действиям в условиях неопределенности.

Прогностическая функция инновационного потенциала личности состоит в способности представить себе возможный результат действия до его выполнения, представить способ его получения прежде, чем он будет получен; в предвидении, антиципации результатов инновационной деятельности, оценке имеющихся условий, определении наиболее вероятных способов действия; прогнозировании мотивационных, волевых, интеллектуальных усилий, вероятности достижения качественно нового результата.

Важной функцией инновационного потенциала личности является трансформационная функция, представляющая заложенную возможность достижения какой-либо цели и, в то же время, пассивность, выражаемую в том, что он непосредственно не участвует здесь и сейчас в процессе достижения цели, решения задачи. Связь между инновационным потенциалом и инновационной деятельностью носит прямой характер: инновационная деятельность – это движение от инновационного потенциала к инновации, его трансформация с целью получения и применения нового продукта.

Функция развития задает переход от одного качественного состояния к другому, от старого к новому, характеризуется направленностью на продуктивность и созидательность инновационной педагогической деятельности, направленностью на проектирование изменений в саморазвитии и личностном и профессиональном росте в качестве его сущностной характеристики.

Функция формирования инновационного профессионально-ориентированного опыта связана с погружением личности в содержание собственной инновационной деятельности. Ее реализация обеспечивает трансляцию инновационного опыта; локализацию, предполагающую описание инновационных идей и способов изменения педагогической практики; мультипликацию, позволяющую адаптировать инновационный опыт и передать его в массовую образовательную практику; консультирование субъектов инновационной педагогической деятельности, готовых перенять инновационный опыт в виде образовательных продуктов (программ, проектов, методик, технологий и др.).

Функция практико-ориентированности проявляется в готовности личности генерировать новые знания в области инноваций и использовать их для потребностей образовательной практики в ходе постановки и решения новых задач, в применимости сформированного комплекса инновационных умений, инновационного опыта и компетентности. Эта функция является интегрирующей в актуализации инновационного потенциала учителя, т.к. связывает в обретаемом инновационном опыте знания, умения, личностные качества, инновационные компетенции, креативность. Функция практико-ориентированности выполняет оценку последствий практического использования результатов и обеспечивает динамику эффективности инновационного продукта.

Все названные компоненты и функции мы рассматриваем в единстве и взаимосвязи. Только в совокупности они обуславливают эффективность развития инновационного потенциала личности. Важнейшие психолого-педагогические условия формирования инновационного потенциала личности в научно-образовательной среде вуза состоят в разработке соответствующих стратегии, тактики и технологии, включения в образовательные программы компетенций инновационной педагогической деятельности; качественной диагностике сформированности инновационного потенциала личности по этапам его формирования; всестороннем учете диагностических данных в процессе формирования; включении личности в инновационно-ориентированную образовательную деятельность, обретении инновационного опыта, стимулировании самообразования и саморазвития, формировании индивидуальных практических знаний, умений, навыков, необходимых для инновационной педагогической деятельности; разработке и реализации программы психолого-педагогического сопровождения, технологически и инфраструктурно обеспечивающего поэтапное повышение уровня инновационного потенциала личности через теоретические, практические, консультативные и тренинговые формы взаимодействия участников образовательной среды вуза.

Литература

Кисляков П.А. Инновационные образовательные технологии подготовки будущих педагогов // В мире научных открытий. 2011. - № 3.1. - С.554-559.

Клочко В.Е., Краснорядцева О.М. Особенности операционализации понятия «инновационный потенциал личности» // Вестник ТГУ. 2010. - №339. - С.151-154.

Кузьмина Н.В., Шмелева Е.А. Развитие акмеинновационного потенциала будущего учителя в профессионально-образовательной среде вуза // Акмеология. 2013. - №1. - С.16-21.

Шмелева Е.А. Психолого-педагогические основы развития инновационного потенциала студентов и молодых ученых // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2013а. - № 3(1).- С.12-18.

Шмелева Е.А. Развитие инновационного потенциала личности в научно-образовательной среде педагогического вуза: Дисс... д.психол.н. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2013б.

Шмелева Е.А., Мальцева Л.Д. Научно-образовательный центр в инновационной инфраструктуре педагогического вуза // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. - №8. - С.318-326.

Шмелева Е.А., Мальцева Л.Д., Прияткина Н.Ю., Мулина О.Н. Подготовка учителя в акмеинновационной образовательной среде вуза // В мире научных открытий. 2012. - №11.1. - С.184-195.

УПРАВЛЕНИЕ КАРЬЕРОЙ ПРОФЕССИОНАЛА: РЕСУРСЫ КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

Шпитонков С.В.

Научно-исследовательский институт технической эстетики
Московского технологического университета, Россия

Исследование поддержано грантом РГНФ № 14-06-00677

Обсуждаются теоретические и практические аспекты управления профессиональной карьерой (ПК) менеджеров средствами корпоративного обучения (КО). Анализируются условия и сравнительные результаты проведения 5-летнего формирующего эксперимента в четырех экспериментальных группах (всего 78 чел.) и одной контрольной (19 чел.). Обсуждаются возможности управления мезоциклами ПК (длительность работы в организации, должностное продвижение) и микроциклами (фазы адаптации, время работы в должности).

Ключевые слова: управление, корпоративное, обучение, карьера, менеджеры, кадровые технологии, развитие, ресурсы, субъект, среда, организация.

MANAGEMENT OF PROFESSIONAL'S CAREER: RESOURCES OF CORPORATE EDUCATION

Shpitionkov S. V.

Scientific Research Institute of Technical Aesthetics
Moscow Technological University, Russia

The theoretical and practical aspects of the management of professional career (PC) of managers by corporate training tools (CT) are discussed. The conditions and comparative results of 5-year formative experiment in four experimental groups (total 78 persons) and one control group (19 persons) are examined. The capabilities of the management of mesocycles of PC (duration of work in the organization, promotion) and microcycles (phase of adaptation, working hours) are discussed.

Keywords: management, corporate, education, career, managers, personnel technologies, development, technology, resources, subject, environment, organization.

Введение. Роль «человеческого капитала» (ЧК) (накопленного профессионального опыта людей) в структуре национального богатства развитых стран исторически возрастает, вытесняя доли сырьевых и технологических ресурсов. Так, в США в начале 1990-х годов (по оценкам Всемирного банка) ЧК определялся в 76%; физический (материальный) капитал - 19%; природные факторы - 5%. Сходной структурой отличались страны

Западной Европы: 74% – 23% – 2%, соответственно. В России доля ЧК составляла 50%, сырьевых ресурсов – 40%, технологических – 10%. За минувшие годы структура национального богатства мало изменились...

Профессиональная карьера: практические аспекты управления. К концу XX ст. сформированы научные концепции, разработаны социальные технологии, апробирован опыт управления работой и поведением людей. Этот опыт воплощается «кадровых технологиях», имеющих свои количественные параметры (стоимость и пр.): затраты на поиск новых работников составляют 20 – 30% их годового оклада; на обучение планируется до 10% общего оборота организации; потери от замены одного менеджера на другого с таким же потенциалом – 20% его оклада. Согласно данным кадрового агентства «Анкор», стоимость замещения сотрудника составляла 21% от его годового дохода, потери работоспособности в ситуациях конфликтов оценивались в 25–45% (Винокуров, Отюгов, 1997; Толочек, Шпитонков, 2012; Толочек, Журавлева, Шпитонков, 2014).

Российские компании страдают хроническим дефицитом «качественного персонала», под которым понимают сотрудников, способных достигать поставленных целей при наличных ресурсах; возрастает время замещения открытых вакансий до 1,0–1,5 мес.; растут издержки на подбор, прием, адаптацию и обучение сотрудников (Винокуров, Отюгов, 1997; Толочек, 2003; 2004; 2009). Несмотря на неблагоприятный «фон», всегда есть реальные возможности (их определяют как «ресурсы») успешного управления профессиональной карьерой (ПК) сотрудников, управления их организационным поведением, управления мотивацией труда. «Вовлеченности персонала» – это не только «моральное здоровье» организации. Стоимость акций в подобных компаниях выше на 12%, объем продаж больше – на 27000 долл. в год в расчете на одного сотрудника, прибыль – на 3800 долл., удовлетворенность клиентов – на 15%, тогда как затраты организации на удержание таких специалистов ниже (Толочек., Шпитонков, 2012; Толочек, Журавлева, Шпитонков, 2014).

Цель, задачи, методы исследования. С целью оптимизации процессов, обеспечивающих самореализацию человека в труде и в других сферах жизнедеятельности, в компании «Ротер Хаус» был спланирован и в 2011 г. начат 5-летний лонгитюдный эксперимент – разработана программа корпоративного обучения (КО). Для оценки успешности деятельности сотрудников использовались объективные критерии (продуктивность работы сотрудника и подразделения), экспертные оценки (суждения вышестоящих руководителей), самооценки и экспертные оценки удовлетворенности рабочими и личностными отношениями в рабочих группах. Для психодиагностики использовались как стандартные методики (опросник Р.Б. Кеттелла, УСК, У. Томаса, Дж. Фланагана, Д.Денисона), так и исследовательские методики («Профессионально важные качества менеджера», «Стили делового общения», анкета «Динамика ПСС»).

В состав экспериментальных групп входили руководители высшего звена управления (1 группа – 9 чел.) и среднего звена (2 группа – 20 чел.). 3 группу составил «кадровый резерв» компании (18 чел.), 4 группу – вебинар (дистанционное обучение персонала с периодическими сессиями в главном офисе компании – 31 чел.). Четыре экспериментальные группы составили менеджеры (всего 78 чел.), выразившие желание в свободное от работы время участвовать в системе семинаров КО. В качестве контрольной группы (5 группа – 19 чел.) выступили менеджеры среднего и низового звена, не выразившие желание участвовать в КО. Все менеджеры, участники 1, 2, 3, 4 и 5 групп, на начало эксперимента считались успешными работниками, различий в их профессиональной успешности не наблюдалось, их перспективы в организации рассматривались как равнозначные.

КО в экспериментальных группах проводится систематично, в зависимости от категорий сотрудников: 1 группа (9 ч., руководители): 1 раз в месяц, 4 часа – внутреннее обучение силами компании, в форме семинаров, обсуждения выполненных домашних заданий, и практических вопросов. В начале каждого обучения проводится тестирование по материалам пройденной темы. Оценки учитываются при прохождении аттестации и получении или подтверждении новых категорий. 2-3 раза в год – внешнее обучение (8 часов), с привлечением внешних работников тренинговых компаний и преподавателей вузов (как и в группах 2, 3, 4). 2 группа (20 ч., смешанная группа): 1 раз в месяц, по субботам, по 8 часов. Формы обучения включали лекции, семинары, просмотр видео фильмов, обсуждение книг и статей. 3 группа «кадровый резерв» (18 ч., смешанная группа): 2 раза в месяц, по 4 часа, 2-3 раза в год – внешнее обучение, по 8 часов. Форма: тренинги, семинары, решение кейсов и практических задач; обсуждения выполненных домашних заданий. 4 группа. Вебинар (31 ч.): дистанционное обучение по интернету, 1 раз в месяц, по субботам лекции и семинары по 3 часа. Учебный план включал блоки собственно профессиональной подготовки, а также блок, направленный на развитие психологической и социально-психологической компетентности человека. В начале каждого этапа обучения проводилось тестирование по материалам пройденной темы. В начале каждого этапа и после окончания обучения проводилась психодиагностика.

Результаты исследования. Согласно задачам эксперимента, основными функциями обучения были: а) позитивная адаптация сотрудника (к задачам, новой социальной среде, формам и методам взаимодействия с коллегами и клиентами); б) образование (повышение знаний, умений, навыков); в) воспитание (формирование ценностей, созвучных корпоративной культуре, характера и других качеств, соответствующих задачам деятельности); г) развитие и поддержка активность субъекта (развитие самоорганизации, саморегуляции, самоконтроля); д) адекватное восприятие себя и окружающих как членов одной организации, оптимизация взаимоот-

ношений с коллегами; е) переход от удовлетворенности в работе к лояльности и вовлеченности. Корпоративное обучение рассматривалось как основной фактор формирования профессионально важных качеств субъекта (1), свойств личности, способствующих успешной интеграции в современной организации (2) и успешной реализации в семейной сфере (3).

Контрольные «срезы» на 2 - 4 году эксперимента отражают положительную динамику измеряемых параметров во всех контрольных группах, сравнительно с экспериментальной и средними статистиками в компании за 2010 год: текучесть персонала сокращалась на 7 - 15%, частота назначения сотрудника на более высокую должность возросла на 10 - 20%, продуктивность работы устойчиво повышается (в среднем, в расчете на одного сотрудника на 5 - 9% ежегодно).

В силу объективных причин объем часов КО поэтапно уменьшался с 64 в 2011 до 30 час. в 2015. Активность обучаемых также несколько снижалась (с 4,8 до 3,8 балла). Но все проявившиеся тенденции позитивных процессов сохранялись: увольнения сотрудников (вызванное кризисом и санкциями) в экспериментальных группах в 2015 г. составили 18,5% от исходного состава, среди не участвующих в обучении – 37,3%; за пять лет имели место 65 должностных продвижений в экспериментальных группах 78 чел. (или с вероятностью 0,83), среди не обучающихся – 0,00. У обучающихся отмечается положительная динамика успешности самореализации в сфере семьи (повышение доли лиц, состоящих в браке, имеющих детей, более продолжительный стаж семейной жизни, сравнительно со средними по компании). Из четырех экспериментальных групп наименее выраженные позитивные изменения фиксируются в 4-й группе (вебинар), вероятно, вследствие: а) меньшей мере актуализации условий корпоративной культуры в деятельности региональных представителей; в) менее четких структур этих условий; с) меньшей «плотностью», недостаточной «критической массы» управляющих воздействий посредством организации среды и взаимодействий в деятельности региональных представителей.

Заключение. Подводя итоги пяти лет формирующего эксперимента, можно констатировать, что они подтверждают наши ожидания. В группах, более интегрированных с корпоративной культурой организации, слушатели работали в организации более продолжительное время, чаще продвигались на следующие должностные позиции, имели более позитивные характеристики самореализации в семье. У лиц, не включенных в разные формы обучения, темпоральные характеристики профессиональной карьеры были ниже. В группах, в которых более широко представлены учебные занятия по психологии, отмечено более активное использование внесубъектных и интересубъектных ресурсов.

Сопоставление динамики объема учебных дисциплин, динамики учебной активности слушателей, динамики увольнения сотрудников компании и динамики должностного продвижения сотрудников компании по-

зволяет выделять обозначившиеся тенденции в связях составляющих ПСС и контролируемых условий эксперимента. А. Общие тенденции и эффекты КО: 1) Динамика объема уч. часов прямо не связана с эффектами ПСС. Более важным являются формы участия работников в КО, их межличностные взаимодействия в учебных группах, отношение администрации к планированию их карьеры и т.п. 2) Большая часть позитивных эффектов КО на протяжении 5 лет монотонно снижалась. Позитивные эффекты поддерживались «новизной» взаимоотношений сотрудников, расширением круга и аспектов их межличностного общения, участие в неформальном общении с руководителями высшего звена. 3) Динамика увольнения сотрудников имела криволинейный характер (вследствие кумулятивных эффектов, изменения внешней среды, приоритетов руководства компании). 4) КО имеет выраженные прямые и диффузные позитивные эффекты: частота увольнения из компании не обучающихся сотрудников на протяжении 5 лет в 2 – 6 раз превосходила частоту увольнения обучающихся. 5) Повышалась самореализация в семейной сфере. 6) Динамика профессионального должностного продвижения («вертикальной карьеры») имела криволинейный характер с выраженными кумулятивными тенденциями. В. Специфическими эффектами можно считать: 1) Личность преподавателя. 2) Темы, подлежащие изучению и обсуждению. 3) Зависимость эффектов КО от учебных программ, должности обучающихся, их учебной активности.

Обобщая, можно констатировать: управление профессиональной карьерой менеджеров: а) имеет чрезвычайно высокую значимость для организаций; в) имеет высокую личностную значимость для каждого человека; с) в среде организации всегда есть достаточные и доступные ресурсы для целенаправленного управления карьерой сотрудников.

Литература

Винокуров Л.В., Отюгов А.А. Особенности российской культуры и проблема управления персоналом // Актуальные проблемы управления персоналом. СПб.: Делком, 1997. - С.152-157.

Толочек В.А. Организационная психология и стили профессиональной деятельности государственных служащих. М.: РАГС, 2003.

Толочек В.А. Организационная психология: управление персоналом ЧОП и СБ. М.: Мир безопасности, 2004.

Толочек В.А. Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2009. - №3. - С.27-61.

Толочек В.А., Журавлева Н.И., Шпитонков С.В. Факторы актуализации ресурсов субъекта в продолжении профессиональной карьеры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2014. - Т.3. - вып. 4. - С.297-301.

Толочек В.А., Шпитонков С.В. Корпоративное обучение как управление профессиональной карьерой менеджера: ресурсный подход // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / отв. ред. Л.Г.Дикая, А.Л.Журавлев, М.А.Холодная. М.: ИП РАН, 2012. - С.309-320.

ГЕРОЙ-СУПЕРМЕН КАК ФОРМА НИЦШЕАНСКОГО СВЕРХЧЕЛОВЕКА

Яновский М.И.

Донецкий национальный университет

В статье анализируется моральная сторона образа киногероя-супермена. Сравниваются моральные аспекты образов супермена и ницшеанского сверхчеловека. Представлены результаты эмпирического исследования психологического воздействия на самосознание зрителя фильма-боевика с героями-суперменами. Результаты позволяют сделать вывод о временном сближении Я-концепции зрителя с образом супермена.

Ключевые слова: Я-концепция, супермен, сверхчеловек, кино, воздействие, мораль.

SUPERMAN HERO AS A FORM OF NIETZSCHEAN ÜBERMENSCH

Yanovsky M.I.

Donetsk national university

The article analyzes the moral aspect of the image of an action super hero, i.e. Superman. The moral aspects of the images of Superman and the nietzschean Übermensch have been compared. The results of empirical research of psychological influence on consciousness of audience of a thriller with the super heroes have been presented. The results allow to make a conclusion regarding the temporary convergence of the self-concept of the viewer with the image of Superman.

Keywords: self-concept, Superman, superman, movie, impact, morality.

Кино имитирует присутствие зрителя в реальных ситуациях и, соответственно, две стороны этого присутствия: чувственно-непосредственный, подвижный образ реальности (образ мира) и самосознание, соотнесенное с ним (образ себя-в-мире). Следовательно, кино придает самосознанию зрителя, для вхождения в фильм-мир, виртуальную форму, наподобие «аватара» социальных сетей или компьютерных игр. В целом это явление, очевидно, рассчитывается и выстраивается создателями фильмов, и такими «аватарами» чаще всего становятся главные

герои. Для этой цели, собственно, образы киногероев создаются как своеобразные «ловушки» для самосознания зрителя.

Показательным в этом смысле является американское (голливудское) кино, характерным излюбленным приемом которого является создание героя-мифа. Такая мифологизация персонажа имитирует его харизматичность (вариант «гало-эффекта»). Герой-миф легко превращается в бренд фильма, что помогает успешно реализовывать его на рынке (Гарри Поттер, Человек-паук, Терминатор и т.п.).

Примером героев-мифов являются такие герои американских боевиков, характерной особенностью которых является сверхчеловеческая сила и успех, что дает основание обобщенно называть такой тип персонажа героем-суперменом. Проанализируем это подробнее.

Само слово супермен (англ. Superman) – калька ницшеанского понятия «Übermensch», Сверхчеловек. Сверхчеловек, по Ф. Ницше, – тот, кто превзошел в своем развитии человека, оказался «по ту сторону добра и зла», поэтому сам себе устанавливает нормы морали (Ницше, 1996). Героя-супермена обычно отличают от Сверхчеловека, исходя из того, что супермен в фильмах – на стороне добра (хороших людей), тогда как Сверхчеловек ставит себя над добром. Ситуация однако не такова, как декларируется. Сторонник идеи Сверхчеловека, стремясь преодолеть человеческое, начинает воспевать звериное; ставя себя выше добра, на деле оказывается сторонником зла, причем сознательным (в силу того, что считает зло особым, высшим добром). Голливудский герой-супермен, казалось бы, не претендует на это. Однако проблема в том, что он не ищет, что есть добро, в чем его суть. Не это для него важно. Вместо этого он устанавливает свой выбор как выбор в пользу «хороших» и «правильных», чтобы быть на «правильной стороне». Это своего рода сделка. «Хорошие» же и «правильные» – это те, кто либо априори, «по определению» «хороши», либо условились и установили «хорошие» правила жизни, и взялись их соблюдать (конвенциональный уровень морали, по Л. Кольбергу (Анцыферова, 1999)). Фактически «хорошие» и «правильные» – это коллективный Сверхчеловек, который сам установил себе (модно называть это «экзистенциальным выбором»), что есть добро для него.

Таким образом, мораль супермена – делать хорошо хорошим людям, а в конечном счете «своим» (семье, государству, Америке и т.п.), – скрывает ницшеанскую подоплеку (о супермене как американском варианте ницшеанского сверхчеловека см.: Харченко, 2008), которая приводит, рано или поздно, к сознательной поддержке зла.

Учитывая, что образы киногероев воздействуют на самосознание зрителя отнюдь не прямолинейно явными, декларируемыми своими сторонами (Яновский, 2012; 2015), можно поставить вопрос, оказывают ли неявные особенности морали героев-суперменов американских боевиков (а

подобные герои чрезвычайно характерны именно для американского кино) соответствующее морально-психологическое воздействие на зрителя?

Мы провели эксперимент для ответа на этот вопрос. Описание эксперимента. Цель нашего исследования состояла в том, чтобы выяснить, как образы супергероев фильма-боевика влияют на Я-концепцию зрителя. В состав выборки вошло 13 человек: 3 парня и 10 девушек. Возраст испытуемых варьировал от 17 до 22 лет. Все испытуемые знакомы с американским кинематографом, в т.ч. неоднократно смотрели фильмы-боевики, хотя поклонников этого жанра среди участников эксперимента не было.

В исследовании был использован японско-американский кинофильм «Звездный десант: Вторжение» режиссера С. Арамаки (2012). Фильм был выбран по двум критериям. Во-первых, это фильм с персонажами по типу супермена. Во-вторых, этот фильм аудитории мало известен и наши испытуемые видели его в первый раз. В целом фильм представляет собой и по сюжету, и по системе персонажей классический фантастический боевик. Содержание фильма составляет героическая борьба сильных и отважных воинов-астронавтов с отвратительными космическими жуками-чудовищами. Персонажи фильма отчетливо делятся на положительных (сильные бойцы-герои, члены экипажа космического корабля) и отрицательных (коварные и сильные враги – жуки). Это деление основано на том, что герои – люди, благородны, разумны и красивы, и этим отличаются от омерзительных и коварных жуков.

Сначала испытуемым предлагалась психодиагностическая методика, которая фиксировала особенности Я-концепции (семантический дифференциал Ч. Осгуда, применялся для определения Я-реального, Я-идеального и антиидеала). Через 2-3 дня испытуемым, небольшими группами по 2-5 человек, демонстрировался (на мониторе компьютера или на большом экране, с использованием мультимедийного проектора) кинофильм, после чего испытуемые снова проходили ту же методику.

Исследование было выполнено совместно с А. Ю. Приймак (Приймак, 2015). Результаты представлены в табл. 1.

Достоверных различий между показателями «до» и «после» не было ни по одному показателю. Лишь на уровне тенденций появились сдвиги по «Оценке» в Я-реальном и Я-идеальном. Более существенный результат дал статистический анализ корреляций между различными показателями Я-концепции до просмотра фильма и после него. Результаты анализа представлены в табл. 2.

После фильма произошло довольно значительное переструктурирование Я-концепции. Возникла целая совокупность прямых и обратных корреляций между различными параметрами Я-концепции:

- прямая корреляция между Я-реальным, Я-идеальным и Я-антиидеалом по «Оценке» ($p \leq 0,01$);

- обратная корреляция между Я-идеальным и Я-реальным, с одной стороны, и Я-антиидеалом, с другой стороны, по «Силе» ($p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$).

Таблица 1. Показатели Я-концепции до и после просмотра фильма

	Я-реальное						Я-идеальное						антиидеал					
	оценка		сила		актив-ность		оценка		сила		актив-ность		оценка		сила		актив-ность	
	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после
сред-ние	12,77	14,23	13	13,15	12,85	12,85	16,54	15,92	15,46	15,46	15,54	15	-14,46	-15,46	-14,77	-14,62	-12,92	-13,38
р по-крите-рию	0,07		0,55		1		0,09		1		0,24		0,14		0,80		0,31	
дис-пер-сия	5,03	8,53	10,83	11,81	5,31	4,14	3,27	2,08	4,77	6,77	4,44	9	11,94	7,77	13,03	12,26	11,08	6,76

Таблица 2. Корреляция показателей Я-концепции до и после просмотра фильма

Я-реальное	оценка	до	0,32	до	оценка	Я-идеальное
		после	0,62	после		
Я-реальное	сила	до	0,66	до	сила	Я-идеальное
		после	0,69	после		
Я-реальное	активность	до	0,47	до	активность	Я-идеальное
		после	0,287	после		
Я-идеальное	оценка	до	0,01	до	оценка	Я-антиидеал
		после	0,43	после		
Я-идеальное	сила	до	- 0,004	до	сила	Я-антиидеал
		после	- 0,69	после		
Я-идеальное	активность	до	- 0,35	до	активность	Я-антиидеал
		после	- 0,56	после		
Я-реальное	оценка	до	- 0,12	до	оценка	Я-антиидеал
		после	0,58	после		
Я-реальное	сила	до	- 0,02	до	сила	Я-антиидеал
		после	- 0,42	после		
Я-реальное	активность	до	- 0,09	до	активность	Я-антиидеал
		после	0,16	после		

(критические значения коэффициента корреляции для $p \leq 0,05$ – 0,35, для $p \leq 0,01$ – 0,45; жирным шрифтом отмечены значимые корреляции, серым фоном – существенные изменения после просмотра фильма)

Является ли возникновение корреляций эффектом воздействия специфичным именно для данного фильма? Для проверки был проведен аналогичный эксперимент с контрольной группой (также 13 человек). Демон-

стрировался фильм-драма («Столкновение» (2004) П. Хаггиса). После просмотра данного фильма было зафиксировано лишь одно существенное изменение: исчезновение статистически значимой корреляции между Я-реальным и Я-идеальным. Следовательно, появление корреляций после фильма «Звездный десант» отражает особенности психологического воздействия именно этого фильма.

Обсуждение результатов.

Удивительный результат – появление прямой корреляции между Я-реальным, Я-идеальным и Я-антиидеалом по «Оценке», их своего рода синтез. Мы полагаем, что это означает идеализацию своего Я и своего антиидеала, и отождествление себя с ним. Слияние данных трех компонентов Я-концепции фактически и может означать появление состояния сознания себя как Сверхчеловека, нагруженного к тому же симпатией к антиидеалу (злу). Здесь мы имеем сдвиг в сторону состояния, которое можно охарактеризовать как фашизация самосознания.

Обратная корреляция по «Силе» Я-реального и Я-идеального с антиидеалом – по-видимому, означает конкуренцию, самоутверждение за счет умаления (унижения) противника. Но это такое самоутверждение, которое трансформируется в страдание унижения при восстановлении силы и независимости противника. Мы полагаем, что такая связка Я-реального с антиидеалом соответствует описанному А. Адлером механизму гиперкомпенсации через унижение другого, при постоянном потенциальном чувстве собственной неполноценности.

Естественно полагать, что такие эффекты от единичного просмотра фильма ситуативны и временны. Однако можно представить, какую опасность для морального состояния общества представляет многократный просмотр таких фильмов, и массовый их просмотр в масштабах страны.

Таким образом, предположение о способности американских фильмов-боевиков с образами «суперменов» вызывать сдвиг самосознания в сторону формирования самосознания по образу «Сверхчеловека» подтвердилось. При этом для правильного понимания результатов воздействия подобных фильмов следует различать декларируемое содержание образа Сверхчеловека и его действительную моральную сущность.

Литература

Анцыферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. - № 3. - С. 5-17.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. - С. 5-237.

Приймак А.Ю. Моральная сложность героя кинофильма как фактор воздействия на Я-концепцию зрителя. Дипломная работа. Донецк: ДонНУ, 2015.

Харченко Д.О. Сверхчеловек: социальная сущность и типология // Вестник МГОУ. Серия Философские науки. 2008. - № 3. - С. 125-131.

Яновский М.И. Проблема изменения Я-концепции под влиянием просмотра кинофильма // Вопросы психологии. 2012. - №1. - С.92-99.

Яновский М.И. Воспроизведение кинофильмом типа морального сознания как аспект психологического воздействия на зрителя // Актуальные проблемы исследования массового сознания: Материалы 2-й Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор В.В. Константинов; Пензенский государственный университет. Пенза, 2015. - С.743-752.

ПРИНЦИП ДИАЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРДЕТЕРМИНИЗМА КАК МЕТАОСНОВАНИЕ УГЛУБЛЕНИЯ ПОНИМАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Янчук В.А.

Академия последипломного образования, Минск, Беларусь

Обсуждается проблема прогресса социально-психологического знания в аспекте эволюции его предмета. Предлагается рассмотрение социально-психологической феноменологии в контексте четырехмерных континуумов его анализа. Представляется принцип диалогического интердетерминизма артикулирующий состояние диалогической интердетерминации проявлений социально-психологических явлений и фактов.

Ключевые слова: диалогическая интердетерминация; культура; метатеория; принцип диалогического интердетерминизма; социально-психологическая феноменология; социальный прогресс; четырехмерность континуумов социально-психологической феноменологии.

THE PRINCIPLE OF DIALOGICAL INTERDETERMINISM AS METAFUNDATION OF SOCIAL-PSYCHOLOGICAL PHENOMENOLOGY UNDERSTANDING DEEPENING

Yanchuk V.A.

Academy of Postgraduate Education, Minsk, Belarus

The problem of the social-psychological knowledge progress is discussed in the context of its subject matter evolution. It is proposed necessity of the social-psychological phenomena consideration in the context of four-dimensional continuum's analysis. Is introduced the principle of dialogical interdetermination articulating the state of dialogic interdetermination of social-psychological phenomena and facts manifestations.

Keywords: culture; dialogical interdetermination; four-dimensionality of social-psychological phenomenology continuums; metatheory; principle of dialogical interdeterminism.

Обсуждение проблематики социального прогресса в социально-психологическом аспекте предполагает обсуждение эволюции данной области психологического знания с учетом современных социальных реалий. Прослеживая эволюцию предмета социальной психологии, можно констатировать ее трансформацию от научного исследования «того, как на мысли, чувства и поведение индивидов влияет актуальное или предполагаемое присутствие других людей» (Allport, 1954, с.5) до «изучения мыслей, чувств и действий обычных людей ... человеческого опыта» совместного бытия (Baumeister, Vohs, 2007, с.XIV). наконец в авторской версии – области знания, занимающейся изучением особенностей социального взаимодействия, со-переживания и взаимовлияния людей и их культурно обусловленного социального контекста (Янчук, 2005, с. 8-9).

Эта исходная ориентированность на изучение социального бытия людей, находящихся в процессе постоянного взаимодействия, взаимовлияния и взаимоизменения не могла не заметить качественных изменений, происходящих в социальном и природном (в том числе и в техногенном) окружении. Бурный технический прогресс, проблемы экологии, развитие нейронаук, миграционные процессы, социально-политические изменения, сопровождаемые межнациональными конфликтами и религиозным противостоянием – вот лишь некоторые характерные особенности современной ситуации, требующие в том числе и социально-психологического осмысления. Стали очевидными изменения в общественном укладе и отношении ко многим аспектам совместного бытия людей на общей планете Земля, обуславливающей необходимость формирования принципов общежития и совместного решения возникающих глобальных и локальных проблем. Не менее очевидным стало и понимание того, что происходящие изменения не носят линейного однонаправленного характера, а имеют характер взаимообусловленности и взаимодетерминации, требующей учета в прогнозировании и проектировании будущего.

Авторская попытка нахождения возможных решений перечисленных проблем лежит в основании развиваемого мною на протяжении ряда последних лет социокультурно-интердетерминистский диалогического метаподход к анализу психологической феноменологии, артикулированного в рамках одноименной метатеории интеграции психологического знания (Янчук 2006; 2009; 2015).

Исходной точкой явился поиск оснований упорядочивания существующего психологического (включая социально-психологическое) знания, характеризующегося мультипарадигмальностью, многомерностью и бесконечностью областей и направлений исследований. В качестве предва-

ряющих условий была определена необходимость учета культурной обусловленности социально-психологической феноменологии, ее связь с телесностью, подтверждаемая бурным развитием нейронаук, начинающих активно внедряться в сферу социальной психологии (социальные нейронауки, социобиология, и др.), влияние сферы бессознательного (Тэвистокские исследования Байона), экзистенциальная вотканность в-бытие-в-мире, взаимодействие и взаимовлияние окружения (социального и природного, личности и активности).

В соответствии с предлагаемым подходом, разнокачественное, многомерное и мультипарадигмальное социально-психологическое знание может быть отображено в рамках следующих четырехмерных континуумов, каждый из компонентов которых находится в состоянии опосредованной культурой интердетерминации: по критерию разнокачественности природ – биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурно обусловленное; по критерию сфер отражаемой реальности – осознаваемое ↔ бессознательное ↔ экзистенциальное ↔ культурно-обусловленное; по критерию областей исследований – личность ↔ окружение ↔ активность ↔ культурно-обусловленное. Визуализация этих пространств представлена на рис. 1.

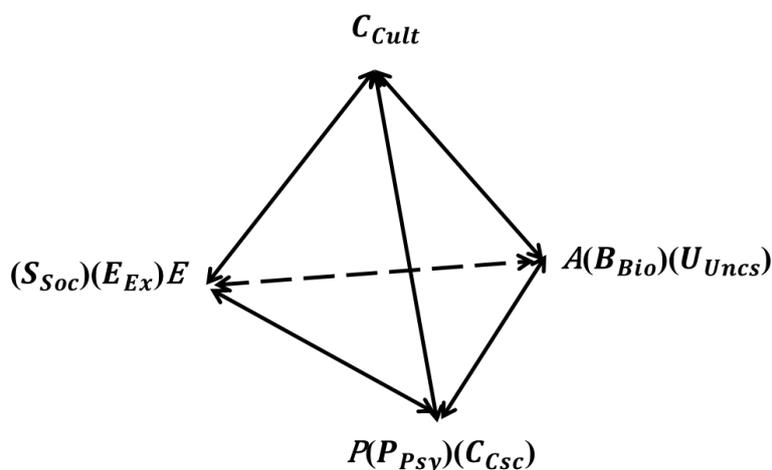

Рисунок 1. Состояние диалогической интердетерминации

(А – активность, Р – личность, Е – окружение, B_{Bio} – биологическое; P_{Psy} – психическое; S_{Soc} – социальное (символическое); C_{Csc} – осознаваемое; U_{Uncs} – бессознательное; E_{Ex} – экзистенциальное; C_{Cult} – культурно-исторический контекст)

В качестве системообразующего и всепроникающего основания была определена культура, приобретая в связи с бурным развитием кросс-культурных исследований в различных областях знания и получением бесчисленных фактов культурных различий в области межличностных отношений, переживаний, поведения, биологии особый статус (Gelfand, Chiue, Ying-yi, 2011, 2012, 2013, 2014). Культура, как это подчеркивает один

из ведущих представителей культурной психологии J. Valsiner, «если она рассматривается как процесс семиотической медиации человеческой жизни, является инструментом, обеспечивающим гибкость человеческой психики при ее столкновении с многообразием обстоятельств... конструирования принципиально нового, раздвижения границ понимания и бытия» (Valsiner, 2014, с.258). Следовательно, культура может рассматриваться как медиатор и в контексте обозначенных пространств, а также их компонентов.

Следовательно, социально-психологическая феноменология должна обязательно рассматриваться в имико-итическом контексте с учетом сходств и различий в языке, ценностях и нормах, способах взаимодействия с социальным и природным окружением, интертекстуальности, наконец интерсубъективности и интерэкзистенциальности в аспектах осознаваемого, бессознательного и экзистенциального. Постижение сокрытостей, обусловленных культурными различиями, формирование интерсубъективности, экзистенциальной со-переживаемости происходящего, синхронизация поведенческой алгоритмики приводят к формированию нового качества, воплощающегося в межкультурном диалоге, направленном на взаимообогащение и взаиморазвитие, способствующие преодолению барьеров межкультурного непонимания и враждебности.

Второй фундаментальной проблемой, требующей нахождения инновационного решения стало нахождения принципа взаимодействия представленных разнокачественных природ, сфер отражения реальности и областей исследований. в качестве исходной была взята известная трехкомпонентная формула Левина $V=f(P, E)$, в которой детерминация поведения рассматривается как однонаправленная. Переосмысление данной формулы в контексте реципрокной (взаимной) детерминации сделано выдающимся психологом современности А. Бандурой (Bandura, 1978), придавшим ей двунаправленный характер $V=f(P \rightleftharpoons E)$. Мною предложено качественное расширение рамок принципа реципрокного детерминизма за счет акцентирования внимания, во-первых, на интердетерминационном характере взаимодействия личностных, ситуативных и активностных детерминант поведения, и, во-вторых, учета их культурной обусловленности. Здесь речь идет не о состоянии однонаправленной или частично двунаправленной детерминации, а качественно отличном характере взаимодействия диалогического свойства, предполагающего исходную равнозначность, взаимообусловленность и взаимовлияние, приводящих к формированию нового качественного состояния, не представленного в отдельно взятых детерминантах. Можно говорить о некоторой с Вертгеймеровским гештальтом, представляющим обретение целым нового качества, не водимого к простой сумме составляющих его частей. В формализованном виде состояние диалогической интердетерминации в отношении континуума интердетерминант поведения можно представить в виде изображенной на рис. 2 формул.

$$\left\{ \begin{array}{l} A=f(P, E, C_{Cult}) \\ P=f(A, E, C_{Cult}) \\ E=f(P, A, C_{Cult}) \\ C_{Cult}=f(P, A, E) \end{array} \right. \quad \left\{ \begin{array}{l} B_{Bio}=f(P_{Psy}, S_{Soc}, C_{Cult}) \\ P_{Psy}=f(B_{Bio}, S_{Soc}, C_{Cult}) \\ S_{Soc}=f(B_{Bio}, P_{Psy}, C_{Cult}) \\ C_{Cult}=f(B_{Bio}, P_{Psy}, S_{Soc}) \end{array} \right. \quad \left\{ \begin{array}{l} C_{Csc}=f(U_{Uncs}, E_{Ex}, C_{Cult}) \\ U_{Uncs}=f(C_{Csc}, E_{Ex}, C_{Cult}) \\ E_{Ex}=f(C_{Csc}, U_{Uncs}, C_{Cult}) \\ C_{Cult}=f(C_{Csc}, U_{Uncs}, E_{Ex}) \end{array} \right.$$

Рисунок 2. Состояние социокультурно-интердетерминистского диалогизма в пространстве личность – окружение -- активность

(А – активность, Р – личность, Е – окружение, C_{Cult} – культурно-исторический контекст. B_{Bio} – биологическое; P_{Psy} – психическое; S_{Soc} – социальное (символическое); C_{Csc} – осознаваемое; U_{Uncs} – бессознательное; E_{Ex} – экзистенциальное)

Отношение диалогической интердетерминации подчеркивает элемент взаимовлияющего и взаимоизменяющего его характера. Любое изменение одного из элементов неизбежно приводит и к изменению во всех взаимосвязанных элементах. Причем, происшедшие изменения приводят к изменению качества самой гетерогенной системы, получающей новообразования в виде расширения, переосмысления и перепереживания обретенного опыта. Эти элементы одновременно являются и автономными и взаимообуславливающими друг друга и последнее акцентирует внимание на том, что каждый из элементов не существует в качестве самодостаточного, а только во взаимоотношении с другими.

Приставка «интер» показывает способ, посредством которого мы можем преодолеть корневую метафору психологического понимания как на общедоступном, так и научном уровнях, сохранив их в исходном состоянии. Метафора такого рода представляет различие внутреннего и внешнего связанного с осмыслением пространства. Значение находится ни «внутри» ни «вовне»: оно находится «между» (Mininni, с. 24-25). Диалогический характер интердетерминистского взаимодействия проявляется, во-первых, в безусловном принятии Другого, во-вторых, расширении горизонтов постижения, в-третьих, обретении нового качества взаимодействующими сторонами (Бахтин, 1994); в-четвертых, формировании общности, совместности (интерсубъективность, со-переживание), способствующей взаимопониманию и скоординированному взаимодействию.

Комплексность природы феноменологии социального прогресса в контексте диалогической интердетерминации находит свое выражение в ряде требований к ее изучению:

- формирования толерантности к существующему многообразию подходов, создающей фундамент для интегративной эклектизации совместно принимаемых решений, вырабатываемых на диалогическом основании;
- учета культурной обусловленности психологической феноменологии с учетом ее поликультурного многообразия, предполагающего нахождение этико-имического баланса;

● акцентирования внимания на диалогической интердетерминированности, приводящей к обретению нового качества, не представленного во взаимодействующих частях, с проектированием его обретения и связанных с ним изменений, достигаемых только посредством и в процессе поликультурного диалога;

● учета интердетерминационного характера взаимодействия разнокачественных природ, сфер отражаемой реальности и областей социально-психологической феноменологии.

Литература

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: Наукова думка, 1994.

Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию. Минск: АСАР, 2005.

Янчук В.А. Прогресс в углублении понимании психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива // Критерии и признаки прогресса психологической науки / под ред. А.Л. Журавлева и др. М.: ИП РАН, 2009. - С.262-285.

Янчук В.А. К построению социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете. Сб. мат-лов юбилейной конференции: В 5 томах. Том 1 / отв. ред. Д.Б.Богоявленская. М.: Когито-центр, 2015. - С.136-138.

Allport G.W. (1954) The historical background of modern social psychology. In G. Lindzey (Ed.), Handbook of social psychology. Vol. 1, Reading, MA: Addison-Wesley, pp. 3–56.

Bandura A. (1978) The Self-System in Reciprocal Determinism. American Psychologist. 33(4). - 345-358.

Baumeister R.F., Vohs K.D. Eds. (2007) Encyclopedia of social psychology Vol. 1. SAGE Publications.

Gelfand N.G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi (Eds) (2011) Advances in Culture and Psychology. Vol. 1. New York: Oxford University Press.

Gelfand N.G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi (Eds) (2012) Advances in Culture and Psychology. Vol. 2. New York: Oxford University Press.

Gelfand N.G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi (Eds) (2013) Advances in Culture and Psychology. Vol. 3. New York: Oxford University Press.

Gelfand N.G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi (Eds) (2014) Advances in Culture and Psychology. Vol. 4. New York: Oxford University Press.

Mininni G. (2010). The Method of Dialogue: Transaction Through Interaction IPBS: Integrative Psychological & Behavioral Science, 44(1). - 23-29.

Valsiner J. (2014). An Invitation to Cultural Psychology. SAGE Publications.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ О СЧАСТЬЕ У РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Яценко Е.Ф.

Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия

В статье представлены результаты исследования различий в представлении о счастье у российских юношей и девушек. Обнаружены различия между показателями шкал «Духовное удовлетворение» как ценность, «Потребность в признании» и «Потребность в самореализации»: для девушек в большей степени, чем для юношей, важны духовное удовлетворение и самореализация; потребность в признании больше необходима юношам. Определено, что чем счастливее ощущают себя юноши, тем менее у них выражена материальная потребность; чем счастливее чувствуют себя девушки, тем менее значима для них потребность в безопасности. Выявлены взаимосвязи между показателем шкалы счастья и показателями шкал исследования у юношей и девушек.

Ключевые слова: половые различия, девушки, юноши, счастье, ценности, смысложизненные ориентации, потребности, корреляционный анализ Пирсона, U-критерий Манна-Уитни.

SEXUAL DISTINCTIONS IN IDEA OF HAPPINESS AT RUSSIAN YOUTH

Yashchenko E.F.

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University
Saint-Petersburg, Russia

Results of research of distinctions in idea of happiness at the Russian young men and girls are presented in the article. Distinctions between indicators of scales “Spiritual satisfaction” as the value, “Need for recognition” and “Need for self-realization” are found: for girls more than for young men, the spiritual satisfaction and self-realization are important; the need for recognition is more necessary for young men. It is defined that the more happily young men feel, the less their material need is expressed; the more happily girls feel, the need for safety is less significant for them. Interrelations between an indicator of a scale of happiness and indicators of scales of research at young men and girls are revealed.

Keywords: sexual distinctions, girls, young men, happiness, values, life-sense orientations, needs, correlation analysis of Pearson, U-Mann-Whitney criterion.

Бурные социально-экономические и политические события последнего года не ослабили интереса современных исследователей к проблеме счастья. Способность быть счастливым, полноценно проживать свою жизнь является непреходящей практической ценностью как для зрелых людей, так и для молодежи. Понять содержание счастья современных юношей и девушек и определить различия в представлении о счастье у современной российской молодежи чрезвычайно актуально потому, что в их руках – наше будущее. Различные аспекты счастья, субъективного благополучия исследовали М. Аргайл (1990), И.А. Джидарьян (2000; 2001), Е. Diener (1984), А.В. Нырков (2000), Г.Л. Пучкова (2003), В. Татаркевич (2008), Р.М. Шамионов (2002), Е.Ф. Яценко (2012; 2013) и другие.

Ранее нами предпринималась попытка исследования субъективного благополучия молодежи уральского региона – студентов крупного южно-уральского университета (Яценко, 2012). В данной статье осуществлено изучение представлений о счастье юношей и девушек северной столицы (в возрасте 18-22 лет в количестве 60 человек) и их различий.

Была выдвинута гипотеза о том, что существуют различия в представлении о счастье у юношей и девушек. Методический инструментарий составили «Оксфордский опросник счастья» М. Аргайла, «Методика диагностики степени удовлетворенности основных потребностей» («Парные сравнения») В.В. Скворцова, И.Д. Ладанова, «Аксиологический тест» А.В. Капцова, Тест «Смыслжизненные ориентации» Д. А. Леонтьева, анкета А.Н. Махаевой.

Результаты исследования и их обсуждение

По результатам методики М. Аргайла у 43% девушек отмечен средний показатель по шкале «Счастье». Исследование ответов показало, что они смотрят в будущее с оптимизмом, удовлетворены жизнью, контролируют свою жизнь. Возможно, иногда им бывает трудно принимать решения или рационально распределять свое время, но, тем не менее, эти испытуемые осмысленно проживают время своей жизни и считают себя достаточно счастливыми. Одинаковые результаты были получены по пониженному и повышенному уровню счастья (по 27%). Девушки с пониженным показателем шкалы «Счастье» отмечали, что многое в жизни их не удовлетворяет, им мало интересны окружающие люди, они чувствуют себя не вполне здоровыми. Испытуемые с повышенным показателем по шкале «Счастье», наоборот, полагают, что мир – это прекрасное место, в котором они привязаны ко многим людям и часто бывают в приподнятом настроении.

Анализ результатов распределения юношей по уровням шкалы «Счастье» показал, что так же, как и у девушек, самой большой группой явилась группа со средним показателем счастья (53%). При этом юношей, обладающих повышенными и пониженными показателями, оказалось гораздо меньше, чем девушек (соответственно 20% и 25%). Но так же, как и

среди девушек, отсутствуют молодые люди, имеющие высокий показатель по шкале «Счастье». С низким показателем счастья определено одинаковое количество юношей и девушек (по 3%).

Показатели шкалы «Счастье» на общей выборке у юношей и девушек свидетельствовали о том, что почти половина испытуемых (48%) обладают средним уровнем счастья. Молодые люди довольны своей жизнью, энергичны, верят в будущее, строят большие, оптимистичные планы, полагают, что жизнь замечательна, а вокруг много интересных людей. Они способны радоваться жизни и поддерживать теплые взаимоотношения с людьми.

Почти равными показателями обладают девушки и юноши с повышенным и пониженным уровнями счастья, но с пониженным уровнем количество людей немного больше. Они не видят цели в своей жизни, крайне редко бывают в радостном настроении и не испытывают теплых чувств по отношению к другим людям.

Анализ результатов, полученных с помощью анкеты А.Н. Махаевой, позволил получить некоторые любопытные факты. Например, на вопрос «Можете ли вы назвать себя счастливым человеком?» 87% юношей и 43% девушек ответили «скорее да»: результаты чрезвычайно важны для понимания отношения к своей жизни мужчин, занимающих в основном все ключевые управленческие позиции в нашей стране. На вопрос «Часто ли вы чувствуете себя счастливым человеком?» большее количество девушек (60%) ответили, что часто чувствуют себя счастливыми. Среди юношей 50% дали такой же ответ. Распределение ответов на вопрос «Всегда ли вам нужен повод, чтобы чувствовать себя счастливым (ой)?» показало, что девушки больше (37%) нуждаются в поводе для счастья, нежели юноши (23%). Кроме того, мелкие неприятности чаще приведут к разрушению счастья у девушек (33%), нежели у юношей (17%). Больше половины юношей (53 %) и 40% девушек, отвечая на вопрос «Может ли ваше состояние счастья быть разрушено при возникновении мелких неприятностей?», предположили, что, скорее всего, счастье не будет разрушено при возникновении мелких неприятностей. На вопрос «Самая главная составляющая счастья – это...» 73% девушек ответили, что это семья. Почти в 2 раза меньше юношей (37%) дают такой же ответ. В «свой вариант» ответа на этот вопрос молодые люди внесли такие ценности счастья, как самореализация, успех в делах (учебе, работе), здоровье, любовь. На вопрос «Согласны ли вы с утверждением «Не в деньгах счастье»?» большинство юношей («да» 30%, «скорее да» 43%) и девушек («да» 43%, «скорее да» 27%) соглашались с тем, что счастье не связано с получением денежных средств. Данные результаты опровергают современный стереотип о доминирующей власти денег в сознании молодых людей и их влиянии на счастье.

Важными, на наш взгляд, явились ответы на вопрос о том, кто такие счастливые люди. Наибольшее количество юношей и девушек считают, что счастливые люди – это целеустремленные, добрые, уверенные в себе и позитивные люди. Именно у юношей отмечены такие значимые ответы, как настойчивые (27%), справедливые (10%) и честные (7%). Девушки были в большинстве в определении отзывчивости (20%) и мягкости (10%). На вопрос «Для достижения счастья нужно...» большинство юношей (70%) и девушек (80%) ответили, что «нужно достичь большего, чем они сейчас имеют, чтобы стать счастливыми», лишь 30% юношей и 20% девушек отметили, что надо довольствоваться тем, что есть. Большинство юношей (73%) и девушек (83%) считают, что наибольшее счастье им приносит забота о близких. На втором месте для юношей и девушек стоит встреча с другом, а на третьем – рождение ребенка. Отвечая на вопрос «Для женщины счастье – это...» девушки отметили, что женское счастье связано с семьей, наличием детей и самореализацией (Яценко, 2006). Юноши также считают, что семья и наличие детей важны для счастья женщины, но женщине для счастья также необходимо физическое здоровье (47%). При ответе на вопрос «Для мужчины счастье – это...» большинство девушек (73%) предположили, что успех в работе является главной составляющей для счастья мужчин, а большинство мужчин (60%) показали, что самореализация – вот основа счастья мужчины. Важным, на наш взгляд, явился экзистенциальный вопрос «Как вы думаете, связано ли счастье с обретением смысла жизни?». 53% девушек и 40% юношей определенно связывают счастливое состояние с обретением смысла жизни. Предполагают, что «скорее да» – 36% юношей и 26% девушек.

В. Франкл писал, что самоактуализация, подобно могуществу и наслаждению, относится к классу тех вещей, которые могут быть достигнуты лишь в качестве побочного эффекта и уплывают от нас в той мере, в какой мы делаем их объектом прямой направленности ... Самоактуализация происходит спонтанно, она нарушается, когда ее превращают в конечную цель. Конечной же целью, по В. Франклу, выступает реализация смысла, который, будучи надличностным, имеет при этом посюстороннюю природу (Франкл, 2000). Российские студенты задумываются о смысле жизни и связывают его осознание с собственной счастливой жизнью.

Корреляционный анализ К. Пирсона позволил выявить взаимосвязи между шкалой счастья и потребностями юношей и девушек: обратная взаимосвязь существует между шкалой счастья и материальными потребностями у юношей ($r = -0,450$, $p < 0,05$) и обратная взаимосвязь – между шкалой счастья и потребностями в безопасности у девушек ($r = -0,368$, $p < 0,05$). Чем счастливее ощущают себя юноши, тем менее у них выражена материальная потребность; чем счастливее чувствуют себя девушки, тем менее значима для них потребность в безопасности.

Обнаружены взаимосвязи между шкалой счастья и ценностями юношей и девушек. У юношей шкала счастья имеет 11 прямых взаимосвязей со шкалами исследования: с образованием ($r=0,577$, $p<0,05$), общественной жизнью ($r=0,642$, $p<0,05$), увлечениями ($r=0,516$, $p<0,05$), саморазвитием ($r=0,652$, $p<0,05$), достижениями ($r=0,440$, $p<0,05$), духовным удовлетворением ($r=0,652$, $p<0,05$), креативностью ($r=0,601$, $p < 0,05$), взаимоотношениями ($r=0,565$, $p<0,05$), престижем ($r=0,478$, $p<0,05$), сохранением индивидуальности ($r=0,483$, $p<0,05$) и профессиональной жизнью ($r=0,646$, $p<0,05$). Таким образом, юноши связывают свое счастье с образованием, возможностью участвовать в общественной жизни, с увлечениями, саморазвитием, достижениями, духовным удовлетворением, креативностью, общением, престижем, сохранением индивидуальности и профессиональной жизнью.

У девушек шкала счастья имеет 4 прямые взаимосвязи: с профессиональной жизнью ($r=0,431$, $p < 0,05$), образованием ($r=0,435$, $p < 0,05$), достижениями ($r=0,679$, $p < 0,05$) и саморазвитием ($r=0,454$, $p < 0,05$). Свое счастье девушки связывают с возможностью получить образование, профессиональной жизнью, саморазвитием и достижениями.

Различия между шкалами исследования у юношей и девушек определялись по U-критерию Манна-Уитни. Выявлены достоверные различия по шкале «Духовное удовлетворение» как ценность ($U=283,5$) при $U_{кр.}=338$ $p<0,05$: для девушек в большей степени, чем для юношей, счастье связано с духовным удовлетворением. Выявлены также достоверные различия между показателями шкал «Потребность в признании» ($U=227$) и «Потребность в самореализации» ($U=264,5$) при $U_{кр.}=338$, $p<0,05$: потребность в признании больше необходима юношам ($M_{юн.}=22$, $M_{дев.}=18$), потребность в самореализации – девушкам ($M_{юн.}=21$, $M_{дев.}=27$). Статистически достоверные различия между показателями шкал смысложизненных ориентаций у юношей и девушек установлены не были.

Таким образом, определены общие и различные психологические особенности в представлении о счастье у современных российских юношей и девушек.

Литература

- Аргайл М.* Психология счастья. М.: Прогресс, 1990.
- Джидарьян И.А.* Счастье и его типологические характеристики. М., 2000.
- Джидарьян И.А.* Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001.
- Нырко А.В.* Технологии счастья. М.: Олма-пресс, 2000.
- Пучкова Г.Л.* Субъективное благополучие как фактор самоактуализации личности: дисс... канд. психол. наук. Хабаровск, 2003.
- Татаркевич В.* О счастье и совершенстве человека. М.: Мысль, 2008.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Наука, 2000.

Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия: к разработке интегративной концепции // Мир психологии. 2002. - №2. - С. 143-148.

Яценко Е.Ф. Ценностно-смысловая концепция самоактуализации: дисс... д-ра психол. наук. Ярославль: ЯрГУ, 2006.

Яценко Е.Ф. Самоактуализация и субъективное благополучие как социально-психологические проблемы профессионального образования: студенты и преподаватели университета // Вестник ЮУрГУ, серия «Психология». Челябинск, 2012. - Вып.18. - №31 (290). - С. 56-63.

Яценко Е.Ф. Психологические особенности самоактуализации и субъективного благополучия профессионалов в сфере образования и культуры // Фундаментальные исследования. Серия «Психологические науки». №10 (7). 2013. - С. 1602-1606.

Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin, 1984.

Международная научно-практическая конференция

**ГУМАНИТАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА:
РОССИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

(25-27 апреля 2016 г.)

СБОРНИК СТАТЕЙ

ЧАСТЬ 8

Научное издание

Печатается в авторской редакции